

У Р А Л Ь С К И Й N 8 (566), 2004

Следопыт

РОССИЙСКИЙ ЖУРНАЛ ISSN 0134-241X

**О ЧЁМ ПОЁТ
СТАРЫЙ ПАТЕФОН**

**КТО НА СЕРГЕ
ХОЗЯИН?**

**ФОТОКОНКУРС:
ПЕРВЫЙ ПОБЕДИТЕЛЬ!**

ШКВАРКИ ОТ ПОХОДА

Маршруты Уральского следопыта

Пелым, левый приток Тавды (Свердловская область). В конце XVI столетия в устье Пельма русские построили город Пелым. Название реки ...пытаются отождествить с мансийским *полям* - «мерзлый», «студеный», то есть Пелым - «Студеная река».

А.К.Матвеев

«ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ НАЗВАНИЯ УРАЛА»

О походе на Пелым читайте на стр. 77.

«Хочешь двигаться – ищи попутчика»

В номере 8 2004 (566)

Главный редактор
Максим Фирсов

Редакторы разделов
Юний Горбунов,
Александр Челноков
Художественный редактор,
верстка
Юлия Ульянова
Набор

Валентина Кадочникова
Корректор

Юрий Виноградов
Учредитель:

Общественная организация
«Трудовой коллектив
редакции журнала
«Уральский следопыт»

Издатель:

ООО «Редакция журнала
«Уральский следопыт»

Редакционный совет:

Владислав Крапивин

Сергей Казанцев

Борис Стругацкий

Геннадий Прашкевич

Олег Поскребышев

Юрий Казарин

Станислав Мешавкин

Нина Ягодинцева

Наблюдательный совет

Евгений Виноградский

м.с.м.к., «Снежный Барс»

Евгений Савенко

чл. Союза фотохудожников России

Семен Спектор

заслуженный врач России

издано при поддержке

министерства физкультуры, спорта

и туризма Свердловской области

Регистрационное свидетельство № 441,

выдано 13.12.90 г. Министерством

печати и массовой информации РСФСР.

ООО «Редакция журнала «Уральский

следопыт» обладает исключительным

правом на логотипы и название журнала.

Рукописи принимаются отпечатанными не

менее 12 пт, по 60 знаков в строке, 28-30

строк на странице. Каждая страница

рукописи должна быть подписана автором.

Обязательно прилагать информацию об

авторе. В первую очередь рассматриваются

рукописи, дополненные электронной

версией (E-mail, дискета, CD).

Рукописи не возвращаются.

При отправлении электронных сообщений

обязательно заполнять поле ТЕМА.

Любое использование материалов журнала

допускается только с письменного согласия

ООО «Редакция журнала «Уральский

следопыт». Ссылка на журнал «Уральский

следопыт» обязательна.

По вопросам приобретения журнала

обращаться по тел.(343) 257-36-62

Подписано к печати 15.08.2004 года.

Формат бумаги: 84x108/16. Бумага

офсетная. Печать офсетная. Тираж 4500.

Отпечатано в типографии

Екатеринбургской Епархии

© ООО «РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА

«УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ»

Адрес редакции:

620142, г. Екатеринбург,

ул. Декабристов, 67. Тел. редакции:

(343) 257-45-01, 257-36-62

E-mail: uralstalker@sky.ru

info@uralstalker.ru

www.uralstalker.ru

РЕКА ВРЕМЕНИ

Легенды и были

В.СУРЕНКОВ Палена горка.....2

Тропой поиска

Д.СЕРГЕЕВ В застенках «Уральского Шлиссельбурга»-2.....4

Портреты

Е.ПОДЧИВАЛОВ Загадка чугунного колеса.....20

П.ФЕДОТОВ Судьба учителя.....61

Пушкиниана

Ю.КЛЮШНИКОВ Тайна «Евгения Онегина».....27

Краеведческая копилка

Л.ВСЕВОЛОЖСКАЯ Храмы Всеволожских.....52

Уроки истории

В.ТРУБЕЦКОЙ Кто на Серге хозяин?.....53

Человек и природа

Л.БОГОЯВЛЕНСКИЙ Лога, которым 10.000 лет.....68

АЭЛИТА

Фантастика

М.ОЛИН Иероглиф Кальвина.....7

С.КУСКОВ Кто не верил в дурные пророчества.....31

Наш гость

И.ВОРОТНИКОВ Стихи.....24

Современная поэзия

С.ИВКИН Страсти по Андрею.....65

Автобиография

С.МЕДОВЩИКОВ Патефон.....71

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

Уральские тропы

С.АЛЕНТЬЕВА Наследники уральских рудознатцев.....15

Проекты «Уральского следопыта»

ФОТОКОНКУРС.....18

Записки очевидца

А.ЯКУБЧИК Шкварки от похода.....49

Человек и природа

В.ЮКЧУБАЕВ Пашикин ток.....57

Советы специалиста

Добыча и очистка воды в походных условиях.....75

Добрые попутчики «Уральского следопыта»

Е.ТАМПЛОН Поход на Пелым.....77

Леса Уральской горной страны

Е.САВЕНКО Северный Урал4 полоса обложки

Палёна горка

...С самого Калиновского моста, что на Белу Глину ведет, на Ново-Ивановское кладбище, от речки Полевой на запад по вдоль Потаповки тянется долгий подъем на Палёну гору.

Когда по утрам из-за Думной матушки-горы выплывает огромное солнышко, из-за рассеивающегося тумана открывается прям-таки незабываемый, завораживающий вид на город Полевской.

Расколдобленная тележными колесами лесная дорога, вихляя меж замшелых камней и шипящего кустарника, поднимается все выше и выше, путается, разветвляется среди свежих ям, что вырыты под погреба, фундаменты, землянки с малушками и банешками...

Телега наша, гремя и скрипя всеми своими пересохшими, несмазанными суставами и осями, высекая обручами искры о зеленые камни, с ленцой тянется за лошадкой. А нам, кишкалде, братьям сродным, хорошо и весело валяться среди строительного скарба и глазеть в бездонное ласковое небо, не имеющее ни начала, ни конца...

Эх ты, детство, детство беззаботное! Привычно и родно пахнет потной лошадью, дегтем, прелой кожей и еще Бог знает чем, но родным и приятным. Да..! И еще кострами!

По завсей-то горушечке горят и дымят они, спасая кормилицу-страдалицу скотинешку от злого комарья, овода, слепней. Если серьезно прислушаться, приглядеться к дымовикам, то почувствуешь, что каждый из них и пахнет по-своему, и говорит что-то свое, особенное. Только прислушайся.

Последнее дяди Федино «тпру...у.у, милая!» нашей доброй коняжке, и мы остановились на самой вершине Палёной горки, где будет строиться его дом. По свежескатанным срубам бегают такая же шаловливая кишкалда, как и мы с Юркой.

Пока родители распрягают безотказницу, сгружают инструменты, пилы разные, лопаты, топоры, казан и прочее, мы уже ползаем на карачках и забиваем рот ясноглазой вкуснейшей ягодой земляники, которой здесь уйма. Невырубленные хворостные, корявенькие сосеночки обиты-опутаны душистыми, свисающими гирляндами хмеля и белым цветками, княжника. Обросевшие за ночь сети-паутинки переливаются то тут, то там радужными всполохами, а уж после, как опадут волшебные видения, вослед им по серебристым нитям паутины бежит страшилище паук-крестовик...

Увидев, что мы пытаемся нарушить эту красоту, родители наказывают:

— Без надобности ничего не трогайте. Не вами создано, а Богом...

Но и это еще не самое интересное. Среди скуд-

ной ощипанной травенки, либо клоповной папоры, на серых от лишайников плитняках, залитых временем, бегают яркие ящерки. До чего ж интересно на них смотреть! Облепая понравившийся голяк, подставят изумрудные спинки ласковым лучам солнышка и замрут. Только лукаво-хитренькие глазки поблескивают. А вот ловить эко чудо нельзя. Да и боязно. Вдруг ее, родимую, примнешь за хвостик, он у нее и отвалится. Отпадет и сам по себе дергается. Греху этому и примета есть: быть беде в семье. Старшие за таким занятием приловят — такого подзатыльника отвешают...

Боялись греха, одним словом. Сквозь стройные карабельные, но уже редкие вырубаемые сосны виднеется речка Полевая. Смешно как-то: сама по болотам среди гор кое-как продирается, а зовется Полевой.

Сдругованившись, шумными ватагами запохаживали мы в западный подол горы в страховитое Бекетово болото. Черт-те что только про него не рассказывают. Да мы уж и сами видали и слышали, как завязшие, тонущие коровы режут в нем...

Строго-настрога наказывали не швалыганить туда. Да разве удержишь?! Все одно лезли за яйцами утиными, за клюквой, брусникой. Уляжешься возле кочки, шарами-то в бездонное небо уставишься, облаками любишься, их непостоянством, а над самым-то носом гроздь висят. Ровно кровь чья-то. Ох, батюшки, вспоминать и то страшно! Чтобы нас туда бес не носил, старшие-то пугали зарубленными казаками да татарами, кои по ночам в гати с факелами бродят и золото потерянное разыскивают.

А уж как веснами по ночам филин ухал-наохатывал за болотом, по неотпетым душам убиенным — не приведи Господи! Может, и вправду это грешные покойники орали — кто теперь знает?!

Однажды затащила меня сила нечистая в поганое место. Заполз за ради любопытства на четверках в заросли шипячника, жимолости, вересовника. В диковинной колючей норе-лазу сумрачно, сыро, грязно, а уж воняет как — не рассказать. На колючках, в заелозенной земле — ключья разноцветной шерсти, куриные перья, кости... Все ясно: лисья нора. Ить надо же: сама красавица, а уж неряха?! Ну все как у людей.

Но самое ценное в воспоминаниях о детстве вот что. Только-только начинались вечерние сумерки, как уставшие от дневного труда, жары, зноя мужики да бабы, деды со старухами, присаживались кто на чьих на комлевые чурбаки, плахи, на поддёрвки либо полушубки возле обустроенных, уже весело потрескивающих смоляной щепой костров, раскручива-

ли не спеша, со вкусом козьи ножки из самосада, и начинались долгие-предолгие, которые разы до утра, воспоминания о своих прожитых, а то и стародревних, неведомых нам, малышне, годах.

Были и небылицы, смешное и грустное, страшное и загадочное — все нами, детьми, воспринималось, как сухим мхом живительная влага.

Ну, а уж коли по чарочке пропустят новопоселенцы-ведуны, тут такого навспоминают, что от страха два шага до избы силушки нет дойти — так до утра и дыгаем у костра. Уже, глядишь, и черти ходят-бродят, прячась по закустам. Русалки, слышать, запели на говорливом перекате. Но загадочнее всего были воспоминания про подземную дорогу каменную. Многие и по всякому сказывали, что от Барабы Старой до горы Азовки под землей чудаками, маленьким народцем, прокопана она, да зарок на нее дан. Потому найти ее и не могут. По ней, сказывали, верхом на коне скачи — шапки не сронишь. Душу продавшие дьяволу, разбойники прятали награбленное добро на торговой древней тропе. Потому, баяли, и неуловимы были, сквозь землю уходили. Заветное слово знали!

Про Горного Батюшку вообще вполголоса говорили, с оглядкой. То ли в самом деле боялись его могущества, но говорили с гордостью, трепетом в голосе, то ли нам, цыпкам, для сказочности да загадочности, так-ту ведали! Не без умысла же?! За что и спасибо им вечное, покойным головушкам!

О нечистой силе особенно бабушки лю-

били вспоминать. Многие, верить если, сами с ней встречались, разговаривали, а то и подарки получали, будучи несмышленими девчушками... Про всяких живущих в лесах, болотах, урëмах певчих, скалах наговорено — дай только Бог вспомнить?! Болот кругом — уймище! То старичок-паучок кого жадного, либо во хмелю старателя утащит. Водяница Зелëна подлеца ума-разума лишит, надсмеется...

Сказывали, у башкир и татар Думная-то наша Старой Барабой называлась. Места эти русские вольные казаки обживать стали. Вышки смотровые с дымовиками по вершинам гор расставили. Дозор учинили. Как увидят, караван идет, зажгут предупредительный сигнал — далеко с горы на гору видать. Все уж знают: бросай работу — грабить айда. Налетят кучей, побьют охрану — тем и жили. Грабежом да разбоем, значит. С той поры самое страшное место Курьей зовется. Дескать, как курице, отрубят башку — и все тут.

Место это, про которое вспоминал, Новым поселком зовется. Той порой башенный цех, серную кислоту выгонявший, совсем задушил народ. Вот и переселили Креолитовый поселок, Мыс (бывший Кочевой) и Первомайку на Палену гору. Она во курат промеж Думной и Азов-горой находится.

Сверху, с Думенки, глянешь — будто стрелой до рога мечена с востока на запад. Чтобы лес не мешал разбойному люду дозор вести, выжигали горюшку осенями. Потому она — Палëна!

Палëна, она и есть Палëна, как ее больше назывешь?

Художник Ольга Чернева.

В застенках

«Уральского Шлиссельбурга» - 2

26 лет назад в «Уральском следопыте» (№ 10 за 1978 год) вышла статья краеведа Виктора Чернильцева (1912 – 2002) «В застенках «Уральского Шлиссельбурга». В ней описывались ужасы, творившиеся в Нижнетуринской Николаевской тюрьме. Казалось бы, Виктор Федорович в этой работе, равно как и в других своих трудах, восстановил всю историю злополучного заведения, но на поверку это оказалось не так. Даже совсем не так.

Нижнетуринская «тюрьма» (почему в кавычках – ниже) возникла на месте пустовавших 30 лет корпусов Николаевского оружейного завода. Губернская администрация в 1889 году возложила бремя реконструкции зданий завода на верхотурское земство. И уже 1 сентября 1893 года в исправительное заведение «заселили» первых арестантов. В «наследство» от оружейного завода исправительному отделению досталось название – Николаевское. В учреждения подобного типа в соответствии с уставом помещались только лица мужского пола от 17 до 60 лет, не освобожденные от телесных наказаний. Заключали в отделение на срок от года до шести лет.

Перевоспитывались арестанты «трудом и религиозно-нравственным наставлением». Поэтому важную роль играли священники и наставники. Те, кто отличался исполнением обязанностей веры и прилежанием к труду, могли быть переведены в отряд исправляющихся, что влекло сокращение срока и необходимость особого разрешения для применения телесных наказаний. В Нижнетуринском Николаевском исправительном арестантском отделении было все необходимое для перевоспитания заключенных: церковь, мастерские, больница и даже парк. Журнал Главного тюремного управления Министерства юстиции «Тюремный вестник» указывал, что здешняя домовая церковь во имя Св. Николая Чудотворца освящена 18 октября 1895 года, а создана была за счет суммы в 1200 рублей, отпускаемой ежегодно на содержание церкви при исправительном отделении.

Отбывающие наказание в «Николаевке» трудились на заготовке дров, работали в Нижней Туре подмастерьями на железоделательном заводе или у ремесленников. Само отделение, по всей видимости, выпускало деревянные и слесарные изделия. Кроме того, арестанты занимались разработ-

кой платиновых приисков. «Здесь на трех приисках образовались как бы филиальные отделения Николаевского исправительного отделения, обеспеченные на круглый год жилищем, отоплением, освещением, врачебной помощью без затрат со стороны государственного казначейства, за один только 1908 год было получено за арестантский труд 76299 рублей 84 копейки», – сообщает журнал Министерства юстиции «Тюремный вестник». Кроме того, у Николаевского отделения были значительными земельные участки, развивалось молочное хозяйство, выращивался скот, птица.

Доходы позволяли полностью окупать содержание арестантов. «Николаевка» была одним из самых прибыльных учреждений дореволюционной уголовно-исполнительной системы не только по уровню абсолютных доходов, но и по среднему заработку арестанта. По последнему показателю Нижнетуринское Николаевское исправительное арестантское отделение в 1906 году вышло на второе место среди тюрем империи. В Ярославском отделении (оно опережало «Николаевку») арестант зарабатывал 56,1 коп. в день, в Нижней Туре – 54,6, а в среднем по империи этот уровень достигал 33,7 коп. А в соответствии с законодательством из вырученных денег заключенному в исправительном отделении выплачивали 30 процентов. Таким образом, отбывание наказания приносило арестанту и неплохой заработок.

Исправительное учреждение финансировалось как из государственной казны, так и из фондов земства; существенную помощь оказывало и состоявшее при отделении общество попечителей. 13 января 1895 года в звании попечителей были утверждены надворный советник Пастухов и один из местных купцов.

Начиная с 1905 года, значительно изменился контингент заключенных. В конце XIX – начале XX века в местах лишения свободы зачастую смешивали заключенных различных категорий (уголовных и политических). 16 апреля 1904 года были утверждены «Правила содержания в тюрьмах гражданского ведомства политических арестантов». Условия теперь для всех стали общими. С 1905 по 1908 год в арестантском отделении «Николаевки» отбывали срок известные революционные деятели: Н. Батулин («Замятин»), Ф. Сергеев («Артем»),

И. Малышев, Я. Свердлов («Андрей») и многие другие. И.А. Камшилов, содержащийся в исправительном учреждении с 1907 по 1908 год, указывает в воспоминаниях еще более 30 фамилий социал-демократов, эсеров и анархистов, отбывавших наказание в «Николаевке».

Вопрос о численности арестантского «населения» — один из наиболее спорных. Член Императорского русского географического общества И.Я. Кривошеков указывает, что «численность арестантов в этой тюрьме достигает 1000-1200 человек». Некоторые исследователи утверждают, что тюрьма вмещала в среднем 580-590 человек, ссылаясь на труд М.Н. Гернета «История царской тюрьмы». Но дело в том, что Гернет говорит о Николаевской каторжной тюрьме, которая находилась в городе Николаеве Херсонской губернии, а не в николаевском арестантском отделении. К слову сказать, и николаевских арестантских отделений в империи было два: одно в Херсонской губернии, а другое — в Пермской. Представляется, что все названные выше цифры не точны. Если учесть, что в 1922 году в тех же корпусах содержались в среднем 445 человек, а тюремная больница в начале XX века вмещала 40, то, скорее всего, до 1917 года в отделении было 300 — 350 человек. Это совпадает с мнением редактора дореволюционного журнала «Тюремный вестник» Н. Лучинского.

Появление большого числа политических арестантов обусловило необходимость предотвратить проникновение в «Николаевку» нелегальной литературы и листовок, а это привело к ужесточению режима. Николаевское исправительное арестантское отделение приобрело славу одного из самых суровых мест лишения свободы. За отделением закрепилось имя «Уральский Шлиссельбург». Плохое обращение с арестантами заставило наставника отделения священника Л.

Ставровского направить телеграмму депутату Государственной Думы Аладыну: «В Николаевской тюрьме репрессии в отношении политических: 15 в карцерах, 1 изувечен, 1 покушался на самоубийство, двое в смиренных рубашках, 50 голодают третий день». Неизвестно, предпринял ли депутат какие-либо действия, но упоминаемая в телеграмме голодовка возымела определенный результат. Арестанты, полностью отказавшиеся от пищи из-за убийства охраной отделения политического заключенного А. Шамина, требовали личного приезда прокурора Казанской судебной палаты для проведения следствия. После работы следственной комиссии были отстранены от должности ряд служащих тюремной администрации, в том числе начальник отделения надворный советник Югуртин — на основании ст. 1100 Устава уголовного судопроизводства». Упоминаемая статья 1100 гласит: «Должностные лица, предаваемые суду во время нахождения на службе, могут быть или временно устранимы, или вовсе удаляемы от должностей». Поскольку Устав носил процессуальный, а не материальный характер, трудно предположить, за какое же преступление преследовался Югуртин. Следует сказать, что ужесточение режима, скорее всего, было только в отношении политических арестантов, которые, по свидетельству И.А. Камшилова, в большинстве случаев содержались в одиночном корпусе.

Несмотря на строгость режима, институт частичного самоуправления арестантов распространялся и на политических: заключенные выбирали старосту, последний отвечал за деньги арестантов, представлял их перед администрацией и выполнял иные функции. Старостой одиночного корпуса какое-то время был Яков Свердлов.

О деятельности отделения в годы революции и в начале гражданской войны практически ничего неизвестно. По амнистии, проведенной Времен-

Главный корпус Николаевского арестантского отделения. 1904-1906г.
Из фондов нижнетуринского краеведческого музея.

ным правительством 1 марта 1917 года, из мест заключения освободили более половины арестантов. Однако, можно предположить, что в 1917–1918-м годах отделение пустовало, так как линия фронта долгое время проходила через Нижнюю Туру, а в такой ситуации функционирование пенитенциарного учреждения невозможно.

Самый ранний документ советского времени датируется декабрем 1919 года. Возможно, уже в конце 1918 года Нижнетуриинское Николаевское исправительное арестантское отделение преобразовали в Нижнетуриинский исправительный рабочий дом №3. По своему статусу исправдом близок к дореволюционным арестантским отделениям. Основным принципом исправления в новых учреждениях было сочетание труда и просвещения. Значительно возросла роль самоуправления заключенных. Так, в исправдоме №3 довольно часто проводились собрания. Повестки дня были как плановыми, так и внеочередными. 27 декабря 1919 года, например, на общем собрании заключенных было принято обращение к новому заведующему ИД №3 Уракову, где говорилось о поддержке ими революционного правительства и о желании плодотворно сотрудничать с ним.

Управление исправдомом было построено на малопонятных основах. Официально оно возглавлялся заведующим, в администрации работали его помощники, старший надзиратель и еще несколько служащих. По всякому вопросу, даже самому незначительному (например, оценка качества муки, полученной исправдомом), руководство уведомляло губернское управление Наркомата юстиции. Это положение можно объяснить тем, что до принятия Исправительно-трудового кодекса 1924 года существовал пробел в законодательстве, потому исправдома были «привязаны» к соответствующим губернским структурам.

Сходство в методике «исправления» преступников между рабочим домом и арестантским отделением обусловило ряд любопытных совпадений. Так, в помещении бывшей тюремной церкви решением собрания заключенных от 7 января 1920 года был организован клуб имени Карла Маркса. При клубе администрация создала библиотеку, достаточно богатую для того времени. Регулярно проводились спектакли, концерты, лекции, диспуты и т.п. Культурная жизнь ИД №3 весьма примечательна. Известно, что активисты из числа заключенных спроектировали и установили 1 мая 1920 года памятник труду, заложили музей и новый парк.

Самодостаточность учреждения, которая существовала до 1917 года, в значительной мере была сохранена. ИД №3 производил как ремесленную, так и сельскохозяйственную продукцию. В конце 1919 года из нижнетуриинского исправительного рабочего дома №3 в ИД №1 (г. Екатеринбург) были переправлены 2 вагона излишков картофеля, заготовленного силами заключенных. В исправитель-

ном учреждении №3 действовали 5 мастерских (слесарная, переплетная, столярная, портновская и печная). Заключенные, кроме того, трудились на ближайших заводах, в окрестных поселках, куренях и на заимках. ИД №3 производил разнообразные товары для внутреннего и внешнего потребления (машинное масло, скипидар и т.д.) Как и до революции, существовали определенные стимулы к труду: зачет 2 дней работ за 3 дня заключения, оплата по существующему профсоюзному тарифу. Свидетельством того, что деньги у заключенных были, являются добровольные сборы в помощь РККА.

После революции изменился состав заключенных и их количество. В рассчитанном на 408 человек ИД №3 содержалось до 580 человек. В отличие от арестантского отделения, в ИД существовало и женское отделение (в 1920 году в ИД №3 было 25 женщин). Значительный рост числа заключенных, вероятно, обусловлен ходом гражданской войны.

После принятия в 1924 году Исправительно-трудового кодекса Нижнетуриинский исправительный рабочий дом преобразовали в исправительно-трудовую, а затем в фабрично-заводскую колонию. Известно, что в годы Великой Отечественной войны в колонии содержались 3500 человек, заключенные изготавливали капсулы для мин и другие изделия для нужд армии. Отбывали наказание люди, осужденные за самые разные преступления. Дочь одного из заключенных, Нина Яковлевна Астрелина, рассказывала, что ее отец Я.С. Назаров попал в колонию в годы войны по одной из частей печально известной 58 статьи УК. Гретта Германовна Варенцова, дочь мастера по деревообработке колонии Г.П. Туркеева, вспоминала, что выпущенные на свободу заключенные нередко оставались переночевать у них дома, что большинство из них в свое время были осужденные за воровство и другие мелкие преступления.

Один из работников администрации колонии, Ф.В. Тюлькин, рассказывал, что в учреждении сохранился последний пермский губернатор М.А. Любич-Ярмолович-Лозина-Лозинский.

Колония прекратила свое существование в конце 1940-х — начале 1950-х годов. Ее фонды были переданы Североуральскому управлению строительства, возводившему — не без принудительных работ — закрытый город Свердловск-45 (ныне г. Лесной) и завод (затем комбинат) «Электрохимприбор». Секретность строительства атомного объекта обусловила отсутствие конкретных сведений о последних годах работы трудколони, о дате закрытия исправительного учреждения. Главный корпус тюрьмы был снесен в 1980 году. Незадолго до этого в Нижнюю Туру приезжала комиссия МВД СССР для проверки возможности использовать здания бывшей тюрьмы по «прямому назначению», но плачевное состояние помещений — им к тому времени было около 130 лет — не позволяло применять корпуса ни для каких целей.

ИЕРОГЛИФ КАЛЬВИНА

«Несмотря на то, что «Мона Лиза» единственна и неповторима, ее копировали чаще всех других картин. Наиболее известны копии Филиппа Шампанского, а также учеников самого Леонардо - Бернардино Луини и Салаино. «Мона Лиза» копировалась скульпторами, нередко ее рисовали в обнаженном, а то и вовсе карикатурном виде».

Из доклада Роберта Блейна

«Отключи мемокамеру. Вид у меня сейчас не из лучших.

Уже почти утро. Я опять видел этот сон.

Да, я же еще не рассказывал тебе о нем...

Немножко отдышусь. Лина спит.

Ей, в отличие от меня, не снятся кошмары.

Вот и хорошо. (Пауза). Умылся. Теперь полегче.

Первое утро очередного корабельного месяца.

Рано или поздно кто-нибудь посмотрит старые записи и скажет, что капитан «Меркурия» окончательно спятил.

Может быть, это важно. Я не знаю. Ладно... (вздыхает).

Мне снится один и тот же сон. Вот уже несколько ночей подряд. (Долгая пауза).

К черту его! Спокойной ночи! (Смех)».

Запись от 452.1, Виктор Кальвин. 4:57 мемокам.

Мы опоздали. На столетие, может быть — больше.

Эта земля была мертвой. Высохшей, как старые кости, облизанные огнем. Песок и пепел, тени и пыль. Будто узловатая рука смерти ласково провела по всему, что цвело, дышало и суеилось, и оставила после себя лишь скупые, невесомые макеты из праха.

На планете почти не осталось кислорода. Ядовитый дым плавал над городом, закрывая от солнца прокопченные скелеты зданий. Казалось, если этот сумрак схлынет, настигнутый свежим ветром, вместе с ним исчезнет и мираж бесконечного могильника, и беззвучный шепот тех, кто здесь жил.

Если бы Лина не предложила исследовать один из старых домов, я просто постоял бы немного рядом с пассажирским ботом, созерцая пустоту снаружи и слушая пустоту внутри, а затем покинул это место, пока призраки не сожрали мою душу.

Старый дом был вылеплен из праха чьей-то мечты. От прикосновения Лины дверь его растаяла, превратившись в белесый дымок. Внутрь входить не имело смысла. Мы ведь не герои. Мы всего лишь военные торговцы — и совсем немножко — исследователи.

Наш товар больше никому не нужен.

«Они все умерли, — прозвучал в наушниках голо-

сок Лины, — целая планета». Увидела ли она сквозь зеркало гермокастюма, как я кивнул? Вряд ли.

А несколько шагов спустя у корней мертвого дерева, похожего на засохшую чернильную кляксу, мы нашли Хола...

«Я живу в космосе.

У меня есть любимая женщина, дом и работа.

Все, что нужно человеку, правда?

Почему же мне тогда так плохо? Отключи мемокамеру, ненавижу наблюдать свою рожу на экране. (Экран гаснет).

Лина любит называть меня «человеком со смешным орлиным носом», или просто Орлиный нос, буд-то индейца. (Смеется).

Отключи насовсем. Опять этот сон. (Вздыхает).

Мне тяжело и дурно. Сон... Планета...

После нее мне стало еще хуже. Все давит... Душит, как петля на шее. (Пауза).

Этот пришелец мне не нравится. Пришелец...

Словечко со Старой Земли, ставшее слэнговым.

Мы сами к нему пришли... Мы — пришельцы.

Несу чушь...».

Запись от 452: 2, Виктор Кальвин, 4:57 мемокам.

Хол расположился под тем деревом в позе лотоса, прикрытый истлевшими обрывками одежды и вооруженный небольшим кинжалом из серо-зеленого металла.

Его проверили на наличие «агрессивных бактерий», а затем переправили на «Меркурий», в каюту, которую наспех ассимилировали в некое подобие «планетарной среды». Впрочем, поселили — это громко сказано. Скорее посадили в угол, словно элемент интерьера или экзотическое растение. Жиллистое, узловатое, как пень, с твердой коричневой кожей и полным отсутствием волос существо. Он дышал очень слабо и смотрел в пустоту невидящими белыми глазами, будто находился где-то очень далеко, а все, что сейчас с ним происходит, не имело никакого значения.

Идея назвать его Холом пришла в голову Лины.

В ее родном английском это слово ассоциировалось с «hollow» — пустотой, и «holy» — святостью.

Самурай в молитве или святой отшельник?

Вряд ли он обрел покой среди изъеденной огнем Нирваны. Скорее, он был мертв в гораздо большей степени, чем его сородичи, от которых не осталось ни следа. Сожженная душа.

Хол — пустышка.

— Интересная штука, — произнесла Лина, вращая в руках его нож. — У меня такое ощущение, что он хотел умереть под тем деревом... Видеть гибель целого мира — это страшно. Почему он просто не убил себя?

Мягкий неоновый свет ламп скользил по зеленоватому лезвию, похожему на древесный лист. Ближе к рукояти его украшал причудливый золотой иероглиф.

— Очень трудно судить поступки того, кто отличается от нас. — я разглядывал пришельца сквозь толстое стекло соседней каюты, — Ты считаешь, он должен был взять эту штуку и вырезать себе кишки? Как допотопный японец? А они у него есть, эти самые кишки?

— Он не похож на растение.

— Разве? Давай попросим врача поставить ему клизму и принесем ночной горшок.

Лина скривилась и ушла. Шутка и вправду получилась отвратительной. Но знаете ли, в мои обязанности не входило пригревать и откармливать полудохлых пичужек, которые к тому же могут быть опасны. Если бы не Лина, этот болезненный заморыш никогда бы не оказался на борту моего корабля. Впрочем, особых неудобств заморыш нам пока не доставил, и оставалась надежда, что не доставит вовсе.

«Опять этот сон. Боже, сколько это будет продолжаться? Уже неделю...»

Отключи мемокамеру, черт бы тебя побрал! (Экран гаснет). Каждую ночь! (Тяжелое дыхание).

Рубашка мокрая от пота. Сейчас вернусь, минутку... (Долгая пауза, шум воды).

Так лучше. Может стоит поговорить с доктором? Не знаю... (Пауза).

Мне снится комната с грязными стенами, без окон и без дверей, в центре которой на старой пеньковой веревке покачивается висельник. Его одежда, лицо и волосы покрыты отвратительным белым налетом. Знаешь, как мука. А глаза, красные, налитые кровью, смотрят куда-то вдаль. Сквозь меня.

В комнате светло, хотя я не вижу ламп.

И так тихо, что слышен стук собственного сердца.

Мне очень страшно там, во сне. (Пауза).

К чему это снится? Что я должен понять?

Я схожу с ума. (Пауза). Хорошо, что рассказал тебе обо всем.

До завтра».

Запись от 452.3, Виктор Кальвин, 4:57 мемокам.

Пока врачи пытались вернуть Холу жизнь, там, на его планете, среди мертвых руин копошились исследовательские боты. Информация могла пригодиться

Ассоциации военных торговцев. История гибели целого мира должна была впечатлить начальство. Я, как минимум, рассчитывал на повышение по службе.

Возможно, вы скажете, что зарабатывать на чужих бедах аморально и гнусно. В то время я так не считал. Мы оказались первыми мародерами в этом уголке Вселенной — грех отказываться от предложенной наживы. Отдел информации обещал собрать все сведения из планетарных каталогов и предоставить их мне не позже завтрашнего вечера.

Успехи же с Холом были невелики. Лина повалилась проводить вечера в его каюте и рассказывать пришельцу о Земле. Ее голос забавно искажался кислородной маской. В соседней каюте, которую переделали в медотсек для экзобиологов, были установлены микрофоны, и я подслушивал, каюся.

Лина рассказывала пришельцу о зеленой траве, мягкой и душистой, и пронзительном голубом небе. О свежем ветре, который приносит с собой запахи моря или хвойного леса. О гигантских горных хребтах, на фоне которых люди чувствуют себя песчинками, и огромных океанах, населенных миллиардами живых существ. Она вспоминала яркое рассветное солнце, шорох осенних листьев и пушистые зимние снегопады, закрывающие весь мир белым полотном.

До сих пор я старался не вспоминать о Земле. Только Бог знал, когда закончится служба и мы вернемся. Но, черт бы ее побрал, я чувствовал, как из самой глубины сердца рвется наружу бесконечная, всеобъемлющая тоска...

Иногда Лина напевала чужаку песенки. Чаще всего колыбельные. Или какую-нибудь ерунду из родного техасского репертуара. Моя русская душа никогда не понимала ее фольклорных пристрастий. Даже фамилию мою Лина произносила на английский манер, с ударением на «а».

Впрочем, только после этих вечеров я наконец-то стал понимать, что творится в голове у моей жены. Каждый раз она тратила на Хола один кислородный баллон. Ей нравилось думать, что после каждой беседы взгляд чужака становится более осмысленным, хотя я этого не замечал. Лине было все равно, знает ли Хол ее язык. Она не обращала внимания на мое ехидство.

«Главное то, что он умеет слушать, — говорила она, забираясь под одеяло и пытаясь согреться, прижавшись ко мне, — и что больше он не остается один...»

«Кто он такой? Почему не дает мне покоя? (Свет от экрана падает на лицо Виктора, и видно, что его виски блестят от пота).

Я не могу больше. Висельник... (Он закрывает лицо ладонью).

Отключи мемокамеру, в темноте мне проще рассказывать. (Экран гаснет).

Почему мой мозг раз за разом выдает одну и ту же картинку?

Что я должен сделать? Разгадать, как туда попал этот человек? Зачем?

Бред... (Долгая пауза).

Может, это просто идиот, который построил вок-

руг себя стены, но увлекся и забыл сделать дверь? И с горя повесился.

Только вот в комнате ничего нет...

Даже стула, на который он мог бы встать... (Пауза).

Чушь несут. Все... Спокойной ночи».

Запись от 452.4, Виктор Кальвин, 4:57 мемокам.

Шло время. Его течение все более назойливо убеждало меня в том, что планета никогда не откроет нам своих тайн. Однажды в лаборатории я наткнулся на Люциуса, старшего командира технического отдела, который устанавливал оборудование в каюте Хола.

— Как там поживает наш деревянный мальчик? — поинтересовался я. — Не собирается покрыться зелеными листиками?

— А вы уверены, что он мальчик, сэр? — хихикнул Люциус.

— Даже если девочка, тебе с ней точно ничего не светит.

— Разве это проблема? — Люциус махнул рукой. — Схожу в мультитик, повеселюсь.

Я усмехнулся, потому что как раз собирался сам принять порцию приятных иллюзий. С самого начала службы на «Меркурии» я посещал упомянутое место только один раз. «Мультитик» представлял собой ряд кабинок с аппаратами виртуальной реальности, где пользователям на выбор предлагалось несколько вариантов «отдыха»: земные пейзажи, цветастая ярмарка, общение с виртуальной семьей, ну и секс, разумеется. Во время полета этот аттракцион служил отличной эмоциональной разгрузкой.

С утра я посетил нашего штатного психотерапевта. Смешной маленький человечек с эстонской фамилией Денгрэнжукес, которого многие называли просто Жуком. Он сказал, что мои кошмары в чем-то подобны кошке Шредингера.

Доктор считал, что причина моих кошмаров — замкнутость и космическая тьма. Узкие коридоры корабля, ощущение пустоты и одиночества нужно было чем-то компенсировать. Я знал, что многие члены экипажа, даже офицеры, посещали «мультитик» каждый вечер, а в реальность выходили, как на работу. И еще я знал, что Лина ни разу им не воспользовалась.

— Как ты думаешь, отчего погибла эта планета, Люциус? — спросил я.

— Бабах! — Люциус развел руками. — Наверняка устроили игру в войнушку и сами себя уничтожили. Отрезали сук, на котором висели.

— Сидели, — поправил я его, и ухмыльнулся.

Похоже, «мультитика» мне не миновать. По крайней мере, сегодня.

Оставив Люциуса колдовать над оборудованием, я направился в северный отсек «Меркурия».

Две виртуальные кабинки были заняты, и я шагнул в третью. Влез в специальный костюм, напялил очки и улыбнулся. Бравый капитан ищет утешение в виртуальных подделках.

Затем выбрал сценарий «Ярмарки» — и словно провалился в густую кисельную массу.

Плавал в ней с полминуты и... оказался на Земле.

Залитый солнцем парк, люди в самых разнообразных нарядах, карусели, клоуны.

Под ногами — твердая и теплая земля. Боже, какое потрясающее чувство!

Парк был просторным. Вдоль аккуратных дорожек изумрудным ковром стелился газон. Высокие деревья шелестели листьями.

Сочная зеленая трава.

Душистый ветерок.

Как же тут хорошо, Боже!

Играла музыка, люди улыбались мне, кто-то из детей протягивал ослепительно красный воздушный шарик. Я сделал первый шаг. Слишком много места вокруг. Непривычное ощущение. Словно заново учишься ходить.

Огляделся.

Сделал еще шаг. На небольшой площадке выстроились ряды аляповатых торговых лотков. Люди сутились вокруг них, покупали безделушки, пили пиво из одноразовых стаканчиков. Клоуны дарили детям прозрачные, как цветное стекло, леденцы. Старик в кителе времен войны с нейбариянами играл на большом аккордеоне.

Ветерок налетел вновь. Он подхватил меня и понес в самое сердце толпы. Рука сама собой опустилась в карман, нащупала там несколько круглых металлических монет.

Я купил у клоуна желтый, как солнышко, шарик.

Улыбнулся, долго смотрел на великолепное голубое небо, на шарик, на клоуна, а затем...

В кроне деревьев...

В самой глубине парка...

Высоко...

На огромной сухой ветке... Веревка...

Болтался человек...

Я не помню, как вылетел из виртуальной кабины. Наверное, мое лицо выражало такой животный ужас, что все встречные служаки разбежались в стороны. Я помню только, как упал на кровать в своей каюте и разрыдался.

«Привет, мой дневник. (Виктор сидит перед экраном, уронив голову на стол). Отключи мемокамеру, хорошо? (Экран гаснет).

Я не знаю, что еще тебе сказать. Повторить вчерашнюю запись? (Пауза)

Он стал моей тенью. Личный, мать его, кошмар. (Пауза).

Призрак. Не убьешь, не прогонишь. Везде следом... Везде следом...

Что он хочет сказать? Может, его убили? Подтянули веревку снаружи, через дыру в потолке? А теперь он жаждет мести... (Пауза)

Везде следом... Везде следом... (Виктор переходит на крик, смеется, затем тишина)

Выключись, черт... Лина?

Я встал попить. Горло пересохло. Ударился ногой. Свет забыл. Да.

Прости, разбудил. Иду, сейчас...

Выключайся...».

Запись от 452.5, Виктор Кальвин, 4:57 мемокам.

Через пять корабельных суток исследовательские боты вернулись. Результат меня не удивил. Похоже, планета сгорела. Целая планета вспыхнула, как спичка, и превратилась в головешку. Никаких свидетельств применения оружия массового уничтожения мы не нашли. По крайней мере, известного нам. Обычный пожар, который никто не захотел потушить. Вот и все...

В отделе информации подняли архивы и сопоставили разрозненные данные других экспедиций с тем, что досталось нам. Забавно, но собственного наименования у планеты не было. В земных каталогах она числилась как Дом Знаков. Мы выяснили, что местные жители по природе своей не воспринимали звуков, общаясь исключительно набором символов. Их письма напоминали иероглифы средневековых японцев, а для общения друг с другом эволюция сделала им и вовсе шикарный подарок — особые светочувствительные микроэлементы, вырабатывае-

мые железами, расположенными на кончиках пальцев. Судя по всему, они попросту писали пальцами в воздухе.

Узнав об этом, я решил, что бедная Лина зря старалась — тварь ее даже не слышала. Лина же приказала смонтировать в каюте Хола специальный автопереводчик, который мог бы воспринимать его иероглифы и конвертировать их в английскую или русскую речь.

Лина, сколько я ее помню, всегда была упрямой особой. Она трижды получала отказ, прежде чем ее приняли в нашу команду. Сейчас она с подобным упрямством относилась к своим вечерним посиделкам у Хола. Лина как будто приросла к этому пришельцу. Постоянно за завтраками и ужинами возторгалась строением его вытянутой черепашки и дурацкими тонкими конечностями, и глаза ее при этом сверкали, как у кошки, увидевшей в полутьме жирную упитанную мышь.

Хол превратился в домашнюю зверушку, любимого питомца. Я слышал, что некоторые члены команды уже делают ставки на его пробуждение, и подумывал о том, чтобы как можно скорее запечатать его труп в специальный контейнер. От греха подальше.

Так или иначе, но мое терпение было на исходе.

Вечером, подслушав очередную сказку о Земле, я ворвался в каюту Хола и начал убеждать Лину, что пришелец мертв.

«Он не понимает тебя. Он не дышит и не шевелится, — цедил я сквозь зубы. — Ты помешалась на нем. Ты не хочешь поверить очевидному. Этой деревяшке уже ничего не светит. Он сгорел, испарился, исчез. Мумия, памятник погибшему народу — ничего более».

Я часто и тяжело дышал в дурацкой кислородной маске и ненавидел себя в тот момент. Большие янтарные глаза Лины смотрели на меня испуганно, словно я готов был прикончить Хола прямо сейчас, собственноручно. Я не хотел ее пугать. Я просто сорвался. Отвратительное ощущение.

Лина молчала в ответ.

А потом я понял... нет, скорее почувствовал, что в каюте появился кто-то еще.

Чужое присутствие растеклось вокруг нас пряным холодком.

Пришелец смотрел на меня, слегка наклонив голову. Его глаза были сочно-зелеными, как

Художник Оксана Войтюк

первая майская трава. В воздухе перед ним тускло мерцал небольшой иероглиф — близнец того, что красовался на зеленоватом лезвии ножа Хола.

А затем бесстрастный голос автопереводчика произнес слово, которое впоследствии мне пришлось запомнить на всю жизнь.

Важадхава.

«Он жив. Нет... они живы.

Когда же ты научишься отключать этот чертов экран! (Бледный свет падает на лицо Виктора, который заворожено смотрит на свою собственную руку. Он держит ее перед собой. Рука дрожит).

Хол жив. И сегодня во сне Висельник тоже был жив.

Так мне показалось. (Пауза).

Этого не может быть.

Чем живой Хол отличается от мертвого?

Он молчит и смотрит. Как Висельник. (Пауза).

Отключи мемокамеру, пока я не разбил ее. (Экран гаснет).

Я думаю, что Хол виноват в моих кошмарах. Он посылает мне Висельника. Каким-то образом. Лезет в мысли. Хочет что-то сказать. Хочет, чтобы я понял, как он оказался в аду, на планете. Может, он просто придумал все это, и наваждение обрело жизнь. А Висельник придумал комнату вокруг себя. Зачем мне все это?

Я не хочу...

Может, мне стоит убить Хола. И тогда все закончится? (Пауза).

Это сложно. (Долгая пауза).

Спокойной ночи».

Запись от 452.6, Виктор Кальвин, 4:57 мемокам.

«День... Я уже давно ничего не записывал днем.

Хол отрезал себе руку.

Просто взял и отрезал, как отрезают ветку от дерева.

Положил перед собой на матово-черный пол каюты и начал объяснять что-то Лине.

Лина потребовала вернуть ему важадхаву.

Хол называл так свой нож.

Зачем она потребовала вернуть ему нож?».

Запись от 452.6, Виктор Кальвин, 12:35 мемокам.

Слухи о чудесном воскрешении Хола разползлись по «Меркурию», словно чингванийские тараканы. С самого утра офицеры только и делали, что поздравляли меня с успешной реанимацией пришельца, предлагали отметить это событие и хвастались выигранными ставками. У меня не было ни желания, ни сил обматерить их всех как следует.

Со вчерашнего вечера и до сегодняшнего утра Хол повторял одно и то же, как заведенный.

Иероглифы, похожие друг на друга как две капли воды, появлялись в воздухе, соскальзывали с его тонких пальцев, сияли и через минуту-другую рассеивались, словно бессмысленные миражи.

Важадхава, важадхава и еще раз важадхава.

Он монотонно и бесстрастно просил вернуть ему

нож. Иного толкования его занудных значков не было. Я не хотел возвращать пришельцу оружие. Лина смотрела на меня исподлобья и заявляла, что выбора у нас нет.

Важадхаву пришлось забрать из лаборатории.

Офицер, который изучал молекулярный состав ножа, глядел на меня почти умоляюще.

Помню, он тыкал пальцем в иероглиф и уверял, что такое диковинное переплетение линий видит впервые. По его словам, в этом иероглифе были сотни других, мельчайших иероглифов, а в них, в свою очередь, еще сотни. Словно матрешки, один в другом, и до благополучного финала даже он, со своим электронным микроскопом, еще не добрался.

Я собственноручно отдал Холу его важадхаву.

Он лишь слегка кивнул головой в ответ. Выразил признательность, а может, похвалил за сообразительность? Все это не так уж важно. Я выставил двух вооруженных солдат около каюты пришельца. Еще двое должны были находиться внутри и держать чужака на прицеле во время его бесед с Линей.

Они прекрасно понимали, что если с моей женой что-нибудь случится, все виновные тут же отправятся в мусорный шлюз.

Лина так и рвалась в каюту Хола, не сомневаясь ни на минуту, что теперь деревянный человечек заговорит. Я предлагал подключить к переговорам наш дипломатический отдел.

— Я помогла ему! — недоумевала Лина. — Моя заслуга, что он ожил. Какого черта я должна отдавать его этим жлобам из отдела?

— А ты задумывалась когда-нибудь, почему на всей планете выжил только он? Может, он сидел и ждал, пока кто-нибудь явится на погибший Дом Знаков и попадет в ловушку? Ты же не можешь с уверенностью сказать, что творится в его голове!? Он может принимать нас за врагов, он может быть в шоке... да мало ли что! Это риск!

— Ты параноик! — не унималась Лина. — Он с трудом шевелит костями!

Наш разговор происходил в соседней каюте. Мы видели Хола через поляризованное стекло.

И мы умолкли, когда он отрезал себе руку и стал рисовать в воздухе иероглифы, обмакивая пальцы в сияющую рану на плече.

Зачем мы вернули ему нож?

Хол выписывал в воздухе фантастическую вязь, которую тут же фиксировали камеры автопереводчика, и филигранное мастерство жителя Дома Знаков превращалось в грубую речь обитателей мира звуков.

Лина прошла в его каюту и опустилась на пол напротив, скрестив ноги по-турецки. Два воина в серебристой форме замерли за ее спиной с оружием наизготовку.

Картина, достойная того, чтобы быть запечатленной на холсте.

«Мое тело есть знак, — писал Хол, — Мы были мир. Наш мир был знаком, и мы были в нем».

Отрезанная рука лежала перед ним на полу, и я невольно задумался, что может означать этот посту-

пок пришельца. Являлось ли это символом, подобно человеческому рукопожатию? Смешно...

Я не верил в благие побуждения пришельца. Слишком странной была эта сцена. Слишком болезненными были мои еженощные встречи с Висельником...

«Вы — твари-вторые, — продолжал Хол, — мы — твари-первые. У вас все служит двум. У нас все служило одному. Ваши глаза — чтобы смотреть и плакать. Ваш рот — чтобы издавать звуки и питаться. Вы умеете дарить жизнь и отнимать ее. Созидание и разрушение. Вы, твари-вторые, думаете, что от этого ваша жизнь будет вдвое длиннее? Но она может быть и вдвое короче...».

Эта последняя фраза хоть и смахивала на угрозу, но на деле таковой не являлась. Хол сделал себе еще один разрез, чуть повыше первого, и продолжал говорить.

Лина слушала.

В какой-то момент я поймал себя на мысли, что хочу ворваться в каюту Хола, прервать его дурацкую проповедь и закричать: «Убирайся из моих снов!».

Глупое, безумное желание.

Вместо этого я попросту ушел отсюда.

В тот вечер Лина истратила на Хола пять кислородных баллонов.

Она вернулась, когда я уже крепко спал.

«Отключи мемокамеру.

Это никогда не закончится. Что не так на этот раз?

Чертов повешенный болтается в своей петле.

Я стою в его комнате и не могу найти выход.

Может быть, это такая форма существования — Висельники?»

Хорошо, а? (Пауза).

Может, они рождаются и умирают Висельниками. Растут вместе со своими комнатухами, как с панцирями. (Долгая пауза).

Сегодня я обратил внимание на часы.

Висельник снится мне каждую ночь в одно и то же время.

И эти записи я делаю в одно и то же время.

Каждую ночь... (Переходит на шепот).

Что тебе от меня нужно, Хол-Висельник?»

Запись от 452.7, Виктор Кальвин, 4:57 мемокам.

Каждый человек стремится быть непохожим на других. Мы из кожи вон лезем ради того, чтобы обладать чем-то особенным, лучшим, неповторимым. Единственным в своем роде.

Но в то же время каждый человек стремится быть похожим на других. Он, словно паразит, выбирает то, что соответствует его вкусу или имиджу, и забирает себе, в полное владение. Модные вещи из рекламы, образы классического кино, манеры знаменитостей... Все это служит единственной цели — продать тысячи копий товара, убедить потребителя сказать себе: «Я хочу такое же!»

Желая быть уникальными, мы изо дня в день продолжаем подражать другим.

Лина выяснила, отчего погибла цивилизация Дома Знаков.

Это прозвучит смешно и дико. Иероглиф...

Жалкий символ их расцвета и смерти.

— Помнишь, Хол признался, что его тело — это знак? — спросила Лина утром, потягивая горячий кофе.

— Мол, его тело состоит из знаков, является знаком и составляет знак?

Я ковырял вилкой омлет и лениво кивал в ответ на ее реплики. Зелерия, наша корабельная повариха, умела готовить потрясающие блюда из синтетических продуктов, но утренний выбор в меню был небогатым. Омлет, манка или творожные смеси. Хорошо хоть должность капитана избавляла меня от необходимости есть в общей столовой — еду приносили прямо в каюту.

— Проблема в том, что жажда развития для этих существ стала первоочередной целью. Основным и единственным инстинктом. — продолжала Лина, — Каждый из них должен был либо добавить в общий иероглиф некую новую черточку, либо умереть.

— Нож?

— Важадхава — отличное словечко, — кивнула Лина, — это больше, чем просто нож...

Она потерла пальчиком висок, собираясь с мыслями.

— Представь себе, что ты должен найти новый вариант для своей жизни. Ты должен четко знать все варианты, которые кто-то прожил до тебя, и суметь создать новый вариант. Раз за разом, пытаясь придумать, из кожи вон вылезти, но сделать что-то уникальное, особенное, неповторимое. Добавить новую линию в общий вектор развития. Если ты не смог придумать в некий отведенный срок что-то новое — ты погибнешь. Твоя дальнейшая жизнь не будет иметь смысла. Более того, ощущение приближающейся смерти, по мнению сородичей Хола, должно было подстегнуть творческий процесс. Все — или ничего! А когда сотворишь — живи до смерти. Почти бесконечно...

— Это глупо...

— Это просто иной путь развития, — Лина поморщилась. — Вспомни, как на это смотрят люди. У нас творчество не является жизненно необходимым фактором. В итоге мы имеем ноль. Человек, особенно современный, не способен сотворить что-то новое. Не для славы, денег, а просто — сотворить. Современным творцам позарез необходим сильный стимул. Признание, статус, деньги. Поэтому мы превратили творчество в поток ширпотреба.

— Тогда зачем это все?

— Люди — это ресурсы, которые приносят пользу населению. У нас всегда были прослойки созидателей и потребителей...

— У нас, людей, принуждение бывает внутренним.

— У этих существ принуждение к творчеству всегда было внешним. А теперь представь, что все люди начинают исключительно созидать. Тирания творчества, подхлестываемая жаждой существовать и развиваться. С огромной скоростью развиваться.

— И они погибли...

— Да, погибли. В конце концов, все варианты были исчерпаны. Их цивилизация оказалась в тупике. Они

были вынуждены повторять то, что уже было сделано их предками. Какая разница — бесполезная жизнь одного или миллиардов? Они объявили сами себе смертный приговор и привели его в исполнение в строго определенный срок.

Перед моими глазами возник Висельник.

Каждую ночь я пытался найти новое объяснение моему сну. Раз за разом, новый вариант... Чего от меня хочет получить Хол? Ждет, пока все варианты объяснения этого сна закончатся? И что случится, когда это произойдет?

— Хол — это послание, — подытожила Лина, — может, чуточку больше, чем просто послание. Вспомни, в какой позе он сидел. Вспомни, где он сидел. Даже у землян есть символ жизни — дерево.

— Он понимает, что мы говорим?

— Да, — Лина замешкалась, — разглядывает наши мысли, как картинки, но слова не понимает. Знаешь, а они ведь наверняка ждали. Надеялись на чудо. Интересно, Орлиный Нос, что мы должны были доставить на их планету? Оружие? Вряд ли. Можно нарушить правила ассоциации и вскрыть груз?

— Я попробую. Для начала сделаю запрос. Завтра в любом случае откроем...

— Хорошо.

— И еще... Мне хочется поговорить с Холом. Думаешь, не будет проблем?

— Вряд ли.

В тот вечер я так и не поговорил с ним.

«Меркурий» готовился покинуть пространство Дома Знаков, и мое присутствие на капитанском мостике было необходимым. Всегда найдется сотня-другая неотложных дел — была бы причина. Честно говоря, глубоко в душе я хотел побеседовать с Холом. Хотя бы о Висельнике. Хотел, но — боялся.

Запрос на вскрытие грузовых контейнеров я, согласно юридическим инструкциям, выслал в Ассоциацию военной торговли. Связь была достаточно быстрой. Сутки — и ответ появится в нашей информационной базе.

В любом случае, история подходила к концу.

Был ли мир, когда я закрывал глаза?

«Я живу в своем собственном кошачьем ящике Шредингера. (Экран мерцает, и сквозь помехи виден лишь силуэт Виктора).

Внутри меня есть только я. Здесь есть все, что мне нужно. Даже Висельник здесь есть. Может быть, это — я в будущем. Кто знает?

Кто способен с уверенностью заявить, что я еще жив, как та дурацкая кошка?

Мне придется понять, что находится за границами этих стен. Или придумать. Или создать. Какая, к черту, разница?

Сегодня все иначе...

Я опять видел этот сон.

Отключи мемокамеру, в глазах от тебя рябит. (Экран гаснет).

Нужно собраться с мыслями. (Пауза).

Я стоял перед Висельником, смотрел на него и размышлял.

Висельник был всего лишь символом.

Я подумал, что этот символ — концентрат жизни некоего человека.

Комната — граница его жизни. Возможно, когда-то в пределах этой комнаты, этой маленькой спичечной коробочки, когда-то существовал целый мир Висельника, где он мог спать, есть и общаться с людьми. Но в конце концов он умер, пускай даже таким страшным образом. Встал и повесился.

И после его смерти исчезло все, что его окружало. Даже стул исчез... (Пауза).

В этом поступке выразилась вся суть его жизни.

Именно об этом я подумал сегодня во сне. А потом... (пауза)

Он посмотрел на меня сверху вниз, с высоты своей петли, и прошептал, едва перебирая губами: «Прежде, чем рассуждать обо мне, подумай, как здесь оказался ты?».

Запись от 452.8, Виктор Кальвин, 4:57 мемокам.

В то утро я проснулся от вопля тревожных сирен. Наспех оделся и побежал на мостик. Лина проводила меня обеспокоенным взглядом. Она понимала, что в подобной ситуации может помочь только тем, что не вмешивается.

В караульной трое дежурных офицеров тупо палились на мониторы слежения.

Экраны демонстрировали запись нескольких камер, размещенных в переходах «Меркурия».

Вооруженный отряд был уже на полпути к каюте Хола, но остановить пришельца они вряд ли смогли бы. Двух своих охранников он, судя по всему, просто ослепил — они терли глаза и натывались на стены в переходе.

Самого Хола в каюте не было.

Черт знает, как этот деревянный человечек сумел открыть дверь с электронным замком.

Он возник на одном из экранов — темный, бесстрастный, сжимающий что-то в руке. Только потом, когда все закончилось, наши специалисты сказали, что чужак вырезал себе сердце.

С помощью своих светящихся знаков он открыл несколько шлюзов, ведущих в двигательный отсек, и благоразумно закрыл их за собой. Это было странное зрелище, будто всех нас пригласили на выступление древнего мага из волшебной страны эльфов. Несколько магических пассов — и все двери распались перед ним.

Один раз он остановился.

Равнодушно посмотрел прямо в камеру своими сочно-зелеными глазами и начертил в воздухе очередную диковинную закорючку. Эту запись потом прогнали через автопереводчик.

«Только одна жизнь», — написал Хол.

Это был его последний иероглиф.

В конце концов, когда двери, которые он с такой легкостью открывал перед собой, закончились, Хол вылетел в черную, мерцающую миллиардами звезд бесконечность. С полсекунды его силуэт маячил на

фоне бушующего потока пламени наших двигателей, а затем Хол вспыхнул и сгорел дотла.

Даже пепла не осталось.

Свой нож он оставил на полу, в самом центре каюты.

«Возьми важадхава, человек-птичий-нос, — сказал Хол автопереводчику, перед тем как выйти отсюда, — теперь ты — иероглиф».

Вот таким незатейливым был его прощальный подарок.

Лина плакала.

Вечером мы вскрыли контейнеры с грузом, который должны были доставить на Дом Знаков. Я только головой покачал, когда увидел их содержимое.

Там были скульптуры. Тысячи копий различных картин. Там было все, что считается символом развитаго человечества. Дешевые копии а-ля эпоха Возрождения. Настенные календари с улыбкой Моны Лизы. Маленькие карманные календарики с копиями русских икон. Подсвечники в форме древнегреческих храмов. Часы, повторяющие обольстительные формы Венеры и Афродиты и причудливо стекающие по стене в лучших традициях Дали. Бог ты мой, чего там только не было! Еще ни разу я не видел столько плагиата в одном контейнере.

Я приказал сжечь все.

Мы, твари-вторые, прекрасно научились справляться с подобными проблемами.

У нас, тварей-вторых, еще много жизней впереди.

«Он больше не снится мне».

Запись от 452.9, Виктор Кальвин, 5:00 мемокам.

«Он больше не снится мне».

Запись от 452.9, Элейн Кальвин, 4:00 мемокам.

Спустя год «Меркурий» попал в магнитную воронку на планете Джабраил.

Кажется, так звали одного из ангелов Судного дня — отличное название для подобной планеты.

Я встретил ангела, он бросил меня в грязь, и я стал как прах и пепел...

Наш крейсер разнесло на мелкие кусочки. Я не помню, как выжил сам. Просто очнулся среди искореженного железа, изрезанный, с огромными ожогами на руках.

Я не нашел тела Лины.

Может, кто-то другой и счел бы такое спасение чудом, но тогда оно превратилось для меня в проклятье. Я пытался плакать, но задыхался, потому что среди бесформенной массы раскаленных обломков корабля не было ни одного кислородного баллона. Только тела... Сотни изувеченных тел в острых лепестках раскаленного металла. Тот запах я не забуду никогда.

Я открывал рот в немом крике и бил кулаком землю, проклиная ее. Ближе к ночи я погрузился в забытье, надеясь, что оно станет для меня последним.

Утро вновь заставило меня жить.

Я почти ничего не видел — перед глазами все плыло и мерцало. Последствия кислородного голо-

дания. Местное солнце жгло, словно спутало этот мирок с адской котельной. Единственное, что мне оставалось — это поскорее сдохнуть.

На ощупь я добрался до скалы и нашел укромную расщелину, где танцевали тени. Там я и устроился, прислонившись к холодным камням и сложив ноги калачом — почти в позе Будды. В памяти возникло темное, бесстрастное лицо Хола в тот момент, когда он шел в двигательный отсек, сжимая в руке собственное вырезанное сердце.

Спустя несколько часов мне стало казаться, что Хол сидит рядом. Вонь сгоревших тел к тому времени стала почти невыносимой.

— Привет, дружище! — прошептал я. — Надеюсь, ты пришел одолжить мне свой чертов важадхава...

Ответом мне было молчание и далекий треск догорающего металла.

Я подождал еще немного, а потом вспомнил, что Хол не умеет говорить, и рассмеялся.

Слепой и немой — отличная парочка.

Мне захотелось броситься на пришельца с кулаками...

— Только одна жизнь, — прошептали мои губы, хотя возможно это все-таки был старина Хол.

А затем я услышал рев двигателей. Чьи-то руки подхватили меня и внесли в темноту. И небо закрыло за мной двери.

«Привет! Есть кто-нибудь дома? Тук-тук... (На экране появляется лицо человека, очень похожего на Виктора, но на вид ему не больше двадцати лет).»

Отключи дурацкую мемокамеру! (Экран гаснет). Это моя первая запись. Странное ощущение. Будто все это уже было... (Пауза).

Отец с матерью сейчас живут на Земле. Они чуть не погибли во время катастрофы «Меркурия». Чудом выжили. Папа сразу же ушел в отставку, чуть-чуть не дослужив до звания командующего «караваном». Представляешь, как было бы круто? Мой отец во главе дюжины крейсеров и двух тяжелых истребителей класса «ифрит». (Экран включается сам собой).

Тьфу ты, да отключись! (Экран тут же гаснет).

Может быть, у меня получится стать командующим «караваном»? Отец подарил мне свой талисман. Ножик с какой-то планеты. На удачу. Он называл его важадхавой. Страшненькое словечко... (Пауза).

Когда мы прощались, я сказал ему: «Хочу стать таким же, как ты!» (Смеется).

А он только похлопал меня по плечу, улыбнулся и произнес: «Лучше останься самим собой, малыш».

Мама с отцом мне всю жизнь говорили, что я — особенный. (В голосе слышны довольные нотки). Уникальный и неповторимый. Такое, наверно, хочет услышать каждый ребенок.

И еще они говорили, что я — часть большого космического Иероглифа...»

Запись от 623:5, Виктор Кальвин-младший, 16:06 мемокам.

НАСЛЕДНИКИ *уральских рудознатцев*

По неумолимому закону природы зима сменяется весной, потом приходит лето. А значит, для юных геологов наступает пора летних экспедиций. Потом — учебные сборы и XXXVII областной летний геологический слет.

Сейчас юношеская геология — одно из самых интересных направлений в дополнительном образовании Челябинской области, это движение со своими традициями, творческим коллективом единомышленников, со своей историей.

С чего все началось? 1958 год. 13 лет со дня окончания войны. Страна только-только залечила свои раны. Надо было двигаться вперед и очень много строить. В журнале «Техника молодежи» появляется обращение иркутских комсомольцев к молодежи: «В поход за полезными ископаемыми! Стране нужны новые месторождения цветных и черных металлов, угля, нефти, строительных материалов. И нужны не где-нибудь, а здесь, в Сибири, на Дальнем Востоке, Урале». Челябинцы на призыв откликнулись.

В 1960 году Челябинский геологоразведочный трест создал областную комиссию по геопходам. Главной особенностью организации и развития геологических походов молодежи в условиях Челябинской области, на многие годы определившей успех движения, стало тесное сотрудничество геологов и педагогов. Областная станция туристов взяла на себя заботу по организации кружков и полевых экспедиций. Директор станции Ефим Яковлевич Туник — блестящий организатор, талантливый педагог — стал инициатором и вдохновителем всего нового, что появлялось в юношеской геологии. Только такому человеку, как Туник, было под силу организовать так, из ничего, слет юных геологов «на колесах»: «пробить» целый железнодорожный состав и десять дней возить по ленинским местам (Ульяновск, Москва, Ленинград) 350 детей, устраивая конференции в Московском дворце пионеров, встречи в Центральном Комитете комсомола и Министерстве геологии с самыми большими начальниками и знатыми людьми. Или провести такой же слет «на палубе»: проплыть «речным маршрутом» на лучшем теплоходе от Красноярска до Дудинки и обратно.

А что же геологи? Геологи составляли задания для экспедиций, оказывали методическую помощь руководителям кружков. Огромную роль в становлении юношеской геологии Челябинской области сыграли М. М. Криков, управляющий Челябинским геологическим трестом, первый председатель областной комиссии по геопходам, Б. А. Попов, В. К. Пашенко, П. И. Отто, А. И. Левит, А. В. Яркова, К. Д. Александрова, А. П. Сучкова, П. И. Мушта, Е. А. Белго-

родский, Н. И. Кузнцова и многие другие.

С 1965 года на период похода на базе геологических кружков организовываются юношеские геологические партии (ЮГП). «Игра» пошла всерьез! Ребята вместе с геологами трудятся в поле. Ходят «в маршруты», документируют выработки, отбирают образцы пород и минералов. Узнают, что геология не только романтика, но и труд. С этого же года ежегодно проводятся областные слеты юных геологов, на которых обсуждаются итоги летних экспедиций, проводятся геологические конкурсы, учебно-познавательные игры.

Разработанная челябинскими геологами и педагогами методика подготовки школьников и проведения походов получила признание Центральной комиссии при Мингео СССР. В 1964 году в г. Миассе состоялся I слет юных геологов РСФСР. Не было еще ни строго регламентированных защит ребячьих работ, ни сложных соревнований. Были рассказы о родном крае, его озерах, горах, походах; костер на берегу Ильмена и поход к озеру Тургояк.

Великолепная выставка горных пород и минералов венчала первый слет. Проведение I Всесоюзного слета тоже было поручено нашей области, состоялся он в 1966г. в г. Златоусте. На этом слете не обошлось

без курьезов... Прочитав в постановлении ЦК ВЛКСМ о слете молодых геологов, Украина прислала на слет... четырех аспирантов; Армения — команду молодых инженеров-геологов. Пришлось пристраивать их к делу. Слет прошел весело, организованно и, по мнению участников, с большой пользой. В 1982 году в Челябинской области проходит Всесоюзный семинар руководителей юношеского геологического движения, а спустя семь лет в Челябинске создается первая в России областная станция юных геологов. На ее базе в 1992 году состоялось Всероссийское совещание руководителей юношеских геологических походов, а в 1993 году — I Всероссийский слет юных геологов.

Нельзя не восхищаться самоотверженным трудом учителей школ, педагогов дополнительного образования, которые несли, несут на своих плечах самый тяжелый «рюкзак», таких как В.К.Егоров, О.Л.Поляков, С.А.Докшин, В.И.Юровский, Е.Ф.Копосова, А.А.Абулхирова, Т.Г.Алентьева, Е.Ю.Алентьева, Н.В.Афоница, Н.И.Андреев, Л.А.Анушенкова, И.О.Баркова, А.Ф.Большаков, Ю.А.Демин, И.А.Егорова, Н.И.Ерисова, А.А.Кашицин, С.В.Колесниченко, Б.И.Кочнев, С.А.Мазеин, Т.Ф.Михайлова, Е.С.Овчарова, И.М.Панфилова, Т.П.Питолина, Е.Ю.Протопопова, Т.Г.Самсонова, О.Н.Силонова, А.Г.Синельникова, Т.Н.Сокова, А.П.Сырейщиков, А.П.Сучкова, А.Н.Трушкин, Т.А.Туник, Г.А.Худайбердин, Р.Н.Шайбакова, М.В.Щербакова, В.С.Янкевич.

Детская геология — не просто игра. С тех пор, как были организованы юношеские геологические партии, через экспедиции прошло примерно 17 тыс. юных геологов. Из них около 600 стали профессиональными геологами разных специальностей. Челябинцы — выходцы из детской геологии, работают по всей территории России и за ее пределами.

В летние геологические экспедиции ежегодно уходит 25 — 35 отрядов ЮГП, примерно 500 — 600 человек. Современные юные рудознатцы совсем не похожи на своих предшественников — рудознатцев XVIII и XIX веков. Они не только вооружены геологическими знаниями, но и владеют многими современными методами поисков. В почти полутора тысячах выполненных ими заданий столько методического разнообразия, что можно удивляться. Площадные исследования с инструментальной разбивкой опорной сети, маршрутные поиски с применением радиометрических наблюдений, магнитометрические и геохимические исследования, изучение копей и отвалов горных пород, отбор образцов с ископаемой фауной, поиски редких минералов, экологические исследования и многое другое.

К наиболее интересным поисковым находкам юных геологов области можно отнести открытие рудопоявлений железа в Бакальском рудном районе, меди в Верхнеуральском районе, золотороссыпных проявлений в долинах рек и др. Есть находки прекрасных коллекционных минералов (аметистов, горного хрусталя, агатов, яшм, гранатов). Есть уникальная находка редкого минерала — эвклаза. Даже есть открытие нового минерала, что и у взрослых геологов бывает очень редко. При изучении терриконов уголь-

ных шахт дети нашли минерал, который впоследствии в институте минералогии был квалифицирован как новый. Он был назван копейскимитом — по названию города, где живут юные исследователи и где он был найден.

Но самым значимым, без преувеличения, открытием является находка в отложениях западного склона Урала цветных известняков — красивого поделочного и облицовочного камня. По реке, где он был открыт, камень называли лемезитом. Теперь на месте находки детально разведано месторождение облицовочного камня с запасами более 10 млн. куб. м. За открытие этого месторождения юношеская геологическая партия бывшего Дома пионеров г. Сатки удостоена диплома, знака «Первооткрыватель месторождений» и Государственной премии. Это единственный пока случай награждения юных геологов и их руководителя (В. И. Юровский) столь высокой государственной наградой.

Сегодня организаторская, методическая и профорIENTATIONная работа с юными геологами в области проводится отделом геологии областного Центра дополнительного образования детей Главного управления образования и науки администрации Челябинской области совместно с областной комиссией по юношескому геологическому движению при Главном управлении природных ресурсов и охраны окружающей среды МПР России по Челябинской области.

Юношеское геологическое движение в Челябинской области сегодня — это:

30 юношеских геологических объединений, в которых занимается более 600 детей...

Поиски новых и совершенствование традиционных форм и методов работы...

Новые дороги, находки, открытия...

Наша биография... И надежда!

1 2

3 4

5

1. Кальцит. Дальнегорское месторождение. Уральский минералогический музей.

2. Дымчатый кварц, друза кристаллов. Месторождение Перекатное, Сибирь. Уральский минералогический музей.

3. Горный хрусталь. Месторождение До-До, приполярный Урал. Уральский минералогический музей.

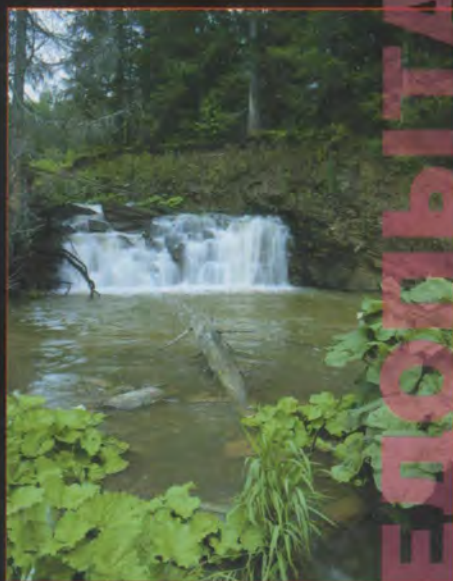
4. Хризоберилл.

5. Топаз, морион, микроклин, альбит. Копь Мокрушина, Мурзинка, Средний Урал. Уральский минералогический музей.

скалы Петра Гронского

река Талица

лесной ручей

Рассматриваются работы, удовлетворяющие следующим требованиям:

1. соответствие темам:

- * Урал – горная страна
- * Городской пейзаж
- * Мы – уральцы
- * Заповедные земли
- * На грани...
- * По следам предков

2. предоставление информации о снимках:

- * Условное название снимка, краткое пояснение
- * Дата съёмки (если известно)
- * Район, запечатлённый на снимке, если это важно
- * Объект (если известно)
- * Персонаж (если известно)

3. Информация об авторе

- * ФИО Автора, почтовый адрес, контактный телефон
- * Указать характеристики используемой фототехники и др. обеспечения

4. Формат снимка

не менее 300 x 200 мм (желательно приложить слайд или негатив) или файлы, записанные на CD-R, DVD в формате .jpg 3072 x 2048, tif 300dpi 200 x 300.

Итоги конкурса подводятся 1 раз в полугодие по каждой теме с публикацией снимков-победителей. Призы от спонсоров.

Снимки высылаются на адрес редакции заказным письмом с пометкой "ФОТОКОНКУРС". Присланные работы не рецензируются и не возвращаются. Редакция оставляет за собой право использовать снимки, предоставленные на конкурс для публикации.

Часть фотографий, присланных на конкурс, размещаются на сайте photo.uralstalker.ru

заповедные земли

Победитель фотоконкурса Евгений Тамплон

Евгений ПОДЧИВАЛОВ

Евгений Федорович Подчивалов родился в селе Покровское Яровского района Тюменской области в крестьянской семье, необоснованно подвергшейся репрессии. За его плечами рабфак, два вуза, два завода, два НИИ, Отечественная война с боями и ранениями. Более двух десятков лет редактировал заводские многотиражки, печатался в газетах «Уральский рабочий», «Вечерний Свердловск (Екатеринбург)», «На смену!», «Красный боец», «Областной газете», в журналах «Урал», «Уральский следопыт», «Уральские нивы», «Промышленность третьего тысячелетия», в сборниках. Много ездил, летал и плавал по стране и Уралу. В разные годы выпустил двенадцать художественно-документальных книг: «Большое зарево», «Перековка сердец», «Горят мартеновские печи», «Огневая завеса», «Между прошлым и будущим», «Живу и верю», «Зеркало», «Первопроходцы огневых дел», «Зеркало» и др. Инвалид Отечественной войны первой группы, капитан в отставке.

ЗАГАДКА

ЧУГУННОГО КОЛЕСА

Жизнь надо прожить так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы.

Николай Островский

1

Тридцатые годы прошлого столетия знаменовались в нашей стране не только кровавыми сталинскими репрессиями— они отличались бурным экономическим ростом. Советский Союз был в лесах новостроек. Заработали гиганты индустрии Уралмаш, Магнитка, Кузбасс, Челябинский металлургический завод... Колоссально возросли железнодорожные перевозки.

Железнодорожный транспорт с трудом справлялся с доставкой руды, каменного угля, леса. Чтобы разрядить ситуацию, вагоностроители стали делать вместо двадцати—шестнадцатитонных вагонов пятидесяти—шестидесятитонные четырехосные. Вагоны старого образца оборудовались сборными чугунными колесами, но из-за ненадежности их пришлось заменять цельнокатанными. К сожалению, наша промышленность не имела опыта производства таких колес, да и не было соот-

ветствующего оборудования для их изготовления.

Первый колесопрокатный стан был куплен за рубежом и установлен на заводе имени Карла Либкнехта в Днепропетровске, однако его мощность была невелика, завод не обеспечивал потребности в колесах. И тогда было решено построить в Нижнем Тагиле на Уралвагонзаводе специальный цех по производству сборных чугунных колес с отбеленным ободом — по опыту лучших американских производств. В США работало сорок девять таких цехов. Технология производства колес из отбеленного чугуна держалась в строгом секрете, в Западной Европе попытки наладить выпуск таких колес успехом не увенчались.

Цех возводили ударными темпами, и 19 мая 1934 года он был принят в эксплуатацию.

На помощь уралвагонзаводцам пришли столичные ученые. На УВЗ, к примеру, работал весь

отдел ЦНИИмаша во главе с главным инженером А.Ф.Ландау; МВТУ имени Баумана прислал профессора П.А. Аксенова; приехал главный металлург ЗИЛа И.В.Максимов. Несмотря на такую солидную поддержку, положительных результатов добиться не удалось. За первый год цех, работавший по американской технологии, отлил семнадцать тысяч чугунных вагонных колес, годными же оказалось не больше сотни. Выпуск столь нужных стране вагонов затормозился.

Сказалось не только отсутствие опыта – колеса не выдерживали испытания еще и из-за сурового климата в стране. Перепады температуры составляли от плюс тридцати градусов летом до минус пятидесяти зимой. Разрыв в стыках сборных колес достигал пятнадцати миллиметров, что грозило авариями.

Центральные власти забили тревогу. Нарком тяжелой промышленности Серго Орджоникидзе не ограничился разговором с первым секретарем Свердловского обкома И.Д.Кабаковым, его звонок встревожил и директора индустриального института. В институте выбор пал на заведующего лабораторией литейного производства доцента П.Г.Лузина.

2

Павел Гаврилович был однолюб – в семейной жизни, в выборе друзей, в работе. Им владела одна страсть – литейное производство. Он прошел свой нелегкий путь, не сворачивая на обочину, от чернорабочего в родной Сатке Челябинской области до главного металлурга Уральского совнархоза. Вот вехи его трудовой жизни: студент механико-металлургического техникума в Златоусте; лаборант; начальник сталеплавильного цеха; боец Красной Армии и – снова у огня: замтехрука на металлургическом заводе «Спартак» в Свердловске. Всего за один год экстерном он одолел полный курс индустриального (политехнического) института по специальности «литейное производство», назначен там же заведующим лабораторией и преподавателем, ведет научную работу, пишет статьи, брошюры, книги, издает первый в стране справочник литейщика; участвует в подготовке экспертных оценок для правительственной комиссии о готовности Уралмаша и Челябинского тракторного...

И вот новая работа.

Холодный январским утром Лузин и молодой преподаватель Иван Богачев прибыли

в Нижний Тагил. «Вагонки», как таковой, еще не было. Кругом угрюмо шумел лес, стояли дощатые бараки, в которых жили вчерашние крестьяне, спецпереселенцы, раскулаченные, эшелонами прибывавшие сюда с разных областей России и Украины строить завод. Над большой серой коробкой дымили трубы – это был цех чугунных колес. В нем и предстояло работать посланцам института.

Цех был построен по последнему слову техники того времени. Но когда они явились на испытательный стенд, настроение у обоих упало: это было настоящее кладбище бракованных колес. Два прикомандированных американских инженера, сопровождавшие Лузина и Богачева, в один голос утверждали:

– Нужны американские материалы, без них не обойтись.

Лузин и Богачев в полемику не вступали. Срок командировки был полгода, нельзя было терять время на дебаты. Встречались с ведущими специалистами, анализировали результаты исследований. А итог всего – растущая гора бракованных колес за испытательным стендом. Срок командировки истек, и институтские друзья с тяжелым сердцем уехали в Свердловск.

Не прошло и месяца, как Серго Орджоникидзе потребовал направить Лузина в Нижний Тагил на постоянную работу. Жаль было оставлять институт, но коль надо, то какой мог быть тогда разговор? Быстренько собрался и на другой день был уже в Нижнем Тагиле, оставив дома молодую жену и пообещав забрать ее, как только решится квартирный вопрос.

Назначили заместителем начальника колесного цеха. Теперь именно он был обязан разработать

Иван Павлович и Лидия Валентиновна Бардины.

технологии отливки цельносоварных чугунных колес из отечественных, уральских материалов, а не привезенных из-за океана. Теперь именно у него спрашивали, когда наконец-то наладят их выпуск. И спрашивали все, вплоть до ЦК партии. Не случайно была создана межведомственная комиссия по координации действий всех предприятий и организаций во главе с академиком И.П.Бардиным, членом которой стал и Павел Гаврилович.

Коренастую фигуру Лузина видели в цехе и рано утром, еще до гудка, и поздним вечером, когда уже новая смена давно работала. Однажды он целую неделю не появлялся дома. Прикорнет в кабинете на кушетке на несколько часов – и опять крутится то у вагранки, где отливались колеса, то берет пробы расплавленного чугуна, определяя его состав...

П.Г.Лузин и В.И.Довгопол.

3

В это сложное для него время в цех пришел Виталий Иванович Довгопол. Родом он с Украины, из Черниговской области, на Урал приехал за высшим образованием. Получил диплом, можно было и возвращаться в родные места, но горный край ему понравился, при распределении не стал проситься на Украину, а принял предложение ехать в Нижний Тагил, на Уралвагонзавод. Работал заместителем начальника копрового цеха. Дела у него ладилась, но хотелось к огню, туда, где из металлолома, который он готовил в копровом цехе, делались машины, и он перевелся в колесный цех начальником. Павел Гаврилович сразу заметил пылкий ум своего институтского воспитанника и быстро запряг Виталия Ивановича в свою колесницу.

Работать на пару стало сподручнее. Довгопол взял на себя все административно-хозяйственные дела. Создал комплексные бригады из числа рабочих и ИТР. В цехе был внедрен хозяйственный расчет.

Но план по выпуску колес по-прежнему горел. Разбираться в причинах срыва задания на завод по поручению правительства приехал нарком И.А.Лихачев.

Досталось обоим.

– Вагоны без колес не пойдут. Надо весь завод мобилизовать. Не забывайте об овсе.– Эти слова относились к директору. Нарком, конечно, имел в виду не овес как таковой, а поощрение за труд.

Колесные дела на заводе закрутились еще круче. Все службы включились в работу. Директорские оперативки обыкновенно начинались докладом начальника колесного цеха Довгопола.

Постепенно Лузин пришел к необходимости снизить уровень твердости чугунного колеса. Отлитые с этой поправкой колеса оказались значительно прочнее. Их условно называли полутвердыми. Был внедрен и ряд других новшеств.

Потребовалась проверка надежности вагонных колес в условиях длительной эксплуатации.

Наркомат путей сообщения и межведомственная комиссия организовали опытный замкнутый маршрут Кузнецк – Магнитогорск – Кузнецк. Из Сибири на Урал везли уголь, в Сибирь с Урала – железную руду. На вагонах было написано: «Не расцеплять! Опытная проверка». Десять месяцев сто семьдесят шесть пар колес, в том числе специально купленных в США, стучали на стыках рельсов. В акте межведомственной комиссии по итогам испытаний было написано: все тагильские полутвердые колеса

выдержали пробег без единой поломки, половина американских пришла в негодность. По предложению академика И.П.Бардина результаты испытаний были рассмотрены на заседании технического отделения Академии наук СССР. С докладом выступал П.Г.Лузин. Работа уралвагонзаводцев вызвала большой интерес ученых.

Еще один рывок – и загадка чугунного колеса будет решена окончательно. Но завершить работу помешала война с фашистами. Уралвагонзавод сменил профиль работы. На его производственных площадках разместилось несколько эвакуированных предприятий. Завод стал «почтовым ящиком» и начал выпускать знаменитые «тридцатьчетверки». Надел шинель и П.Г.Лузин. В одном вагоне с ним на Дальний Восток ехал и В.И.Довгопол.

В тревоге за судьбу Отчизны, в тяжком ратном труде, в ожидании провокаций японцев на дальневосточных рубежах прошли у друзей-уральцев несколько лет до того времени, как Дальневосточный фронт послал их в наступление. Исполнив свой гражданский долг, через год после Победы оба вернулись домой с разницей в несколько дней. Первым приехал Павел Гаврилович Лузин с майорскими погонами и орденом Красной Звезды на груди. Сразу отправился в райвоенкомат сдавать документы. Здесь его и застал звонок директора завода: с ним хочет встретиться министр транспортного машиностроения В.А.Малышев.

Лузин доложил по всем военным правилам: – Товарищ генерал-полковник!.. – начал он, стоя навытяжку в директорском кабинете.

Но к нему с протянутой рукой уже шагал министр...

Несколькими днями позже вернулся с войны и Довгопол. Встретились у главного металлурга. Общим предложили стать заместителями хозяина кабинета. Вот он, до боли знакомый и родной колесный цех. Предстояло начинать с того, на чем остановились пять лет назад.

– Ну, давай, – сказал Виталий Иванович, – кинем монетку, кому кем работать?

Лузин отмахнулся:

– Да чего тут! Ты – начальник, мое дело – технология.

И они, наскучавшись по мирному труду, горячо взялись за дело.

Завод еще не остановил конвейер по производству танков, а В.А.Малышев, занявший новую должность зампредсовмина СССР, телеграммой от 26 декабря 1946 года уже требовал довести ежегодный выпуск колес до шестисот штук – вдвое больше, чем завод производил. Эта мера вызывалась тем, что УВЗ был в те годы единственным поставщиком колес для большегрузных вагонов, а в 1948-м СССР прекратил закупку колес в США.

Колесостроителям удалось создать безотходную технологию. На УВЗ был организован стахановский совет в составе лучших рабочих, инженерно-технических работников и ученых. Его возглавил П.Г.Лузин. Экономией материальных и энергоресурсов занялись цеховые специалисты А.П.Пикулин, Т.В.Двачков, Б.Н.Грязнов, С.А.Журавлев. В.И.Довгопол руководил сокращением брака и снижением себестоимости. Была налажена технико-экономическая учеба. Ценное предложение по регулированию хрома в вагонном колесе внедрил инженер И.В.Окунев, будущий директор завода. Помогли доменщики завода имени В.Куйбышева, наладив выплавку специального чугуна для отливки колес...

Мало-помалу дела на заводе наладились. Если в 1948 году брак составлял 35 процентов от обще-

И.И.Богачев

А.А.Горшков

го выпуска колес, то в следующем он снизился до 16. Вместо убытков предприятие за счет повышения качества чугунных колес получило пять миллионов рублей прибыли. Объем производства в 1949 году по сравнению с 1946 годом увеличился на 215 процентов без дополнительного ввода мощностей и увеличения численности работающих. И, что особенно важно, аварий из-за разрушения колес на железных дорогах не было. На вагонные полутвердые колеса был введен ГОСТ.

Цех поставил вагоностроителям 1 733 655 чугунных вагонных колес. Они помогли стране справиться с послевоенной разрухой.

Работа уралвагонзаводцев была представлена к Сталинской премии. При ее обсуждении произошла заминка. Виталий Иванович Довгопол, близко знакомый с правительственными кругами, позднее рассказывал мне: министр путей сообщения Бещев, очевидно, обиженным тем, что он лично не попал в список будущих лауреатов, предложил повременить с присуждением премии под тем предлогом, что-де работа не закончена. Его поддержал Берия. Сталин же, пройдясь возле стола, пояснил ее значение и предложил премию дать, а когда работа будет завершена, высказался за то, чтобы тогда дать вторую премию. С ним все согласились. Постановлением Совмина СССР от 3 марта 1950 г. за усовершенствование производства вагонных колес руководителю бригады исследователей П.Г.Лузину была присуждена Сталинская премия. Награды были также удостоены И.В.Окунев, В.И.Довгопол, профессора А.А.Горшков, И.И.Богачев, инженеры отдела главного конструктора Минтрансаша М.А.Смелов и А.Г.Корюкалов.

Начиная с 1951 года производство чугунных колес для большегрузных вагонов стало уменьшаться и в 1953 году их выпуск совсем прекратился в связи с производством стальных цельнокатанных колес на Днепропетровском заводе имени Карла Либкнехта и освоением их на НТМК. Теперь их делают только для узкоколейных железных дорог.

Б.Р.

Пойдем шуршать листвою
В березовую рощу
Со светлой головой.
Пускай вороны ропщут

На одиноких нас,
В одеждах белых-белых,
Весь золотой запас.
Пред нами в свитках зрелых.

Какой бесценный свет
Мы понесем с тобою?!
Но никого здесь нет,
И дышится судьбою.

Хорошо умываться снегом
У поленицы в ранний час
Печь топить, никуда не бегать.
Ждать тебя, словно в первый раз.

И с пушистым Котом в беседе
Время весело проводить,
Зная точно, что не приедешь...
Тем не менее — ждать и бдить.

Прохладно, сухо и светло.
В лесу — грибы созрели.
Ходи себе без всяких слов
Хоть целую неделю.

Кружи вокруг без лишних фраз
В березах и осинах
И собирай к зиме запас
В плетеную корзину.

И тишиной одной дыши
В молчании, но тише...
Во глубине лесной души
Нутро свое услышишь.

Здесь все просто и убого:
Хлеб, вода, и соль.
Остальное — боль,
Чтобы быть поближе к Богу.

Дом с дымящею трубою,
Храм в заснеженном окладе.
Хорошо нам здесь с тобою
В деревянном жить посаде.

И по улочкам бродить,
За восходом наблюдая.
Вот бы сына здесь родить
Нам с тобою, дорогая...

Я так тебя берег
От всех невзгод на свете,
Что птицам имя рёк
И жизнь пускал на ветер.

Чтобы к тебе спешить
Посланием крылатым —
В гнездо твоей души,
В содружество пернатых.

Чтобы увидеть свет
И высоту измерить,
И птичий свой привет
В окно послать, не в двери.

Как я жил без тебя, как я жил?!
Как скитался в лесах и болотах.
До звенящих серебряных жил
И седьмого щадящего пота.

До поющего сердца во мгле
У костра на опушке нетленной,
До картошки, печеной в золе,
И мелодий, текущих по венам.

Я выбираю — просто жить:
Пусть вор живет в своем законе,
Пусть смерть живет в любом патроне
И правда не живет во лжи.

Пшеница не растет во ржи,
Любовь не расцветет в притоне...
Я выбираю просто жить
В стране, в России, но не в зоне.

Россия, родина, страна.
Кому — вино, кому — вина,
Где черной родиной — тюрьма
И белой родина — сума.

Среди решеток на домах,
Среди собачьего дерьма,
Не дай мне бог сойти с ума,
Россия — матушка, ма — ма.

* * *

Вот и холодно опять —
Дождик окаянный.
Повернуть бы время вспять
Солнышком желанным,

Чтобы с милою бродить
Во лесу зеленом.
Хороводы с ней водить
Меж берез и кленов.

Белы руки целовать
В шалаше укроном
Любой Любой называть
Со стыдом и стоном.

* * *

Кукарача, кукарача,
Ты не думай, я не плачу.
Может быть, звезда упала,
В одного меня попала.

Одному ты мне мигала,
Светом солнце застилала.
Но звездой была незрячей,
Кукарача, кукарача.

* * *

Б.Р.

Пойдем в трактир, дружок,
В трактирь, в «Трактирь».
Там самовар — божок,
А за полночь — чифирь.

Не нужно нам вина,
Вина, вина...
За чаем — тишина.

Вино — вина — война,
Там посылают на — ,
Какого ж нам рожна?

В «Трактирь», дружок, в трактир
Отдать должок.
За самоварный мир —
На посошок!

* * *

Все сказано, и выпито до дна.
Труба зовет, пора в дорогу.
Любимая моя идет одна
К собаке, к ляду, к черту, но не к богу.

И слава богу, что дорог не честь,
А трубы все горят внутри по-русски.
И Все во мне, а это значит — здесь,
Не разберешься, правда, без закуски.

Где ж та девчонка с русою косой,
Заветная моя, с улыбкой грустной?
— Подстрижена она в стране босой
Американской зеленью искусной.

* * *

Где же тот бережок,
Реченька чистая — чистая?
Нас до сих пор бережет
Эта излука лучистая.

Радужный солнца кружок,
Стадо играет монистами,
За поворотом — ложок,
Реченька быстрая-быстрая.

Где же мой милый дружок,
Девушка русая — искорка,
Месяца тонкий рожок,
Ноченька тихая, близкая.

* * *

Господи, как мне плохо
И от выдоха и от вдоха
Среди этой российской пурги,
Господи, помоги.

Все кружит, все круги, да долги
(Все Емеля не знает подвоха)
Но не знаю, как стать мне другим,
Но не охать, не охать, не охать.

Среди этой небесной лузги
Собираю себя вновь по крохам.
Чтоб для выдоха и для вдоха.
Господи, помоги!

* * *

Друг мой милый, все печально,
И с колечком обручальным
Ты — не ангел, я — не птица...
Пусть ребеночек родится.

Песенка для...

Галина любит желтый цвет,
Она мягка, как глина.
Ей по душе весь белый свет;
Как солнышко Галина.

Галина любит желтый цвет,
От охры до кармина.
То золотая на просвет,
То рыжая Галина.

Галина любит желтый цвет,
И голубой — невинный.
Она — закат, она — рассвет,
Галинушка-Галина.

Пусть будет вечер, словно по заказу,
Сжигать дома в сиреневом огне
И наполнять на кухонном окне
Бессильным светом розовую вазу.

И угасать, пригнувшись к горизонту,
Над сизыми тарелками полей.
Бросая тень коротких тополей
На древнюю, как этот мир, икону,—

Застывшую в бревенчатом углу
Сердечком деревенского уюта,
Где огоньки роятся по стеклу
И ночь войдет с минуты на минуту.

Элегия

В небе розовая птица —
Это солнышко садится.
Вот и звездочки мерцают,
Словно зерна прорастают.

Тихо в поле. Наверху
Каждый шорох на слуху.
Впереди — ночная стынь
Серебрится, как полынь.

Воздух тоненько горчит,
Сердце трепетно стучит,
Мать сыра земля украдкой
Дышит в левую лопатку

И пульсирует во мне
С небосводом наравне...
Свет мой, зернышко, гори
У всего, что есть, внутри.

Иткуль

На озере тверезом утром розовым
Купаются в чем мама родила
И собирают дух в лесу березовый,
И варят чай, тягучий, как смола.

Здесь, как в раю, на озере тверезом,
И можно в наготе весь мир объять.
Забудь, поэт, стихи свои и прозы.
Природу понимать ...?

Я тебя об одном заклинаю:
Не жалея ты меня, не жалея.
Пусть хожу я по самому краю,
И бескрайнему краю полей.

И тебя лишь всем сердцем желаю,
Чтобы нежно сочило елей.
Пусть дожди мне глаза застилают,
Этой осени нет светлей.

Осень, дождь, зубная боль —
Ежиком в тумане.
Это просто алкоголь
Кончился в стакане.

Просто девушка одна
На другого дышит.
Наливай же, старина,
Дождь стучит по крыше.

Под завязку наливай,
Чтобы не болело.
Смело сердце открывай
Этой дуре белой.

Помнишь, милая, скверик,
Плещутся рыбки в пруду.
Верить или не верить,
Снова сюда я приду.

Снова консервную банку
Буду пинать, как тогда.
Банку — американку,
Да не разлей нас вода

Этого тихого пруда...
Рыбки застыли в пруду.
Это — зима, а не чудо,
Милая-милая ду...

Рассвет

Где дышит звездами восток,
И тоньше ночь бумаги,
Вдруг распускается цветок
Рассветный, полный влаги.

Гроза

Дождем небо прокипело
К земле, как малое дитя.
Но гром ревнивый, как Отелло,
И стрелы острые летят.

Без любви не могу ни дня,
Не жалея, не жалея меня.
Молча падает желтый лист,
Вот бы так — головою вниз.

Мы с тобою листья жгли,
Как сжигают корабли.
И зализывают ранки,—
Пили молоко из банки.

Словно дети всей земли,
Мы с тобою листья жгли.

Тайна «Евгения Онегина»

«Виновен, замышлял обман»

В научном мире нет единого мнения, считать ли пушкинский роман в стихах «Евгений Онегин» законченным или незавершенным произведением. Странники завершенности ссылаются на заключительную фразу опубликованного романа, где поэт расстается с «Онегиным моим». Ссылаются также на подпись «Последняя глава «Евгения Онегина» на обложке восьмой главы прижизненного издания. Но надо знать Пушкина. Обстоятельства вынуждали его идти на уловки. Роман о любви, перераставший в роман острополитического звучания, роман, бичующий нелепые арацкеевские военные поселения, роман, содержащий, по словам самого Пушкина, в передаче П.А. Катенина, «замечания, суждения, выражения слишком резкие для обнародования», — такой роман не мог не иметь тайны, спасающей сочинителя от властной расправы.

Показной отказ продолжить произведение усыплял настороженность властей: роман, в котором нет ничего предосудительного, закончен. Тайне же автор продолжал работу над «Онегиным», зашифровывая очередные строфы от «недоброего глаза». Например, в 10-й главе поэт признавался:

Ты прав, читатель, что ж, не скрою —
Виновен, замышлял обман:
Не досказать судьбу героя
И кое-как прервать роман.
Но не суди поэта строго —
Причин на это очень много.
И, если б в ряд их ставил ты,
Как раз бы кончил у Читы.
Продолжить я намерен все же:
Быть перед совестью в долгу,
Ей богу, дольше не смогу —
Жизнь — клад, но истина дороже;
Она мне цензор и указ...
Итак, подвинем наш рассказ.

Под «кончил у Читы» подразумевалась возможность угодить, подобно декабристам, на какому-то торгу в Сибирь.

Как представлял себе Пушкин продолжение «Онегина», известно немного. Автографа поэта на сей счет наука не располагает. Впрочем, есть опубликованное признание М.В. Юзефовича, штаб-ротмистра Чугуевского полка, боевого то-

варища и друга брата поэта — Льва Сергеевича Пушкина, что во время пребывания на Кавказе в 1829 году сочинитель довольно подробно рассказывал ему о первоначальном замысле романа в стихах, «по которому... Онегин должен был или погибнуть на Кавказе, или попасть в число декабристов». Но все это у Юзефовича в общих чертах. Подробности развития романа Михаил Владимирович не приводит. Однако не исключено, что эти подробности у него были, но почему-то в основной текст воспоминаний «Памяти Пушкина» не вошли.

Поиск привел меня в Центральный государственный архив литературы и искусства (ЦГАЛИ). Там внимание привлек архив историка и археографа П.И. Бартенева, для которого Юзефович и писал вышеназванные воспоминания. В подготовительных их набросках, сохранившихся в архиве, обнаружилась разбивка продолжения «Онегина» по главам, услышанная Юзефовичем

литической, просветительской, экономической деятельности декабристов-ссыльнопоселенцев среди местного населения, чему отведена отдельная глава. Очевидно, из опасений нажать неприятности Юзефович и не решился обнародовать пушкинский замысел, крамольный в глазах правительства.

«Таню я и люблю»

Разумеется, у Пушкина не могло не быть прототипов для подобного развития сюжета «Евгения Онегина», что подтверждает, в частности, личный архив декабриста И.Пущина и его жены Натальи Дмитриевны. И — как это ни удивительно — город Туринск Свердловской области и западносибирский Тобольск становятся невольными свидетелями поселенца, члена Союза спасения, Союза благоденствия и Северного общества декабристов И.Пущина и Н.Фонвизиной (по первому мужу) — жены тоже тобольского ссыльного поселенца, участника подготовки восстания в Москве М.Фонвизина.

Правда, судя по туринским письмам Наталье Дмитриевне, Пущин не хочет, чтобы она называла его Онегиным: «Пожалуйста, не говори мне об Онегине. Я Иван и ни в какие подражания не вхожу». Но отбивается он как-то вяло, словно нехотя. И потому — подозрительно. Поскольку сам же поддерживает претензии Фонвизиной считать ее Таней, героиней пушкинского романа. «Таню... я и люблю! В ее «прощай» вижу зарю отрадного свидания. Верь мне, своему заветному спутнику!» «Пора поблагодарить Таню за записочку. И ныне будем надеяться на бога любви — он устроит один то, что настоящим образом не укладывается в голове». «Спасибо глубокое за письмо милой Тани. Таня знает, чем потешить юношу. Он просто с ума сходит. Только, пожалуйста, милая, ненаглядная Таня, никому об этом не говори». «Поверишь ли ты, друг мой тайный, эта таинственность нашего чудного сближения просто меня чарует».

Но почему таинственность? Очевидно, оба связаны с общим прошлым. И это прошлое совпадает с историей отношений Онегина и Татьяны в пушкинском романе. Достаточно сравнить. В романе Татьяна в своей деревне знакомится с Онегиным, светским барином, соседом по имению, получает от Онегина холодную проповедь в ответ на свои пылкие чувства к нему, без любви выходит замуж за генерала. И когда много лет спустя на московском балу встречает вновь Евгения, внезапно вспыхнувшего любовью к ней, светской красавице, отвечает ему, что, как жена другого человека, она не может составить счастья Онегина, несмотря на любовь к нему.

А вот реальные факты из биографии Натальи Дмитриевны, урожденной Апухтиной. В имении помещика-отца на берегу живописной Унжи

в 1829 году во время продолжительных оживленных бесед, «центром которых был А.С. Пушкин».

Итак, какие же это главы? Часть четвертая. Песнь. 1812 год. Заговор декабристов. XI. Онегин-декабрист. Восстание. XII. Ссылка. Часть пятая. XIII. Встреча с Татьяной. XIV. Декабристы в Сибири. XV. Соединение. По черновым записям Юзефовича в ЦГАЛИ, подробности пушкинского замысла продолжения «Онегина», услышанные от самого Александра Сергеевича, таковы. После размовки с Татьяной Евгений ищет себя в служении Отечеству, вступает в Северное общество декабристов, участвует в восстании на Сенатской площади в Петербурге. По приговору Верховного уголовного суда осужден к ссылке в Сибирь. В ссылке Онегин встречается вновь с Татьяной, добровольно последовавшей в Сибирь за осужденным мужем-декабристом. Духовная близость, совместная работа ради процветания здешнего края укрепляют узы глубокой и взаимной дружбы, а внезапная смерть мужа Татьяны позволяет дать полную волю обоюдным любовным чувствам. Сибирь соединяет Онегина и Татьяну в законном браке. Все это происходит на фоне по-

И.И.Пушкин

Н.Д.Фонвизина

юная Наташа встретила и полюбила молодого человека, но тот уехал, даже не объяснившись. Наташа выходит замуж за своего двоюродного дядю — генерал-майора, героя войны 1812 года, из благодарности за его горячую привязанность, мягкое, нежное сердце. Встретив как-то на балу в Москве снова того молодого человека, горько разбившего ее чистые мечты, который на сей раз был поражен ее блистающей красотой, умом и вздумал добиться вновь ее благосклонности, Наталья Дмитриевна — теперь уже не наивная экзальтированная девочка, а женщина, умудренная жизненным опытом, глубоко понимающая свои обязанности, — благородным и гордым отпором отвергла его притязания.

8 августа 1841 года в Туринске И.Пушкин признается «своему старому знакомому» В.И. Паневу, поэту и чиновнику, приехавшему обозреть свою бумажную фабрику в городе на Туре, в давней любви к Наталье Апухтиной. Тогда из опасений потерять личную свободу и нежелания подвергать девушку будущим суровым испытаниям, будучи членом тайного общества борьбы с самодержавием, он для видимости придрался к расстроеному имению Апухтиных, не способному обеспечить приданое невесте, и бежал от любящей девушки. Но потом, встретив снова на московском балу ее уже супругой заслуженного, всеми уважаемого генерала, понял свою ошибку, пытался возродить былые отношения, но был отвергнут Натальей. Об этом факте вспоминает, со слов Пуштина, его друг декабрист Е.П. Оболенский. В романе Онегин встретил Татьяну на балу, возвратившись из путешествия по югу России. Но и Пушкин тоже встретил Татьяну на балу у московского генерал-губернатора после путешествия по югу России (Кишинев, Аккерман).

«Ее сестра звалась Наташа»

Налицо определенное сходство между Татьяной Лариной и Фонвизиной, между Онегиным и Пушкиным и в характере, и в образе мыслей.

Вертопрах и щеголь Онегин, начавший задумываться о смысле жизни, в итоге — связной между Северным и Южным обществом декабристов, весьма схож с красавцем Пушкиным, совершившим эволюцию от столичного денди до идейного борца за свободу Отечества от царской тирании. А мечтательная любительница сентиментальных романов Татьяна, ставшая в замужестве благородной, глубоко сердечной женщиной — будто слепок с Натальи Дмитриевны, сочетавшей восторженность чувств с умом, образованностью, самоотверженностью, нравственной чистотой.

Немало и других совпадений. Первоначально Пушкин хотел назвать главную героиню «Евгения Онегина» не Татьяной, а Наташей. В одном из ранних вариантов романа о сестре Ольги Лариной (будущей Татьяне Лариной) сказано: «Ее сестра звалась Наташа». В романе отец Татьяны:

Он звался Дмитрий Ларин —

И винокур, и хлебосол,

Ну, словом, прямо русский барин.

Оставлено в романе даже имя отца Натальи Дмитриевны — Дмитрия Акимовича Апухтина. Сохроненная автором 10-я глава «Евгения Онегина», восстановленная по найденному списку кандидатом исторических наук Д.Альшицем, заканчивается таким восьмистишием:

В тот год, читатель, снова в ссылке,

Зарытый в псковские снега,

Метался, как сверчок в бутылке,

Опальный Пушкин — Ваш слуга.

Вдруг радость! Нет, вообразите!

С письмом от Пестеля к Никите (Муравьеву, декабристу — Ю.К.)

Ну кто б вы думали — гонец?

— Онегин! — Пушкин! — Наконец!

Но именно 11 января 1824 года декабрист Пушкин, лучший бесценный друг Пушкина, первым, по словам Александра Сергеевича, посетил в селе Михайловском Псковской области «поэта дом опальный» и «усладил изгнания день печальный», что явилось для изгнанника сладкой отрадой «в забытой сей глуши, в обители пустынных выюг и хлада». Аналогия Пушкин — Онегин напрашивается сама.

Опоэтизировал своим талантом

Теперь перейдем к свидетельствам современников. По словам Молчанова, родственника Натальи Дмитриевны, ее историю передал сочинителю М.Солнцев — дядя Пушкина (муж его тетки Елизаветы Львовны), узнавший подробности через отца жены П.Черевина, родственника Апухтиной. Пушкин неизменно встречался с Солнцевым в Москве, а перед свадьбой повез его представить своей невесте. Поэт, продолжает Молчанов, «своим поэтическим талантом опоэтизировал»

вал Наталью в своем «Евгении Онегине». Писатель-этнограф С.Максимов в книге «Сибирь и каторга» (часть 111, Санкт-Петербург, 1871) отметил, что Наталья Дмитриевна Фонвизина, урожденная Апухтина, ...в молодости послужила идеалом Пушкину для Татьяны в «Онегине». Павел Дмитриевич Черевин, подпоручик квартирмейстерской части, член Союза благоденствия и Северного общества декабристов, приятель Пуцина, в свою очередь проговорился Пушкину, бывавшему у него в доме, в гостях у жившей там своей тетки Елизаветы Львовны, насчет амурного приключения Пуцина с юной Наташей, о котором узнал от самого Ивана Ивановича.

Подруга Натальи Дмитриевны, дочь Тобольского губернатора М.Францева в своих воспоминаниях также подтверждает: тема «Евгения Онегина» взята Пушкиным именно из жизни Наташи Апухтиной. В письме другу-декабристу Е.П. Оболенскому из Туринска в Итанцу(?) в марте 1841 года Пуцин сознается, что рассказанная им Пушкину в 1819 году при свидании «у домоседа Дельвига «любовная история, случившаяся с Пуциным и Апухтиной, имела продолжение в «Онегине», и «это знаменитое сочинение имеет ход в России» (См. архив Е.П. Оболенского в рукописном отделе Института русской литературы Российской Академии наук (Пушкинский дом). И наконец, свидетельство автора. 22 октября 1823 года, в день окончания первой главы романа в стихах, Пушкин писал брату Льву Сергеевичу из Одессы в Петербург: «Ты требуешь от меня подробностей об «Онегине»? Признаюсь. Многие места в моем «Онегине» относятся к Апухтиной, в которую Пуцин был очень долго и очень глупо влюблен. Сюжетом романа обязан я Пуцину, другу моей славы». (Из архива Л.Пушкина в ИРЛИ).

Бесспорно, главные герои «Евгения Онегина» — образы собирательные. Какие-то черты их характера поэт списал с других лиц, помимо Пуцина и Апухтиной. И все же на попытки критиков отождествить героиню романа с другими, близкими поэту женщинами — например, М.Раевской (будущей женой декабриста, княгиней Волконской), графиней Е.Воронцовой, А.Керн, А.Вульф, а в Онегине видеть А.Раевского, сына генерала, адъютанта командующего русским оккупационным корпусом во Франции М.Воронцова, — поэт решительно отмахивался: «Опять сплетни!» — не исключая однако же «шума от «Онегина» (см. указанный архив Л.Пушкина).

Роман, писавшийся 7 лет 4 месяца 17 дней, был закончен официально 25 сентября 1830 года в Болдино, когда участник восстания на Сенатской площади И.Пуцин и первый муж Натальи Дмитриевны, отставной генерал-майор, член Союза спасения и Союза благоденствия М.Фонвизин на-

ходились уже на каторжных работах в Сибири, а Наталья Дмитриевна приехала к мужу, разделив с ним его судьбу. Таким образом, начало реального продолжения судьбы Онегина и Татьяны было как бы перед глазами гениального поэта. Тем более, что историю замужества Фонвизиной и ее отъезда к «генералу» в Сибирь Пушкину поведал также его друг русский религиозный философ П.Чаадаев.

Трагическая гибель Пушкина оборвала его планы продолжить «Евгения Онегина. Поэт не дожил до кончины Фонвизина, женитьбы Пуцина на Наталье Дмитриевне, когда предсказанное поэтом завершение событий романа получило реальное подтверждение жизнью. И приходится лишь удивляться прозорливости автора, сумевшего так удачно предсказать действительность. И сожалеть, что задуманное продолжение романа в стихах не стало новой замечательной страницей русской поэзии.

Иллюстрации взяты из павленковского собрания сочинений Пушкина. Санкт-Петербург, 1913 г.)

КТО НЕ ВЕРИЛ

В дурные пророчества

14

Ракетоносцы шли клином, как журавли. В командирском кресле головной машины, летящей в острие клина, сидел полковник Лисицын. За спиной оставалась авиабаза размерами четыре на десять тысяч километров, а впереди лежал весь мир, и весь мир был в прицеле. Кроме, может быть, небольшой части Антарктиды, Огненной Земли, того же острова Пасхи...

Порыв ветра захлопнул форточку. Звук вернул полковника к действительности.

А ведь все могло быть совсем по-другому, подумал Лисицын. Будь у Советского Союза хотя бы сотни три таких машин. Не говоря уже о семи-восьми сотнях...

Ведь можно было бы ударить первыми. Когда еще не было ракет, достигающих другого полушария за полчаса, и компьютеров, мертвой силы, наносящей ответный удар, когда живая сила противника уничтожена полностью, включая высшее командование. И единственное, чем ответила бы Америка на упреждающий удар, — подняла бы с оставшихся аэродромов оставшиеся бомбардировщики. Которых встретили бы наши части ПВО, знающие, кого и откуда встречать...

Он видел это почти как наяву — атомный гриб над Нью-Йорком... Парижем... Рейкьявиком (его-то зачем? А, ладно, черт с ним!)... Рио-де-Жанейро... Тот самый, что снился ему в детстве...

И не вязкая, растянувшаяся на сорок лет холодная война решила бы судьбу мира, а короткая и победоносная Третья Мировая! А после нее не было бы уже ни горбачевской перестройки, ни всех последовавших за ней безобразий!

И такого самолета лишили свою страну эти два отщепенца, один наполовину еврей, другой на четверть цыган! (Полковник видел их анкеты.) Ради спасения своих шкур, не стоящих патронов, которыми их должны были издырывать! Даже если им на самом деле что-то угрожало в их пятидесятом году... Так пусть докажут, что угрожало!

Снова и снова полковник прокручивал по экрану строчки ПТХ: пятнадцать с половиной тысяч километров... восемь тонн бомбовой нагрузки внутри фюзеляжа... две крылатые ракеты на внешней подвеске... две пушки, десять пулеметов... От Одессы до острова Пасхи не достает; а если от Владивостока?..

Кому он будет нужен, этот остров Пасхи, со злостью подумал полковник, когда все западное полушарие станет одним радиоактивным пепелищем?

Они не шпионы. Они просто трусы и предатели. За трусость и предательство их и нужно судить. В пятидесятом их судили бы за предательство, которое

они только собирались совершить (и правильно!); но они сумели избежать справедливого наказания. Значит, их будут судить в 2001-м.

И тут же понял, что в 2001-м справедливого суда, соразмерного совершенному предательству, не будет и не может быть. Где суд, который их осудит? Где страна, которую они предали, которой нанесли невосполнимый ущерб своей трусостью? Советский Союз? Его нет. Российская Федерация? А ей на что этот экспонат? В музей поставить? Вот он, бери и ставь.

Адвокаты, правозащитники, журналисты, вся эта пишущая и снимающая сволочь, мешающая скорому и справедливому возмездию...

Нет, ребята, подумал полковник, вас судить буду я сам. Я сам вынесу вам приговор и сам же позабочусь, чтобы он был приведен в исполнение.

Полковник достал из кармана сотовый телефон и нажал кнопку.

15

После ухода Маркова Завадский не стал сидеть в кресле штурмана без дела, а для начала проверил те узлы, до которых можно было добраться, не вылезая из самолета. На работоспособность того, что он не смог проверить, приходилось только надеяться.

Времени на эту проверку ушло почти три часа. Марков все не появлялся. Завадский посмотрел еще раз, что утащили и что оставили «консервированные» самолет, некоторые пункты записал для памяти, а потом уснул-таки в кресле штурмана, хотя поначалу и не собирался.

— Маркова не было уже почти пять часов.

Вдруг сквозь шум ветра профессор услышал какой-то другой звук. Выглянув наружу, он успел заметить, как из-за стоявшего рядом «Ил-76» выехал бензовоз и, двигаясь краем поля, скрылся за хвостом «Ем-12». Профессор посмотрел в стекло с другой стороны и увидел, как тот же бензовоз, с трудом вписываясь в поворот, заруливает под левое крыло ракетноносца к третьему мотору.

Профессор торопливо выбрался на крыло. Дул сильный ветер, свистел в турбине «Ил-76». Сверкало и грохотало уже совсем близко. Бензовоз стоял под третьим двигателем, и с верха цистерны лез на крыло Марков, но у него не очень получалось.

— Это что? — спросил профессор.

— Бензин, — ответил пилот. У него в очередной раз не вышло закинуть ногу на крыло.

— А где водитель?

— Вон, в кабине спит.

— Цыганский гипноз? — почему-то шепотом спросил профессор.

— Какой, к черту, гипноз? Упоил его до зеленых чертей. — Маркову наконец-то удалось взобраться на

(Окончание. Начало в № 6-7, 2004).

крыло, и только тут профессор заметил, что от него идет очень сильный «выхлоп».

— А-а... вы сможете вести самолет? В таком состоянии...

— Разве ж это состояние? Вот когда мы взлетали в Боснии, вот то было состояние... Алексей Иванович, там должна быть веревка, а ведро вон висит. — Марков махнул рукой в сторону машины. Он возился с крышкой одного из лючков двигателя.

Профессор притащил из самолета веревку, слез на цистерну, привязал ведро.

— Открывайте люк, — скомандовал Марков, — и давайте ведро туда.

— Вы что же, хотите ведром перелить четыре тонны?

— Алексей Иванович! Вы же бортмеханик! Возьмите себя в руки.

«И правда, пора взять себя в руки», — подумал профессор. Он зачерпнул ведром бензина из люка бензовоза, Марков на веревке втащил его наверх и слил в бачок двигателя вспомогательного насоса. Вытянул пусковой шнур, как у лодочного мотора, рванул его раз, другой, а с третьего рывка насос завелся, затарахтел. Марков спустил толстый шланг прямо в люк бензовоза, стук насоса стал глуше, и бензин потек в баки самолета.

— Тонн пять, не меньше! — похвастался Марков, как будто он сам наливал цистерну. — Может, до самого Алтая дотянем.

— На вышке не услышат? — обеспокоенно спросил профессор. И как раз в этот момент вспыхнули огни по границе аэродрома и прожекторы на мачтах рядом с диспетчерской. Профессор и пилот разом приехали на крыле.

— Тут уж как повезет, — глубокомысленно заметил Марков. — Может, услышат, а может, нет. Лучше помогите снять аккумулятор с машины.

— Нехорошо как-то, — смущенно сказал Завадский. — Получится, что мы его украли.

— А бензин мы честно купили, да? Ну, ничего, Алексей Иванович, у кержаков грехи замолим! Вот прием кержацкую веру...

Когда они вдвоем, крихтя и ругаясь, втащили аккумулятор в самолет и Завадский начал подключать к нему провода, Маркову показалось, что снаружи резко, скачком потемнело. Он высунул голову в люк, огляделся, потом стремительно обернулся к Завадскому.

— Алексей Иванович! Свет погас!

— Где?

— Везде! На вышке не горит, вдоль забора тоже. — Он снова высунулся в люк, посмотрел в сторону взлетно-посадочной полосы. — На ВПП огни не горят!

— Что случилось?

— Не знаю. Наверное, авария на подстанции. Алексей Иванович, бросаем все к чертовой матери и взлетаем!

— А бензин?

— Начхать, две трети по крайней мере уже взяли. Все, взлетаем, когда еще будет такая возможность? Алексей Иванович, мое левое крыло, ваше правое — опережение на минимум! До упора!

На крыле порыв ветра чуть не сбросил Завадского на бетон. Когда он, выставив опережение зажигания у моторов правого крыла, вернулся в самолет, Марков уже сидел в пилотском кресле и щелкал тумблерами

на приборной доске.

— Володя, я не затянул клеммы аккумулятора.

— Я затянул. Проверьте люки, буду запускать.

— Аккумулятор слабоват. У нашего-то емкость была в три раза больше. Запустит?

— Один мотор заведется — остальные от генератора. Не заведется — придется на бензовозе драпать, колючку рвать.

Завадский проверил люки — они оказались заперты, и даже два болта, о которых говорил Володя, вставлены на место и затянуты.

Еще когда он проверял люки, Марков начал прокручивать один из двигателей левого крыла; затем профессор услышал чихание мотора, а потом звук стал ровным, и профессор понял, что мотор уже крутится сам и питает генератором бортовую сеть.

Профессор плюхнулся в кресло штурмана. Третий двигатель крутился, прогреваясь, а Марков уже запустил четвертый. Профессор натянул шлемофон, подключился к переговорному устройству, сказал:

— Все люки закрыты.

— Отлично, — ответил Марков. — Третий и четвертый на прогреве, запускаю второй.

В этот момент вспыхнули огни на столбах ограждения аэродрома. Через секунду снова погасли.

— Заразы, сейчас дизель-генератор заведут! — крикнул Марков. Он чуть прибавил газа третьему и четвертому моторам и, нарушая регламент, попытался запустить второй и пятый двигатели одновременно. Получилось. Потом сказал:

— Все, уходим в начало полосы. Сейчас прожекторы включают, будем, как на ладошке.

— А двигатели?

— Третий и четвертый худо-бедно тянут, еще два греются, последние запустим на ходу. Пока докатимся, глядишь, четыре будут работать на полную. Взлетим, машина ж пустая!

Когда он заканчивал фразу, самолет уже катился по бетону. Марков сразу же круто повернул влево и вел его по самому краю рулежной дорожки, иногда съезжая левым шасси в траву. Он старался держаться так, чтобы стоящий «Ил-76» все время оставался между ними и вышкой. Ни один огонь не горел ни на аэродроме, ни в городке, но вспышки молний, следовавшие одна за другой, освещали путь, и Марков вел самолет по дорожке уверенно и быстро.

В начале полосы самолет остановился. Третий и четвертый двигатели прогрелись полностью, второй и пятый были близки к этому, от первого и шестого пользы пока не было, Марков их только что запустил.

Огни на полосе вдруг вспыхнули и больше не гасли. Марков что-то прикинул в уме, осторожно добавил газа второму и пятому моторам, сказал:

— Взлетаем, Алексей Иванович. Полоса длинная, машина пустая — как-нибудь оторвемся.

Он дал максимальный газ третьему и четвертому моторам, и самолет покатился вперед, набирая скорость, причем профессору показалось, что разгоняется он никак не медленнее обычного. Марков видел, что это далеко не так, но длина полосы, даже при меньшем ускорении, была достаточной для разгона. Маркова больше беспокоил ветер, дувший навстречу наискосок резкими порывами, которые заметно раскачивали самолет. Без бомб и ракет, без части оборудования, почти без топлива — машина с максимальным

взлетным весом 136 тонн сейчас едва тянула на семьдесят, и такой ветер мог оторвать ее от бетона, а потом, внезапно прекратившись или сменив направление, уронить обратно. О возможных последствиях думать не хотелось.

Самолет катился по полосе, набирая скорость, когда стекла кабины вдруг что-то ярко осветило снаружи.

— Проектор,— сказал Марков.— Заметили, сволочи... А вот вам! — Сложив фигу, он показал ее через стекло в сторону вышки.

— Володя, что это за искры? Вон там,— спросил профессор. Марков уже и сам увидел.

— Это не искры. Это трассеры. Похоже, по нам стреляют из пулемета.

16

В начале 1992 года перевернулся мир и рухнул СССР, черное стало белым, белое трехцветным, а красное стремительно коричневело. В Гааге трибунал точил перья для суда над Конторой, как в свое время над СС в Нюрнберге, а сама она ушла в подполье вместе с КПСС Лисицын, тогда еще подполковник, чтобы не потерять ориентиры и не свихнуться в свихнувшемся мире, принял для себя: нахожусь на временно оккупированной территории, связь с центром потеряна, действую по обстановке.

Тем самым в своей оценке новой власти он сошелся с крайними коммунистами анпиловского толка, которые называли ее «временным оккупационным правительством». Это не означает, конечно, что Лисицын сам был коммунистом. В свое время он вступил, как положено, в КПСС, но при этом ему было по большому счету абсолютно все равно, что строить: коммунизм ли, социально ли ориентированную рыночную экономику, или, например, крепостное право с человеческим лицом. Тем более, что в нашей стране технология возведения всех этих объектов практически одна и та же. Но своей Лисицын был готов считать только такую власть, которая вернула бы госбезопасности былой авторитет и влияние в обществе и государстве.

Через год, когда Гаага умерила пыл, удовольствовавшись югославскими генералами, а Контора была восстановлена, хотя и под другой вывеской, профессиональные качества Евгения Петровича Лисицына оказались востребованы. Его пригласили во вновь организованную ФСБ, присвоили звание полковника, но это не изменило его отношения к властям. Он по-прежнему считал их оккупантами.

Но действовать по обстановке, находясь на оккупированной территории, в одиночку невозможно, это ведет к скорому и неизбежному провалу. Нужна была группа, и Лисицын ее собрал. В бесхозных на тот момент архивах Конторы он раскопал материалы на трех человек, которые, вероятно, в то время мечтали, чтобы о них все забыли. Во времена, когда с КПСС еще считались, не говоря уже о КГБ, эти люди выполняли некоторые деликатные поручения, за которые, узнай о них новая власть, они ответили бы по полной программе. Возможно, если бы Гаага не успокоилась, их кинули бы на растерзание трибуналу, чтобы отдать хоть кого-то.

(Кто-то ведь должен ответить за злодеяния прежнего режима! Не генералов же сдавать, в самом деле.)

Лисицын отобрал часть материалов, уничтожил ос-

тальное, и теперь эти люди подчинялись ему и только ему, и даже своему официальному начальству лишь в той степени, насколько это разрешал полковник Лисицын. Силами этих людей он провел несколько успешных операций, и теперь у них было еще больше оснований опасаться властей, хотя, говоря откровенно, сделанное ими в конечном счете способствовало приходу тех, кто пришел в 2000-м.

Власть снова сменилась. Со своим отношением к этой Лисицын все еще не определился, хотя прошло уже более года. Власть не давала поводов отнестись к оккупантам, ни к своим. Лисицын, пока не принял решения, воздерживался от активных действий. И вот, похоже, настало время прервать паузу.

..Именем страны, брошенной своими правителями и преданной своим народом, полковник судил предателей и выносил им приговор — за то, что полвека назад страна не стала единственной сверхдержавой на планете, а, продержавшись сорок лет в неравной борьбе, была растащена на части; за Беловежскую Пущу, Брайтон-Бич и Грозный; за соотечественников, уехавших из Душанбе и Риги, и за оставшихся там; за собственные детские страхи перед летящим в ночи американским бомбардировщиком...

А может, прав профессор, подумал вдруг Лисицын, и судьба Советского Союза была predeterminedена пятнадцать миллиардов лет назад? Еще чего, оборвал он сам себя. С такими мыслями, товарищ полковник, ты дойдешь до того, что поверишь, будто бы в Собакевича действительно взорвался листок бумаги.

Полковник достал из кармана сотовый телефон и нажал кнопку.

В этот момент лампа на столе мигнула, погасла на полсекунды и снова вспыхнула. На кухне с рыком остановился компрессор холодильника, а компьютер начал перезагрузку. В темноте за окном сверкнула молния, сразу вслед за ней раздался оглушительный удар грома. Природа напоминала, что пора позаботиться о безопасности.

Лисицын отключил телефон и сунул его обратно в карман. Барабанив пальцами по столу, он дождался, пока компьютер проверит диски и загрузится, затем выключил его, как положено. Потом вышел во двор и загнал машину под навес, сооруженный для таких случаев. Проверил, закрыты ли двери сарая и бани, обошел кругом дом, убедился, что все в порядке, и поднялся на крыльцо, на ходу вытаскивая из кармана телефон.

В тот момент, когда он взял за ручку двери, в доме погас свет. Чертыхаясь, полковник снова убрал в карман телефон, прошел в темноте на кухню, взял из шкафа фонарик и пошел смотреть предохранители на щитке. Все оказалось в порядке. Лисицын потыкал кнопки автоматов, но свет так и не загорелся, и только тогда он догадался выглянуть наружу.

Света не было во всем поселке.

Аварии в поселковой электросети были нередким явлением и устранялись не спеша, поэтому Лисицын нашел свечку, зажег ее и вернулся к телефону. Он нажал кнопку и поднес аппарат к уху.

В трубке слышались негромкие шорохи от грозовых разрядов, но сигнала станции не было. Видимо, авария оказалась серьезнее, чем поначалу предполагал полковник.

Он поднялся на второй этаж и выглянул в окно, из

которого были видны огни Новокаменска. Сейчас и там ничего не горело. Похоже, авария накрыла достаточно большую территорию, если одновременно погас свет в Новокаменске и прекратила работу станция мобильной связи в Каменске-Уральском.

Лисицын поймал себя на непонятном беспокойстве. Все равно он не стал бы сейчас давать по телефону никаких указаний, а только собирался назначить встречу с человеком, который после организовал бы бесследное исчезновение профессора и пилота. В любом случае эта встреча произошла бы не раньше, чем завтра, а сегодня стоило лечь спать, чтобы завтра встать пораньше, раз уж света нет.

Лисицын заставил себя вытащить и разложить на диване постель. Перед тем как лечь, он снова включил мобильник, и снова с таким же результатом.

Полковник умел заставить себя заснуть и проснуться в любое время, по ситуации, но сейчас этого не получилось. Ворочаясь на диване под грохот грозы и стук дождя по крыше, он пытался вспомнить, в какие сроки фирма гарантирует восстановление связи в случае ее нарушения по техническим причинам, и не мог. Договор оставался в городе, и в памяти всплывали самые фантастические сроки, от получаса до двух суток (последнее — явная несуразица).

Наконец, не выдержав, полковник снова достал телефон, снова убедился, что станция не работает, командовал самому себе «Спать!» и отключил аппарат. В последний момент ему показалось, что пошел гудок, и он страшным усилием воли заставил себя не нажимать кнопку снова. Он положил телефон на стол, отошел к дивану и взялся за край одеяла. И в этот момент раздался сигнал вызова.

Потом, восстанавливая эти события в памяти, полковник так и не вспомнит, как он оказался у телефона. Он стоял у дивана, держась за край одеяла, а в следующий момент уже был у стола, как будто мгновенно перенесся; и кнопка на аппарате нажата.

— Лисицын! — сказал полковник чуть резче, чем требовало. И услышал в трубке истошный вопль:

— Товарищ полковник, они взлетели! Они удрали! И он сразу понял, кто «они».

17

Это помещение называли «вышкой» по старой памяти. Слово осталось с тех пор, когда еще были не самолеты, а аэропланы, радиосвязь была только на тяжелых машинах, и то не на всех, и для руководства полетами у края поля действительно соорудили деревянную вышку, на которой при необходимости можно было вывесить сигнальные флаги. Иногда на ней же болталась «колбаса», показывающая направление ветра (чаще — на отдельном шесте), а наверху из дощечки сколачивалась будка для руководителя полетов. Отсюда второе название — «голубятня»; к 2001 году, впрочем, оно окончательно вышло из употребления. Слово «вышка» употреблялось по-прежнему, потому что оно короче, чем «диспетчерская».

В Новокаменске «вышка» представляла собой просторную, с окнами на три стороны, надстройку над верхним этажом здания, в котором размещались службы аэродрома. Внутри было все необходимое оборудование: аппаратура связи, экраны радиолокаторов, компьютеры, телефоны. И еще кое-что, связанное со спецификой находящегося в Новокаменске объекта.

В диспетчерской их было трое: капитан Морозов, прапорщик Ляхович и ефрейтор Хабибуллин.

Капитан Морозов нес службу. Несмотря на свои тридцать два года, солидное звание (не младший лейтенант все-таки!) и более чем десятилетний опыт службы в рядах, он до сих пор свято верил, что враг не дремлет, что своей службой он, капитан Морозов, обеспечивает обороноспособность страны, и если на своем участке он допустит какую-нибудь, пусть самую малую, оплошность, это приведет к тяжелым для нее последствиям. Он вглядывался в экраны радаров, на которых ничего не было (кто же будет подниматься в воздух перед грозой?), и компьютеров, на которых мерцал курсор в пустой командной строке; вслушивался в звуки, доносившиеся из динамика радиостанции (шорохи грозových разрядов да какая-то музыка, от которой капитан не смог отстроиться); и время от времени с неодобрением смотрел на подчиненных.

Прапорщик Ляхович занимался народным промыслом. Или техническим творчеством — это как посмотреть. Техническое творчество — тоже своего рода народный промысел. Фанерный корпус для часов он выпилил и склеил еще дома, и сейчас оставались сущие мелочи. Во-первых, надо было вставить и закрепить в круглом отверстии в фанере тяжелые часы со светящимися стрелками и циферблатом, вывернутые из приборной доски доисторического бомбардировщика, невесть как залетевшего в Новокаменск. Во-вторых, в маленьком окошке над циферблатом надо было закрепить кукушку, сделанную дочкой из лоскутков и перышек. Куковать она, конечно, не будет, да у самолетных часов и нет механизма для кукования; однако все вместе выглядело забавно и дома на комодке неплохо смотрелось. Для того, чтобы вставить в гнездо самолетные часы, надо было чуть-чуть подрезать фанеру — лучше всего лобзиком, и если бы не капитан, Ляхович и взял бы с собой на дежурство лобзик. А так он обходился ножиком.

Ефрейтор Хабибуллин скучал. Если бы не капитан Морозов, он бы послал минуток триста или поиграл бы на компьютере, если нельзя спать; а так — приходилось нести службу. Служба же ефрейтора Хабибуллина заключалась в том, чтобы обеспечивать готовность техники, — так он ее полностью обеспечил еще четыре дня назад. Кроме дизеля-генератора, разумеется; но про то, что он барахлит, Хабибуллин уже не раз докладывал и Морозову, и Ляховичу, и сейчас с него — какой спрос?

На худой конец можно было бы поболтать с кем-нибудь на обоюдно интересные темы; но и болтать было не с кем. Капитан и ефрейтор — слишком велика дистанция, да и разговаривать с Морозовым не о чем. Разве что о службе, которая Хабибуллина давно осточертела. А прапорщик, может быть, и снизошел бы до ефрейтора, но как раз Ляховича Хабибуллин презирал за жадность. Тот таскал и пристраивал к домашнему хозяйству все, что не очень хорошо лежало, стояло или висело.

Сам Хабибуллин, впрочем, к аналогичному добру относился так же, но себя жадным не считал. Себя он считал хозяйственным и домовитым.

Когда консервировали этого доисторического монстра, стоящего сейчас на семнадцатой стоянке, ефрейтор, пока Ляхович выворачивал из приборной доски приглянувшиеся ему часы, пошуровал в заку-

ке, где, судя по укладкам, сидел бортмеханик. Инструмент, конечно, по большей части пришлось отдать прапору, но и себе удалось прибрать кое-что. Ефрейтор заначил неплохой тестер, старый, но работоспособный (потом, в случае чего, можно будет продать как антиквариат, есть любители), и присмотрел под креслом бортмеханика небольшой ящичек с инструментом, очень удобный, какой хорошо взять с собой на дембель; но сразу забрать не удалось, а теперь самолет стоял запертым, и у Хабибуллина все не выдавалось времени подобрать ключи.

С юго-запада надвигалась гроза. Далекие молнии вспыхивали на фоне черных туч, и раскаты грома, ослабленные расстоянием, в хорошо изолированной от внешнего шума диспетчерской были едва слышны. Свист ветра в металлоконструкциях на плоской крыше диспетчерской был слышен лучше. Туда вела крутая железная лестница, и в неплотно закрытую дверь тоже свистело.

Ефрейтору надоел этот свист. Он поднялся, дернул дверь на себя. Свист стих. Ефрейтор вернулся, сел на свой стул и украдкой зевнул.

В одном из металлических шкафов щелкнуло реле. На экране компьютера появилось сообщение, которое капитан стер, не читая. Он и так знал, что это автоматика включила огни взлетно-посадочной полосы. Перекинув два тумблера, он включил фонари на столбах вдоль ограждения и прожекторы на мачтах возле самолетных стоянок и снова уставился в экраны радаров.

Ляхович встал, включил свет в диспетчерской: ему было темно, он едва видел кукушку. Свет загорелся, потом на полсекунды погас и снова вспыхнул. Прожекторы за окнами диспетчерской тоже мигнули. Компьютеры продолжали работать благодаря надежным источникам бесперебойного питания. Работа локаторов восстановилась через несколько секунд. На экранах по-прежнему ничего не было.

Морозов наконец обратил внимание на какой-то посторонний звук, похожий на стук мотоциклетного мотора. Но, если бы это был мотоцикл, звук должен был бы приближаться или удаляться, а он слышался так, как будто его источник все время оставался на месте.

— Тихо! — сказал Морозов, подняв вверх палец. Все замерли. — Похоже, мотор работает.

— Это лист на крыше генераторной. Ветром колотит, — ответил Ляхович, нехотя отрываясь от кукушки. Хабибуллин промолчал. Он был всецело на стороне прапора, потому что в противном случае ему пришлось бы идти проверять, кто завел мотор, какой именно мотор и с какой целью. Но высказаться он сейчас в поддержку версии Ляховича, это могло бы подтолкнуть капитана к противоположной; а так — старшие по званию обсуждают, младший молчит: его не спрашивали.

Морозов подошел к окну, выглянул, затем обернулся к Ляховичу, сказал:

— Свет!

Ляхович выключил свет в диспетчерской. За окнами вихри гоняли по бетону мусор, прожектора освещали самолеты на стоянках. Из-за стоящего недалеко «Ил-76» торчали винты старинного бомбардировщика, который на аэродроме успели окрестить «динозавром». Крыша генераторной была не видна. Звук действительно походил на стук плохо прибитого кро-

вельного листа, а Морозов не был извергом и хорошо представлял, каково сейчас выходить наружу. И то ли еще будет, если начнется дождь — а он начнется разом, и кто под него попадет, разом промокнет. Но служба есть служба, и капитан обернулся к Хабибуллину, чтобы приказать ему выяснять причину стука.

В этот момент погас свет за окнами. Сразу везде: и на столбах ограды, и на полосе, и прожектора на мачтах. Погасли экраны радиолокаторов, а на экранах компьютеров появились сообщения о переходе в режим экстренного отключения. Из всех индикаторов, горевших до этого на пульте, остались только два. Капитан посмотрел в другое окно — огней Новокаменска тоже не было видно.

Морозов достал из стола электрический фонарь, включил его. Достали свои фонари Ляхович и Хабибуллин.

Бегло взглянув на оставшиеся индикаторы, капитан понял, что с подстанции не подается напряжение.

— Ефрейтор Хабибуллин, запустить дизель-генератор! — скомандовал капитан. Хабибуллин небрежно ответил «Есть!» и неторопливо направился к выходу. Капитан достал из стола секундомер и демонстративно щелкнул. Ефрейтор, матерясь про себя, выскочил из диспетчерской, захлопнул за собой дверь, и Морозов с Ляховичем услышали, как он прогрохотал сапогами по лестнице вниз.

Захлопнув дверь, Хабибуллин позволил себе выразиться вслух.

Морозов поочередно проверил телефоны. Не работал ни один, кроме телефона прямой связи с дежурным по гарнизону, который питался от автономного источника. Морозов хотел позвонить, доложить обстановку, потом вдруг передумал: чего доклады-вать, и так видно, что темно.

Стук кровельного листа прекратился, капитан даже не заметил, когда это произошло. Он больше не вспомнил об этом. Ветер свистел почти непрерывно, заглушая тиканье секундомера. Ляхович подошел к окну, выглянул наружу и, как и следовало ожидать, ничего не увидел. Он подошел к электрощиту и аккуратно повернул общий рубильник освещения в положение «ВЫКЛ», чтобы включить его только тогда, когда дизель-генератор будет устойчиво работать.

Снаружи, приглушенный стенами, раздался звук работающего дизеля. Морозов взял со стола секундомер. Вспыхнули огни по периметру аэродрома, на пульте загорелись индикаторы. Ляхович включил свет в диспетчерской. Морозов остановил секундомер. В тот же миг дизель зачихал, свет опять погас.

Ляхович снова подошел к окну, пытаясь разглядеть там что-то при вспышках молний. Затем сказал, повернувшись к капитану:

— Кажись, этого не видно... как его? Динозавра этого.

Морозов вскочил, подбежал к окну. При вспышке молнии они на миг увидели горбатый силуэт «Ил-76», который показался капитану каким-то непривычным.

— За семьдесят шестым винты было видно, — сказал прапорщик. — А сейчас, кажись, нет их.

В свете новых вспышек Морозов уже сам видел, что в привычной картине аэродромной стоянки не хватает как раз этих винтов.

— Может, оттащили на другое место? — спросил

он прапорщика, понимая в то же время всю нелепость этого предположения. Когда он принимал дежурство, все машины стояли на своих местах, он убедился в этом лично; к тому же тягачи были заперты в парке, ключи от которого лежали у Морозова в сейфе.

В этот момент снова заработал дизель-генератор, вспыхнули лампы в диспетчерской, а за окном стало вообще ничего не видно.

— Наверх! — скомандовал Морозов. Ляхович бросился к лестнице, ведущей на плоскую крышу диспетчерской. Капитан подбежал к электрощиту и, повернув вверх общий рубильник наружного освещения, устремился за прапорщиком.

Наверху на них обрушились ветер и первые, редкие, но тяжелые, дождевые капли. Капитан схватил рукоятки прожектора, повернул его в сторону стоянок. Прапорщик крикнул, перебивая шум ветра:

— Вон он! На полосе!

Морозов повернул прожектор в сторону полосы, качнул вправо-влево и поймал лучом движущийся по ней «Ем-12». Самолет уже прошел точку, ближайшую к диспетчерской, и сейчас удалялся от нее. Капитану показалось, что самолет катится очень медленно, но он тут же вспомнил, что скорость его вообще меньше, чем у современных реактивных машин, и, значит, скорость отрыва — тоже, и самолет сейчас взлетит.

— Пулемет! — крикнул капитан. Прапорщик прогрохотал по лестнице вниз, щелкнул замком оружейной пирамиды. Прыгая через ступеньку, Ляхович взлетел обратно на крышу. В левой руке он держал РПК¹, в правой — автомат.

Капитан вел прожектор за удаляющимся, набирающим скорость самолетом. Он выхватил у прапорщика пулемет, прожектор бросил, левой рукой его тут же подхватил Ляхович. Он, похоже, успел снять автомат с предохранителя и передернуть затвор еще внизу, потому что сразу, с локтя, начал стрелять. Морозов вскинул РПК и послал в сторону самолета несколько коротких очередей.

Самолет уходил. Капитан видел, что трассирующие пули летят мимо, от этого нервничал и еще сильнее мазал. Ляхович бросил прожектор, чтобы перезарядить автомат, самолет в это время оторвался от бетона, резко пошел вверх и вырвался из луча света. Морозов навел пулемет в ту сторону, где, по его мнению, он должен был находиться, и одной длинной очередью, в которую вложил всю свою душу, выпустил в небо то, что еще оставалось в магазине. А другой магазин был внизу.

Ляхович, перезарядив автомат, теперь безуспешно крутил прожектором, пытаясь поймать самолет. Морозов сбежал по лестнице в диспетчерскую и наткнулся взглядом на стол с телефонами. Забыв о патронах, он бросился к столу, поднял трубку у первого попавшегося — телефон работал. В памяти смешались все номера, отчетливо помнился только сотовый телефон полковника Лисицына. Морозов набрал его и, когда Лисицын ответил, закричал в трубку:

— Товарищ полковник, они взлетели! Они удрали!

18

— Кто у телефона? — спросил полковник в ответ на этот вопль.

— Товарищ полковник!, — снова раздалось в трубке.

— Кто у телефона?! — рявкнул Лисицын и добавил несколько энергичных слов. Трубка после небольшой паузы ответила:

— Дежурный по аэродрому капитан Морозов.

— Капитан Морозов, доложите обстановку!

— Товарищ полковник, за время вашего отсутствия никаких происше... Тьфу! Виноват, товарищ полковник. Только что ушел со стоянки и поднялся в воздух самолет «Ем-12».

— Кто ведет машину?

— Капитан Марков и профессор Завадский.

— Это точно известно? Вы проверяли?

— Никак нет, товарищ полковник, не проверял. Я предполагаю...

— Кто разрешил вылет? — перебил Лисицын.

— Никто не разрешал, они самовольно взлетели.

— Какие меры приняты?

— Обстреляли из РПК...

— И конечно, промазали. Где они взяли бензин, сколько его у них? Это хотя бы вы знаете?

— Никак нет, товарищ полковник.

— Где самолет сейчас? Радар его видит?

Морозов посмотрел на экран. Радар показывал в воздухе единственный самолет — несомненно, это был он. Другие машины просто не поднимались в воздух.

— Видит, товарищ полковник.

— Капитан Морозов, приказываю вам продолжать слежение за объектом и аккуратно фиксировать все происходящее. Обстрелы и любые другие активные действия прекратить, действовать будут другие. Только слежение. Задача ясна?

— Ясна, товарищ полковник.

— Выполняйте. Если хотите остаться капитаном.

Полковник отключил телефон и задумался. Он так сжал в руке аппарат, что пластмасса затрещала. Опомившись, он осторожно положил трубку на стол.

Сволочи, подумал Лисицын, удрали-таки! Но где они взяли бензин?! Ведь сливали же все, что осталось! Или Шевченко не проследил? На него не похоже, но кто знает?... И на что они рассчитывают? На то, что через пятьдесят лет не будет органов? Или через двести? Шиш вам, органы были, есть и будут всегда!

Или они просто, как любой нормальный трус, драпают всеми доступными способами, пока возможно?

Сбить их к черту, устало подумал полковник. Позвонить в штаб округа, поднять истребители и сбить. А нашему человеку светиться незачем.

Он взял со стола телефон и снова нажал кнопку.

19

Бетонная полоса бежала навстречу все быстрее, самолет потряхивало на стыках плит, пулеметчик безнадежно мазал. В какой-то момент Маркова вдруг вдавило в сидение, тряска разом прекратилась, пропал луч прожектора, освещавший самолет снаружи. Марков понял, что их все-таки оторвало ветром от полосы, а посмотрев вниз через стекла штурманской кабины, увидел, что их еще и сильно несло влево: под самолетом мелькали какие-то кусты, ограждение с фонарями слева заметно приблизилось, а огни полосы ушли вправо, пилот даже не видел их — только отблески. Он прибавил оборотов крайним двигателям, прогретым хуже других, потом добавил газа второму и пятому моторам. Через пару секунд снова глянул на землю — она заметно ушла вниз, — и тогда Марков сказал:

— Оторвались, Алексей Иванович.

Где-то внизу метался луч прожектора, видимо, их пытался поймать незадачливый пулеметчик.

— Когда включаем генераторы? — спросил Завадский.

— Я скажу.

Уже четыре двигателя работали на полную мощность, самолет набирал высоту. Марков убрал шасси и начал поворачивать вправо, к востоку. Он предпочел бы уходить на запад и развернуться только после прыжка во времени, чтобы сбить со следа возможную погоню, но на западе была гроза.

— Включите локатор, — сказал Завадский.

— Работает.

— Локатор или панорамный индикатор? — переспросил профессор.

— Панорамный, — ответил пилот. — Ого, мы пользуемся популярностью! Шесть РЛС!

— Да ну их, Володя, это все ерунда. Сейчас поднимут истребители. Переключите на локатор.

Марков переключил тумблер. Через секунду, мельком глянув на экран, сказал:

— Один уже есть, — и сразу же понял, что ошибся.

— Это ракета. Впереди справа.

Профессор посмотрел через стекло и увидел внизу тусклый красный огонек.

Выпустивший ракету, по-видимому, имел самое приблизительное представление о местонахождении цели и стрелял в белый свет, как в копеечку. Ракета сильно ушла в сторону, но захватила-таки цель головкой самонаведения и теперь по широкой дуге приближалась к самолету. Профессор дернулся к счетверенной пулеметной установке, чтобы расстрелять ее в воздухе. И остановился: не было патронов. Никогда и ни одного патрона не бывало у этого самолета в патронных коробках, снятых к тому же хозяйственной рукой прапорщика Ляховича.

— А как удачно все начиналось! — заметил Марков.

Со своего места он не видел ракету и мог следить за ее полетом только по экрану радара. Профессору же было видно все.

Зигзаг молнии расколол темноту впереди, прошел прямо через красную точку, приближающуюся к ним, и она вспыхнула ярко-желтым, почти белым светом, разрослась в шар, который по мере роста становился желтым, оранжевым, оранжево-красным, потом таким же тускло-красным, как бывший огонек, и исчез на темном фоне земли.

По экрану радара побежали помехи от молнии, а когда изображение восстановилось, Марков не увидел ракеты.

— Что за черт? — спросил пилот. — Где она?

— Молния, — ответил профессор.

— Что?!

— Молния сбита.

Марков секунду помолчал, осмысливая слова профессора, потом сказал:

— Спасибо, Илюша. Будем у кержаков — большую свечку тебе поставлю!

20

Потом так и не выяснили, кто стрелял ракетами.

В багажнике «восьмерки» у него было четыре «Иглы». Первую он выпустил, не видя цели и ориен-

тируясь по звуку, но и звук был какой-то странный, и ракета повела себя непонятно — пошла вверх, потом вдруг начала поворачивать: то ли захватила цель, то ли просто так. А потом сверкнула молния, и в ее свете он увидел самолет, который показался ему тоже каким-то странным, хотя он видел его какую-то долю секунды и ни за что не мог ругаться; и то, как ракета взорвалась в воздухе, когда ей оставалось лететь до цели — всего ничего. И понял, что молния и была этому причиной.

Вторую «Иглу» он выпустил почти прицельно, при свете очередной вспышки, но и тот, кто бросался молниями, тоже успел прицелиться. Следующая молния сбита ракету на второй сотне метров полета. Ругаясь по-черному, он вытащил из багажника третью «Иглу» и, дождавшись молнии, выстрелил.

Ракета взорвалась в трех метрах над землей. Канал следующей молнии, ударившей сразу же за предыдущей вспышкой, прошел и через летящую ракету, и через стрелявшего, и стоявшую рядом «восьмерку» тоже зацепил, и четвертая ракета взорвалась в багажнике. Потом, исследуя обгоревшие обломки машины, удалось установить только марку, с трудом прочитать номера на агрегатах, и ничего больше. Труп не то что опознать — собрать хотя бы на треть не удалось.

21

Старшему лейтенанту Махневу ужасно хотелось смеяться, и он едва сдерживался. Останавливала только серьезность обстановки: он слушал командира полка ПВО, который ставил перед своими летчиками боевую задачу.

А задача была: обнаружить в воздухе неторопливо летящий допотопный бомбардировщик, угнанный с аэродрома СКВ в Новокаменске какими-то, мягко говоря, чудаками, и принудить их к посадке на полковом аэродроме или на аэродроме СКВ, или на любом другом. В случае, если они окажут сопротивление или будут уклоняться от посадки иным способом, или их действия покажутся просто подозрительными — сбить.

Против этого музейного экспоната полк выделял два звена «МиГов» и лучших пилотов. Первое вел лично командир полка подполковник Трошин. Ведомые — старший лейтенант Махнев и лейтенант Кузнецов. Вторым звеном, резервным, командовал майор Млынский.

(Для сведения: майор был первым асом полка. Командир считался третьим. Второй — старший лейтенант Махнев. Кузнецов тоже был на хорошем счету.)

Потом стало не до смеха. Не давали вылет: кто-то на свой страх и риск стрелял по экспонату из ПЗРК! Командир ругался по радио с наземными частями, те отпирались, и никто не хотел брать на себя ответственность за эту самодеятельность.

Наконец взлетели. Обнаружить цель не составило труда, на локаторах она была отлично видна, правда, командир предупреждал, что угонщики могут применить средства противодействия радиолокации, но когда с целью вступили в зрительный контакт и взяли ее в «коробочку», деваться им стало некуда. Анекдоты анекдотами, но самолеты-невидимки не видны только на экранах радаров, а визуально — вот он, родной.

Пристроившись с трех сторон позади экспоната,

чтобы контролировать все его действия, истребители дали несколько очередей из скорострельных пушек, обозначив угонщикам направление, куда лететь. Те послушно повернули, и Махнев подумал, что сейчас все кончится, самолет посадят и вернут в музей, из которого его угнали...

В этот момент экспонат неожиданно сбросил скорость и оказался позади истребителей, которые вырвались вперед, и у старшего лейтенанта мелькнула мысль, что из такого положения сейчас очень удобно врезать им в хвост из пушек и пулеметов, установленных у бомбардировщика впереди — должно же там быть какое-то вооружение. Додумать ее он не успел, потому что услышал по радио команду подполковника: командир уводит звено вправо. «Коробочка» больше не работала, лететь так медленно истребители не могли.

Разворачивая самолет, Махнев мельком глянул в сторону родного аэродрома и увидел приближающиеся огни. К ним на помощь спешило звено майора Млынского.

22

Короткий полет второй ракеты Марков наблюдал на экране локатора и, увидев очередную молнию, а после нее — пустой экран, догадался, чем все кончилось. Он не стал ждать продолжения, еще прибавил газа моторам и сказал:

— Алексей Иванович, запускайте генераторы. Сколько вам надо?

— Минут восемь — десять, — ответил Завадский, щелкая переключателями. Несколько минут прошло в молчании: самолет набирал высоту, емкости — заряд. Потом профессор услышал в наушниках:

— А вот и гости пожаловали.

— Какие гости?

— Истребители.

Посмотрев назад, насколько позволяло остекление штурманской кабины, Завадский увидел на фоне не совсем еще черного неба хищный силуэт, и от него вдруг рванулись вперед и унеслись в темноту красные огни.

— Пулеметы? — спросил профессор.

— Нет, — ответил Марков. — Это уже скорострельные пушки.

Трассы обозначили в небе направление — немного правее, чем они летели. Марков повернул туда, истребители снова дали очереди, и снова чуть вправо.

— Заразы, посадить хотят. Долго еще, Алексей Иванович?

— Минуты полторы, может, меньше.

— Ладно, ребята... А как вам вот это?

Марков чуть-чуть потянул штурвал на себя и резко сбросил газ. За стеклами кабины мелькнули три истребителя, унеслись вперед. Ракетоносец летел сейчас с такой скоростью, с какой иной «новый русский» на своем «Мерсе» или БМВ не станет ездить, например, по загородному шоссе. В городе еще туда-сюда, а по шоссе — западло так тихо ехать.

Три огонька далеко впереди пошли вправо — истребители начали разворот. Марков глянул на экран локатора и свистнул от удивления:

— Ну надо же! Еще звено. Все, пора уходить.

Он добавил газ до упора, повернул влево, навстречу грозовому фронту, и резко пошел вверх, прямо в тучу.

— Осталась минута, — предупредил профессор.

И тут на ракетоносец обрушился ливень. На миг они ощутили невесомость: машина просела на несколько метров, может быть, даже на несколько десятков метров, потом Марков выровнял полет. По кабине катились потоки воды, и при свете молний стекла вспыхивали целиком, как тогда на полосе, когда их снаружи освещал прожектор. Марков сквозь помехи следил за истребителями по экрану — по логике воздушного боя, сейчас их должны были начать сбивать; он не знал только, чем это будут делать: ракетами или из пушек.

Ракетоносец тряхнуло: видимо, прошел краем грозовой тучи. Ливень вдруг разом превратился в простую дождь, даже не очень сильный. Встречным потоком воздуха воду сдуло со стекол. Снаружи мелькнули красные огни трассеров, а может быть, Маркову только показалось.

На экране он наблюдал странные маневры истребителей: один после очередной вспышки молнии пошел куда-то в сторону и, похоже, вниз. Другой вдруг начал приближаться к ним, как будто хотел таранить. Стрелка индикатора опасного сближения (Шерхебель за него получил авторское свидетельство) метнулась в красный сектор, запищал зуммер. Марков потянул штурвал, пытаясь уйти в сторону, и в этот момент услышал в шлемофоне голос профессора:

— Включаю.

Ему показалось, что он услышал щелчок тумблера, хотя на самом деле он, конечно, не мог его слышать. А затем все наружные поверхности самолета, которые Марков мог видеть со своего места, вспыхнули неярким призрачным светом.

Видимо, у него что-то произошло с ощущением времени, может быть, по вине профессорской машины. Марков воспринимал действительность как фильм, который снят в ускоренном темпе и показывается сейчас с очень большим замедлением.

Молния горит четыре десятых секунды, а канал формируется менее чем за одну десятую. Человек такие отрезки времени не воспринимает и видит молнию целиком. Это в нормальном состоянии.

Марков увидел, как в пространстве на фоне грозовой тучи возникла светящаяся точка, как она начала приближаться к ракетоносцу, оставляя за собой зигзагообразный след, и понял, что наблюдает процесс формирования молнии, которая сейчас ударит в самолет. Он успел еще подумать: «Эх, Илюша, нас-то за что?» — и закрыл глаза.

Вспышка была такой силы, что ее свет он увидел через плотно сомкнутые веки. Грома он не услышал.

23

Когда истребители выполнили разворот и зашли в хвост экспонату, он пытался уйти в грозовую тучу. Махнев подумал, что угонщики, наверное, такие же музейные редкости, как их самолет, если пытаются уйти таким образом от преследования — решение рискованное и, может быть, оправданное с точки зрения тридцатых годов прошедшего века, когда не было радиолокации; но сейчас это ничего не давало.

— Вижу цель, буду сбивать, — сообщил по радио командир. Махнев видел, как под крылом его машины вспыхнул огонь — пошла ракета. В тот же миг молния мелькнула прямо перед носом его машины —

Махнев чуть не рванул штурвал, чтобы уйти куда-нибудь подальше от всего этого, — прошла через самолет командира, через вылетевшую из-под крыла ракету, и та резко ушла куда-то вправо и вверх; Махнев так и не увидел, чем закончился ее полет! Под крылом командирской машины опять что-то вспыхнуло, полетели какие-то обломки, и она завалилась в противоположную сторону — влево и вниз. По радио командир сообщил, что катапультировался, но самого прыжка старший лейтенант не видел — не до того.

— Не стрелять! — скомандовал по радио Млынский. Махнев и сам понял, что стрелять не стоит, по крайней мере ракетами: молнии, похоже, пробивают атмосферу по пути наименьшего сопротивления, который всегда проходит через ионизированный выхлопом след ракеты. Он не знал только, что же стоит делать.

Зато Млынский, похоже, знал. Он вдруг пошел на сближение с экспонатом, как на таран. Махнев успел понять, что майор собирается ударом снести бомбардировщику часть хвостового оперения, причем так, чтобы минимально повредить свою машину и, может быть, успеть выбраться?

В этот момент экспонат вспыхнул неярким призрачно-сиреневым светом. А затем в него ударила молния, и там, где был самолет, возникла ослепительная вспышка, прямо в которую влетел истребитель майора Млынского. И исчез в ней.

24

Потом, вспоминая этот эпизод перед следователем, Махнев так и не смог сказать, действительно ли машина майора исчезла, или он просто не увидел ее, ослепленный вспышкой. Не вспомнил он и момент, когда сам нажал кнопку катапульти.

А также и то, как перед этим развернул свой истребитель. Когда полковник Трошин принял решение уничтожить экспонат, тот шел в западном направлении, и преследовавшие его — тоже. Самолет старшего лейтенанта Махнева, абсолютно исправный, на что особенно нажимал следователь, после катапультирования пилота пролетел около тысячи километров на северо-восток и, выработав топливо, упал в сибирское болото далеко за Обью, всего в шестистах метрах от нефтепромысла.

В чем, впрочем, нет ничего удивительного. Нефтепромыслы там на каждом шагу.

25

20 августа 2001 года в 9 часов 22 минуты адъютант напомнил полковнику Лисицыну, что машина ждет и пора ехать в институт.

Следствие шло ни шатко ни валко вторую неделю. Завадский и Марков, как и ожидал полковник, исчезли. Собака, взяв в «коттедже» след беглецов, на крыльце сразу же его теряла: по-видимому, все смыло дождем. Впрочем, стоявший на поле вместо самолета совхозный бензовоз с пьяным в стельку водителем, снятым аккумулятором и остатками бензина в цистерне настолько прояснял картину произошедшего, что пускаться по следу собаку стоило лишь для проформы.

Полк ПВО, пытавшийся сбить «Ем-12», понес наибольшие, но чувствительные потери. Командир при неудачном приземлении с парашютом в ночной тем-

ноте сломал ногу. Медики обещали, что все заживет без следа, но полтора месяца — гипс и постельный режим.

Самолет майора Млынского, влетевший во вспышку, отсутствовал час двенадцать минут, после чего появился в небе в том же месте, или не совсем в том же — это так и не выяснили, да и не сильно старались. Особый отдел округа больше интересовался, где и с какой целью майор летал все это время и каким образом его не засекали радиолокаторы. Утверждения майора о том, что этот час с мелочью для него превратился в полсекунды, особист зафиксировал, но большого значения им не придавал, даже зная о результатах эксперимента полковника Лисицына с машиной Завадского. Как и тому, что остаток горючего в баках истребителя соответствовал версии Млынского, а не следствия, а часы майора отстали как раз на то время, что его не видели ракеты. Можно ведь часы перевести, а заправиться непосредственно в воздухе, — последнее указывает на то, что у Млынского могли быть сообщники.

Майор, не привыкший к подобному обращению, переругался с особистами, подал рапорт на увольнение из ПВО и попал на заметку в ФСБ.

Старший лейтенант Махнев вел себя спокойно, с особистами не ругался, но рапорт тоже подал: собрался уходить в монастырь. Пока то да се, его обследовали психиатры, но ничего не нашли, кроме небольших отклонений, какие обычно случаются у закоренелых атеистов, внезапно уверовавших.

Плюс к тому — потеря двух машин: командирской, сбитой молнией, и старшего лейтенанта Махнева, упавшей в болото.

Ракетоносец исчез и не появлялся. Шевченко рассчитал, на какое примерное время профессор сможет уйти с тем запасом бензина, какой им удалось украть. Получалось — максимум лет двадцать пять. Ну, пусть тридцать, если совсем не оставлять горючего на маневры после выхода. Минимум — кто его знает, что у Завадского на уме?

Оставалась впрочем, еще одна, чисто теоретическая версия: что ракетносец уничтожила ударившая в него молния, которая так напугала старшего лейтенанта Махнева. Но в этом случае, скорее всего, на землю упали бы остатки, обломки и огарки. А ничего этого не было, как если бы молния превратила самолет в пыль или вообще разнесла на атомы.

Чтобы выяснить, насколько такое возможно, Лисицын обратился к директору ИВЭП УрО РАН¹, членкору, доктору физико-математических наук Александру Сергеевичу Замятину, и к десяти часам тот ждал полковника, чтобы ответить на его вопросы.

Лисицын спустился во двор, сел в дождившуюся его машину, водитель выехал из ворот, свернул на проспект Ленина и, расчищая себе дорогу сиреной и мигалкой, быстро повел машину в сторону улицы Репина и дальше — на Юго-Запад, где в лесу за окружной дорогой стоял институт.

Сидя в машине, полковник позволил себе расслабиться: вторая встреча с членкором определена стоила ему меньших усилий и нервов, чем первая, в пятницу на прошлой неделе. А предыдущая поначалу так тяжело давалась полковнику потому, что она, собственно, тоже не была первой. Первая состоялась двенадцатью годами раньше, когда За-

мятин заканчивал аспирантуру, а Лисицын был подполковником.

Замятина вербовали, но не очень успешно. Поймать, как обычно, на аморалке не вышло, да и год был, слава богу, восемьдесят девятый, и фразу «Секса у нас нет» успело уже обыграть большинство юмористов, иные и не по одному разу. Тогда Лисицын решил поговорить с ним сам. Он не стал взывать к патриотическим чувствам Замятина — у того с подполковником были разные представления о патриотизме, — а просто напомнил аспиранту о его научной карьере и об имеющихся еще у Конторы возможностях ее испортить.

— Знаете, гражданин подполковник, — ответил Замятин, — вы меня ставите в безвыходное положение, но лучше вам этого не делать.

— Но почему же «гражданин», а не «товарищ подполковник»? — спросил Лисицын как можно задушевнее.

— Тренируюсь. Привыкаю заранее. Или вам больше нравится «господин подполковник»? — съерничал аспирант. Обращение «господин» начало входить в употребление недавно, Лисицына от него не коробило даже, а перекашивало. — Я, конечно, никуда от вас не денусь и на все соглашусь, только вы с этого ничего не поймете. Во-первых, вам придется проверять и перепроверять всю информацию, какую вы получите от меня.

— Это почему же?

— Потому что ваши цели для меня сомнительны, а методы однозначно неприемлемы. Вы для меня враг. Что плохо для вас, то хорошо для меня. — Лисицын внимательно посмотрел на Замятина. Тот уже не ерничал. — Причем я же не дурак, каким вы меня, вероятно, считаете. Или не считаете. Слить вам примитивную дезу я не буду, а буду это делать так, чтобы в случае чего прикинуться шлангом: ничего не знаю, как слышал, так и вам передал, за что купил, за то продаю. Придется вам все проверять из независимого источника. Причем, возможно, из такого же. А что-то вы и проглотите...

Подполковник не знал, что ответить. Так откровенно с ним никто еще не разговаривал. А Замятин продолжал:

— А я тем временем будут готовить вам очень крупную гадость. Приму меры, чтобы обезопасить своих близких, может быть, даже и себя. И когда решу, что пора...

— Ну, Александр Сергеевич, неужели мы позволим?

— Вы недооцениваете загнанного в угол обывателя как противника. Знаете, что делает заяц, который не может уйти, скажем, от собак? Например, зажмут в каком-нибудь углу между двумя глухими заборами.

— Нет. А что он делает? — Лисицын правда не знал, он был рыбак, а не охотник.

— Падает на спину и отбивается задними лапами. У него же лапищи — ого! И когти, чтоб отталкиваться при беге. Какой-нибудь дуре-собаке может брюхо разодрать. Или охотнику тулупчик... Хотя ситуация для него, в общем, безнадежная, несмотря на когти и лапы. Что они против ружья?.. Может быть, мои меры никого и не спасут, но гадость я вам сделаю, это я обещаю. Вы потом, как тот охотник, не раз

еще подумаете, стоило ли связываться с этим зайцем.

— Ну, хорошо, Александр Сергеевич, что вы предлагаете?

— Я? Вам? Ничего. Это вы мне предлагаете. Собственно, у вас сейчас две возможности: либо я вам подписываю вашу цидулю, и будет, как я сказал; либо мы расстанемся и оба забудем об этом разговоре. Решать вам...

Лисицын молчал.

— Ну, давайте бумагу, — сказал Замятин.

Лисицын помолчал еще несколько секунд, борясь с желанием протянуть аспиранту заготовленную подписку, потом ответил:

— Бог с вами, Александр Сергеевич, зачем доводить до таких крайностей? Мы вас идиотом не считаем — так и вы нас, пожалуйста, не считайте. Мы же понимаем, что человек, сотрудничающий с нами за идею, сделает больше и лучше, чем за страх.

Потом Лисицын некоторое время считал своей ошибкой то, что он оставил этот разговор без последствий: не сорвал, например, аспиранту Замятину А.С. защиту кандидатской диссертации, или последующее его назначение завлабом, или какую-нибудь из зарубежных командировок. А еще позже решил, что в той ситуации вообще неизвестно, какие действия не были бы ошибкой.

Когда полковник пришел к необходимости консультироваться у Замятина, ему одновременно страшно не хотелось встречаться с членкором и в такой же степени — поручать этот разговор кому-либо еще. Он хотел сам задать вопросы и получить на них ответы. При передаче информация всегда искажается, самый добросовестный посредник аккуратно передает содержание, но неизбежно потеряет акценты и интонации.

В конце концов полковник все-таки поехал в институт сам.

— Здравствуйте, Евгений Петрович! С повышением вас! — такими словами встретил членкор полковника. Руки не протянул. Лисицын заставил себя не придавать этому значения: мало ли как это принято среди научной интеллигенции?

— Спасибо, Александр Сергеевич, вас также! — ответил полковник, садясь в предложенное кресло.

— Чем обязан на этот раз?

Лисицын внимательно прислушивался к словам Замятина. Подвоха в его вопросе он не услышал, поэтому просто изложил суть дела, отдал членкору документы и задал два вопроса, на которые хотел бы знать ответы.

Замятин выслушал полковника, задал несколько уточняющих вопросов, записал кое-что в блокноте и обещал ответить в понедельник в десять часов.

— Вас устроит такой срок, Евгений Петрович? Раньше, к сожалению, вряд ли, а в выходные я посижу над вашей задачей.

Лисицына этот срок не устраивал, надо было быстрее, но он ответил:

— Устроит, Александр Сергеевич.

26

— Так вот, Евгений Петрович, по первому вашему вопросу: возможен ли грозовой разряд с такой энергией, что превратит в пыль самолет массой семьдесят тонн? Энергия разряда подчиняется нормальному

закону распределения — по крайней мере, это общепринятая модель, — который в предельном случае допускает сколь угодно большие величины, правда, с очень малой вероятностью. В действительности, конечно, это не совсем так, но, исходя из оценок энергии и доступных статистических данных, — молния такой силы возникает приблизительно в одном случае из пяти-восьми миллионов.

— Это ничего мне не говорит, Александр Сергеевич. Много это или мало, следует ли считаться с такой вероятностью?

— И мало, и в то же время много. Если бы на дорогах одно ДТП приходилось на пять миллионов поездок, — это была бы совершенно фантастическая, недостижимая на сегодняшний день степень безопасности. С другой стороны, вероятность отгадать шесть номеров из сорока пяти — один шанс на восемь миллионов — совсем не маленький. Так ведь играют и, бывает, отгадывают... Теперь по второму вопросу, о возможности перемещения материальных тел во времени: нет, нет и еще раз нет. Любые подобные перемещения противоречат принципу причинности. Да бог с ним, с этим принципом, его философы придумали, — современная физика также не допускает никаких перемещений во времени, кроме того единственного способа, которым весь мир перемещается из прошлого в настоящее и дальше — в будущее.

Полковник молча протянул директору института тоненькую папку с материалами следственного эксперимента. Здесь было не все, только наиболее существенное, и выводы. Он специально, ожидая подобного ответа, не отдал папку Замятину при предыдущей встрече.

— Что это? — спросил директор.

— Почитайте. Здесь немного. Я не стал сразу вам отдавать это, чтобы услышать непредвзятое мнение.

Замятин пробежал глазами три подшитых в папке листа, вернул их полковнику и, помолчав полминуты, сказал:

— Либо это подготовленная вами провокация, — но я не вижу, с какой целью и на что вы могли бы меня провоцировать подобным способом, и эту версию отвергаю. Либо вы, Евгений Петрович, стали жертвой очень крупной мистификации.

27

Утром 23 августа 2001 года полковник Лисицын сидел в кабинете и по собственной инициативе писал докладную записку с соображениями по делу. Инициатива, как известно, наказуема, но у полковника были причины не опасаться наказания.

Накануне ему пришла в голову простая мысль, которая все расставила по местам таким образом, что из разрозненных фрагментов сложилась цельная картина. И сразу стал ясен ответ на вопрос, заданный Лисицыным майору Шевченко в машине по дороге в Новокаменск: почему они выбрали именно «Ем-12». А тот ли это самолет, и те ли профессор с пилотом, или все они двойники, и экипаж, и машина, — сразу перестало играть какую-либо роль.

Новокаменское СКБ разрабатывало космический перехватчик — самолет, способный на тяге собственных двигателей выходить в ближайший космос, решать боевые задачи на высотах до трехсот километров и затем приземляться по-самолетному, как американские «шаттлы»; но, в отличие от них, он не требо-

вал длительного и сложного ремонта теплозащиты после каждого полета.

Так, по крайней мере, это выглядело в техническом задании. Работа была еще в самом начале, но, вероятно, уже заинтересовала их. Потому и выбран был «Ем-12», что, появившись он над Средним Уралом, его с большой вероятностью вернули бы туда, откуда все началось. Но не в этом заключалась основополагающая догадка полковника, а в том, что самолет был способен к перемещению не только во времени, но и к мгновенным броскам в пространстве. Собственно, это и было его основное назначение, а машина времени — прикрытие, дымовая завеса. Понятно теперь и то, откуда он взялся в небе над Пермской областью.

Марков и Завадский ходили по всей территории Новокаменска. В цеха и лаборатории их, естественно, не пускали, да они и не рвались туда, — по крайней мере, не делали таких попыток при свидетелях, но кто сейчас скажет наверняка? Вероятно, того, что они увидели, оказалось достаточно, а может быть, они просто почуяли, что запахло жареным. Они взлетели, профессор запустил свой аппарат, и сейчас они уже в США или в Германии, или в Израиле, или где угодно.

Все это полковник аккуратно излагал в записке. Он писал, что необходимо активизировать усилия агентуры в странах, где мог появиться самолет; проверить данные спутниковых систем слежения; внимательно просмотреть сообщения в газетах и Интернете за период, начиная с 9 августа, а может быть, и несколько раньше, потому что не исключено, что в целях заматывания следов профессор переместил самолет во времени немного назад.

Изложив свои соображения, Лисицын взял другой листок, написал еще одну короткую записку, затем достал из сейфа табельный ПМ. Дослав патрон в патронник, он приставил пистолет к виску, плавно нажал спусковой крючок, выбрал слабину, отпустил, снова нажал так же и снова отпустил. Потом сделал глубокий вдох, выдох, снова выбрал слабину — и в третий раз отпустил.

Ему пришло в голову, что все это — дешевый балаган в гусарском духе. Ну, ходили, ну, смотрели что ни попадя. Мало ли информации, куда как более секретной, уже утекло и еще утечет, и кому все это надо, черт возьми?!

Полковник поставил пистолет на предохранитель и положил на стол.

Почему-то закололо в груди с левой стороны, так сильно, что дышать стало почти невозможно. «Не хватало еще...» — подумал Лисицын и, уже теряя сознание, нажал кнопку на столе.

Вбежавший в кабинет адъютант увидел полковника, сползающего из кресла на пол, и сразу все понял. Позвонив из приемной, он вызвал на помощь бойцов из охраны, а сам принялся набирать «03».

Диспетчер «Скорой помощи», услышав адрес, не стал тянуть кота за хвост и срочно связался с машиной, шедшей на другой вызов. Через три с половиной минуты она уже въезжала во внутренний двор УФСБ. А еще через десять минут выехала из ворот, свернула на проспект Ленина и, расчищая себе дорогу сиреной и мигалкой, устремилась в сторону улицы Репина и дальше — на Юго-Запад, где в лесу перед окружной дорогой стояла областная клиническая больница.

Проведя в больнице два с половиной месяца с диагнозом «инфаркт миокарда», полковник Лисицын вышел на службу и в первый же день написал рапорт об увольнении из ФСБ по состоянию здоровья. Руководство удовлетворило его просьбу.

Прошло, наверное, уже с четверть минуты, как Марков зажмурился. Перед глазами плыли какие-то пятна — непонятно, то ли от света снаружи, то ли просто слишком сильно сжаты веки. Грома все не было, а потом он понял, что слышит приглушенный шлемофонным звук моторов.

Марков рискнул открыть глаза, и синева так ударила по ним, что потекли слезы, и он снова зажмурился. В этот момент в шлемофоне раздалось:

— Мамочка моя, это ж тысяча километров, не меньше!

С трудом проморгавшись, Марков посмотрел вниз через остекление штурманской кабины — и свистнул от удивления:

— Куда мы попали, Алексей Иванович?

Он мог бы и не спрашивать. Город, лежавший самое большое в трехстах метрах под самолетом, был обоим хорошо знаком, оба видели его с высоты неоднократно. По окраинам, конечно, поднялись новые здания, и телевышки этой в свое время не было, но исторический центр остался таким, как был, только выглядел так, как будто все эти храмы и крепостные башни построены совсем недавно. Похоже, реставраторы сильно потрудились над ним, но все равно спутать его с чем-либо было невозможно.

Это был Суздаль.

Конец второй части

Часть третья Живые ископаемые (2413 год)

Мне триста лет, я выполз из тьмы.

А.Макаревич

В каждом веке есть свое средневековье.

Станислав Ежи Лец

1

Заместитель начальника Уральского территориального управления Корпуса государственной безопасности Конфедерации Независимых Государств Европы, Азии и Северной Африки¹ капитан-командор Ли Си Цын сидел за столом в своем кабинете и рассматривал висящую перед ним объемную голографическую картинку. Правой рукой он чуть шевелил «мышку» компьютера, и над столом поворачивалось изображение древнего аэродинамического летального аппарата: широкие крылья, шесть моторов с воздушными винтами, в задней части крылышки поменьше, и высокий гребень, — кажется, такие в свое время назывались аэропланами.

Протянув левую руку к клавиатуре, командор щелкнул клавишами. Изображение стало поворачиваться с заметным замедлением, но четкость увеличилась. Стали видны пулеметные установки и пушки, створки бомболюка, и сквозь стекло кабины чуть проступил неясный силуэт: то ли какое-то внутреннее оборудование, то ли голова пилота.

¹ Раньше чаще использовалось полусокращенное название «Евразийская Конфедерация». Ну, и стоило ли переименовать? Из-за какой-то пары мелких африканских стран? Впрочем, как бы то ни было, аббревиатура «КНГ» осталась в силе. — Авт.

Голограмма не давала представления о размерах аппарата. Командор еще раз щелкнул клавишами и вызвал рядом изображение тяжелого низко-орбитального модуля, стандартной сборочной единицы технологических и военных околоземных станций.

Модуль рядом с аэропланом не смотрелся, и командор почувствовал невольное уважение к древним людям, которые, не зная антигравитации, все-таки поднимали в воздух такие махины, побеждая силу тяжести тягой примитивных и ненадежных моторов, а не экранируя ее, как это делалось в двадцать пятом веке.

Полюбовавшись на аэроплан, командор отключил голографический проектор и вернулся к экрану, на который были введены результаты сканирования памяти двух древних людей, прилетевших в двадцать пятый век на этом чудовищном аппарате. Здесь, собственно, были лишь выводы; полное содержимое человеческой памяти занимает несколько сот гигабайт дискового пространства. У биоробота — на порядок меньше, но все равно просматривать это вручную — занятие заведомо бесперспективное. Этим занимаются программы-анализаторы, они же и делают выводы — естественно, учитывая вопросы, которые задает пользователь.

Основной вывод сейчас был тот, что эти двое — не шпионы Атлантического Союза, а те самые Марков и Завадский, которые четыреста лет назад угнали самолет с аэродрома в Новокаменске и пытались на нем уйти от КГБ (тогда он назывался ФСБ). Они хотели прыгнуть на неделю вперед во времени, а потом лететь на Алтай. Но редкой силы грозовой разряд, какой бывает в одном случае из пяти-восьми миллионов, бросил их на четыре века вперед во времени и на тысячу километров к западу, и даже истребитель майора Млынского, атаковавшего их в воздухе, — на час с небольшим вперед.

2

С тех пор как была изобретена технология сканирования (так называемые правозащитники говорят «погрешения») памяти, шпионаж в его классическом виде, с шифрами и явками, агентурой и резидентурой, стал занятием бессмысленным и небезопасным для страны, засылающей шпионов в другие государства. Допустим, выявляется утечка информации в каком-нибудь НИИ или КБ — стопроцентная проверка, и вот он, вражеский лазутчик. И не отвертится. Попутно из памяти обнаруженного агента можно вытянуть, с кем он работал, у того — следующее звено цепи, и так всю агентурную сеть. А уже из резидента — кое-что о заброшившем его разведцентре. Так что думайте, коллеги, стоит ли рисковать...

И пусть правозащитники воюют всем скопом, — по-вашему, выходит, лучше показания из подозреваемых выбирать? А сканирование, между прочим, — совершенно безболезненная операция.

Нет, конечно, совсем от выбивания не отказались. Например, на Кавказе, когда от пойманного боевика надо срочно получить оперативную информацию, а везти в центр сканирования в Краснодар или Ростов — нет времени. Тогда, конечно, только пытать. И то ведь попадают такие упорные, что все без толку...

Сканирование — самый надежный способ отличить человека от прикидывающегося человеком биоробота. Оно выводит все содержимое памяти, которое у человека на девять десятых состоит из образов и только примерно на одну десятую — из словесных конструкций. У биоробота образная часть отсутствует или очень бедная. Как и у человека, у которого собственная память полностью заменена на искусственную, — это, в сущности, тот же биоробот. Как правило, у таких есть в памяти какие-то образы, но специфические картины, свойственные самым ранним воспоминаниям детства, отсутствуют. Не научились еще создавать их искусственно. Если же своя память заменена на чужую лишь частично, сканирование обнаружит нестыковку и укажет, какие воспоминания свои, а какие — чужие.

Если у человека в памяти два события смешались и он воспринимает их как одно, сканирование может их разделить. Можно скорректировать память, и человек вспомнит, как все было на самом деле. Можно удалить совсем какие-то воспоминания или, наоборот, кое-что добавить. В терапевтических целях, например... А утверждения о том, что в КНГ подобные операции применяются к противникам правящего режима, — это гнусная клевета, инспирированная изве-

стными кругами Атлантического Союза.

Можно вытащить даже такие шпионские задания, о которых человек (или биоробот) и не подозревает, что это задание...

Задание — это ведь всегда представление о действиях, которые надо совершить. А понятия о цели этих действий могут быть любыми. Ясно же, что агент не будет думать: «Я должен это сделать, чтобы принести вреда КНГ и пользу Атлантическому Союзу».

У древних людей Маркова и Завадского не обнаружилось в памяти ничего подобного. То есть никаких планов у них нет вообще. (Не считая, конечно, свеклы, но о ней разговор особый.) Все, что найдено у них в памяти, относится к прошлому.

А если так, «дело ДБР-1» надо наконец закрывать, делать из документов выборку, предназначенную для дальнейшего хранения в компьютерных архивах, а остальные материалы списывать и уничтожать.

Командор держал в руках это «дело» перед тем, как его материалы перенесли на электронные носители — старинную картонную папку, лет триста назад закатанную в пластик, и бумажные листы внутри тоже в пластике, потому что они начали рассыпаться от старости. В начале двадцать первого века им занимался другой офицер госбезопасности, тоже заместитель начальника территориального управления. По странному совпадению звали его почти так же — Лисицын, — и воинское звание у него было практически такое же — полковник. Формально оно приравнивается к капитану первого ранга, но тогда командоров еще не было, и полковник с капитаном первого ранга были самыми старшими из старших офицеров. Как сейчас командор. Выше — уже генералы и адмиралы.

На обложке папки было написано «Хранить до особого распоряжения», и он, командор Ли, должен был сейчас отдать это распоряжение. Если только...

Если только в Атлантическом Союзе не научились создавать биороботов с искусственной памятью, настолько совершенно имитирующей человеческую, что можно обмануть программу-анализатор. В КНГ такие работы ведутся, они еще в совершенно зачаточном состоянии. Разведка уверяет, что в Атлантическом Союзе то же самое, но ведь разведчики не боги, могут и ошибаться...

Но тогда должно быть шпионское задание! А его нет.

3

Командор поймал себя на желании запросить полное содержимое памяти пилота и профессора; но это, конечно было совершенно бессмысленно. Просмотреть все это вручную — то же, что прожить чужую жизнь, а сколько времени на это понадобится? Та же жизнь?

В принципе, пилот и профессор не представляли угрозы для Конфедерации. После закрытия дела все ненужные материалы списываются и уничтожаются; ну, их туда же. Проблема не в том, что с ними делать, а в том, что в сложившейся ситуации нельзя просто взять их и вывести в расход.

(Это выражение командор подсмотрел в памяти профессора, и оно ему сразу понравилось. Было в

нем что-то от тех далеких романтических лет, когда складывалась Конфедерация и зарождались ее демократические традиции. Вообще в КГБ много настоящих романтиков. Наверное, поэтому и воинские звания здесь те же, что в военно-морском или звездном флоте: капитан первого ранга, капитан-командор, адмирал...)

Появление самолета в воскресный день на малой высоте над древним Суздалем, в котором всегда полно иностранных, а часто и инопланетных туристов... Для посадки им нужна была бетонная полоса — ближайшая сохранилась в Домодедове, и их вели туда на малой высоте над густонаселенным Подмосковьем. И ни одна зараза не догадалась спросить можно ли поднять этого урода повыше!

Потом на них накинута этнография и историки. Оказалось, что оба они русские — представители народа почти легендарного, основавшего в свое время Конфедерацию («сплотила навеки великая Русь», — пелось в древнем гимне КНГ), а в начале двадцать второго века исчезнувшего загадочным образом, оставившего после себя только названия на географических картах: Волга, Москва, Суздаль, Новокаменск, наконец.

Последний, впрочем, присутствовал далеко не на всякой карте...

Собственно, и в этой истории загадок почти не осталось. О деталях ученые будут спорить еще долго, но в общих чертах уже ясно и во все учебники давно вошло, что русский народ вымер вследствие разрушения генофонда, которое в свою очередь явилось результатом радиоактивного загрязнения среды обитания, вызванного диверсией на Чернобыльской АЭС, где агенты Атлантического Союза взорвали четвертый энергоблок.

На Западе, конечно, утверждают, что все было совсем не так: реактор взорвался без всякой диверсии, в результате ошибок управляющего им персонала, а русских погубило поголовное пьянство. Командор Ли, как старший офицер КГБ, знал, что как раз в этом случае западные историки ближе к истине; но, во-первых, бывает информация для всех, а бывает — для информированных; а во-вторых, если есть повод лягнуть Атлантический Союз, грех им не воспользоваться.

Русским народом занимались в Конфедерации две научные школы историков: новгородская и кемеровская: Ученые рвали материал друг у друга из рук, пару раз даже пытались спорить с КГБ, но их быстро поставили на место.

Все это, разумеется, не способствовало прекращению газетной шумихи, начавшейся при появлении самолета в небе над Суздалем. Потом, конечно, его загнали на антигравитационную платформу и перевезли сюда, в Новокаменск, но историки и здесь не оставляли в покое ни КГБ, ни этих древних. И журналисты туда же...

А может, смысл из заброски в КНГ в том и состоит, подумал командор, чтобы здесь их ликвидировали, а Запад поднял шум? Знают ведь, гады, что после закрытия дела КГБ всегда ликвидирует отработанный материал — на всякий случай. Когда речь идет о безопасности государства, даже маловероятными вариантами

ми не стоит пренебрегать. Например, возможностью, что они все-таки не те, за кого себя выдают.

Потому и нет у них в памяти шпионского задания. И планов никаких, и живут они тем, что сами себе придумают. Ту же свеклу, например. (Черт, опять эта свекла!)

Да бог с ними, с учеными и борзописцами! В конце концов, наши-то знают, кто в доме хозяин, а станут выступать западные — дадим опровержение: не было ничего, и все тут! Наши же и напишут, им не привыкать. Совершенно неожиданно помеха пришла от своей же службы — Комиссии по истории науки и приоритетам.

4

Ну не любят на Западе, когда какие-то изобретения или научные открытия делаются не у них, а в Конфедерации! Или в странах, из которых она впоследствии сложилась... Всегда-то они найдут кого-нибудь из своих, кто то же самое придумал раньше. А не найдут — будут утверждать, что у нас изобрели что-то не то. Или не полностью. Или вообще ничего не было.

Поверить Западу — так не Можайский первым поднял в воздух аэроплан, а американцы братья Райт, на двадцать лет позже. Можайский только рулил по полю на своем аппарате, в одном месте на кочку наскочил, подпрыгнул, а все подумали: летит!

И подъячий Крякутный не поднимался на воздушном шаре в Рязани в 1731 году, за 52 года до братьев Монгольфье. Не было ничего: ни шара, ни Крякутного! (Кто-то договаривается до того, что и Рязани не было.)

И Дмитрий Иванович Менделеев вовсе не был первым, кто догадался расположить химические элементы в таблице по периодам. Первым был немец Лотар Мейер. У него, правда, что-то не получалось с периодичностью свойств, но Менделеев ничего своего не придумал, а всего лишь, по какому-то во сне пришедшему наитию, исправил (совершенно произвольно!) некоторые атомные веса да оставил в таблице тьму свободных мест — якобы под не открытые еще элементы. Причем у трех из них нахально предсказал свойства.

И попал ведь в точку, что обиднее всего для трудолюбивых немцев! И с весами, и со свойствами неоткрытых элементов.

Сквозь зубы признавая заслуги Дмитрия Ивановича, Запад пишет: «Таблица Мейера — Менделеева». Мейер, конечно, на первом месте: он же работал, а не спал.

Корпус госбезопасности взял преподавание истории в школе под свой контроль. И Комиссия по истории науки и приоритетам — подразделение КГБ. А вот научная общественность КНГ в вопросе о приоритетах, надо заметить, заняла довольно пассивную позицию. Вчерашние школьники, поступив в вуз, узнают, что 7 мая 1895 года, оказывается, Александр Степанович Попов продемонстрировал коллегам-физикам не радиоприемник с передатчиком, а один лишь приемник в качестве регистратора грозových разрядов. Передатчик он сделал только к декабрю, и Маркони его опередил...

И американцы вовсе не украли идею лазера у Басова и Прохорова, а самостоятельно и независимо изобрели то же самое. За что и поделили Нобелевскую премию с нашими.

Эти примеры лишний раз показывают, насколько сложна задача правильного патриотического воспитания подрастающего поколения. Корпус, однако, не останавливают ни сложность задачи, ни сопротивление самого подрастающего поколения; тем более, что поколение старше менее склонно сопротивляться и, наученное жизненным опытом, знает, что плетью обуха не перешибешь. Оперативные возможности КГБ практически безграничны, и не бывало случаев в истории Конфедерации, чтобы он не справился со стоящей перед ним задачей. Командор Ли Си Цын, во всяком случае, таких не припомнил.

Он смутно представлял себе, что такое плеть, и обух тоже, но фразу о них считал чрезвычайно полезной и актуальной.

5

В середине двадцать первого века в Северной Америке некий Николас Пэнзер выпустил фантастический роман «Неисправимые оптимисты», в котором на удивление точно описал события «дела ДБР». По оперативным данным, это было не настоящее его имя, а псевдоним, за которым скрывался предатель и перебежчик, бывший подполковник ФСБ Николай Бронево́й. Сама фамилия Пэнзер (Panzer) содержала в себе двойной намек: во-первых, если предположить, что она по происхождению немецкая, только прочитана американцами по английским правилам, то по-немецки это «броня»; во-вторых, родным городом Броневого была Пенза.

Но дело даже не в намеках, а в том, насколько хорошо автору были известны подробности. Конечно, несущественные детали он искажил до неузнаваемости. Профессор у него, например, носит фамилию Канторович; пилот — старший лейтенант¹ Ржевский; Вяткина в романе нет вообще, зато Ржевский тащит с собой через все эпохи некую Наташу Ростову, официантку из столовой для летного состава. Книжка, как принято в Америке, заканчивается хэппи-эндом: профессор, усовершенствовав свой аппарат, сообщает их самолету способность к мгновенным перемещениям в пространстве, и они, уходя от преследования истребителей, переносятся в Соединенные Штаты.

Очевидно, все нелепости нагромождены, чтобы легче было выдать эту историю за вымысел. Тем не менее в ней присутствует главное: основной закон перемещения во времени (в прошлом нельзя остаться, из будущего нельзя вернуться); способ формирования пространственного «кокона»; то, что для путешествий в разные концы времени применяется различная техника; история взрыва в Собакевичах (естественно, так же перевранная в деталях). Такие подробности мог знать только человек, знакомый с делом, — а Бронево́й принадлежал к числу посвященных.

¹ В двадцать пятом веке старшие лейтенанты остались в военном-морском и звездном флоте. И в КГБ, разумеется. В наземных частях и атмосферной авиации старшему лейтенанту соответствует поручик. — Авт.

На Западе именно этот роман дал направление научным работам в соответствующих областях физики. Когда через восемьдесят лет канадец Лемье и американец шведского происхождения Свенссон изобрели установку для путешествий в будущее (с опережением всего около двух с половиной тысяч), многие в Атлантическом Союзе отмечали настолько поразительное сходство с описанным в романе, что изобретатели долго не могли добиться признания приоритета и выдачи патента. Как ни странно, в этом им помог КГБ: когда с его подачи Академия Наук КНГ опубликовала материалы о машине Завадского и следственном эксперименте полковника Лисицына, на Западе поспешили объявить это провокацией, срочно признали Лемье и Свенссона изобретателями машины времени и выдвинули их на Нобелевскую премию.

Предъявив миру Маркова и Завадского живьем, КГБ добился неслыханного успеха: приоритет Конфедерации в создании машины времени признали и научная общественность Атлантического Союза, и официальные лица из ведомств, управляющих наукой. А какой сумбур начался в Нобелевском комитете!

И одновременно Корпус лишил себя возможности просто шлепнуть пилота с профессором, когда в них отпала надобность.

(Вот еще одно старинное слово, почерпнутое на сей раз из лексикона пилота. Командору оно нравилось своей энергичностью.)

Теперь их можно было уничтожить только по приговору суда, обвинив в чем-то, за что предусмотрена высшая мера наказания. Вот только в чем? Не в краже ведь справочника из библиотеки!.. Угон самолета?..

Командор с сомнением покачал головой. Понятие «угон самолета» у всех ассоциируется с чернобородыми боевиками, вооруженными короткоствольными автоматами, с испуганными пассажирами, вжавшимися в кресла, с отрядами спецназа вокруг отдаленной стоянки. А эти... Влезли в самолет по березовой лестнице, украли четыре тонны бензина, взлетели, нарушая все и всяческие нормы... Смех, да и только.

Вот разве что обвинить их в нанесении ущерба обороноспособности страны? Тогда, конечно, придется поднимать материалы 1950 года, с которыми Запад до сих пор незнаком. Обязательно найдется кто-нибудь, кто скажет, что они сфабрикованы.

Или обойтись эпизодами 2001 года? Кто разберет, какое на самом деле военное значение этот самолет имел в 2001 году?

Командор машинально написал на листке перекидного календаря: «2001». Прямо под напечатанным годом — 2413. Так же машинально вычел одно число из другого и понял, что ничего не получится: 412 лет. Все сроки давности вышли.

6

Как всегда делается в подобных затруднительных случаях, командор обратился к карманному цитатнику Великого Учителя Демократии, Мудрого Государственного Строителя, Грозы Атлантического Союза, Усмирителя Кавказа, Лучшего Друга Шахтеров, Учителей, Фермеров, Теннисистов... (полный перечень титулов Великого Учителя занимал полторы страни-

цы)... Основателя Конфедерации и Первого Президента Ель Цина.

При работе с книгой он не пользовался тематическим указателем, по которому можно подобрать подходящую цитату к конкретной жизненной ситуации. У командора был свой метод: он открывал книгу наугад, быстро просматривал открытый разворот, стараясь больше обращать внимание не на жирный шрифт, а на обычный текст, а если сразу не находил то, что нужно, перелистывал книгу, либо, по настроению, закрывал и открывал в другом месте. Обычно на третьем или четвертом, редко на пятом-шестом развороте ему удавалось найти подходящую к случаю цитату.

Так поступил он и на этот раз. И на открывшейся странице сразу же наткнулся на фразу, которую хорошо знал и очень не любил:

«В Конфедерации две беды — дороги и дураки».

Командор иногда даже крамольным образом полагал, что эта фраза в книгу попала по ошибке. Великий Учитель, конечно, поощрял самокритику и сам был не чужд, но не до такой же степени! И потом, кого в данном контексте следует считать дураками?

Закрыв цитатник, он открыл его в другом месте и прочитал:

«Есть человек — есть проблема. Нет человека — нет проблемы».

С этим командор был полностью согласен, но его-то проблема была — найти подходящее обоснование, чтобы сделать «нет человека». Надо было смотреть дальше. Перебросив несколько страниц, командор краем глаза заметил: «Верной дорогой идете, господа», но в этом он как раз не сомневался. Он был уверен в своем методе, и метод не обманул его надежд. На следующем развороте мелькнула знакомая фраза о плети и обухе, а еще несколькими страницами дальше командор увидел то, что нужно:

«Не имеют и не могут иметь сроков давности преступления против государственности».

Лучше не скажешь.

Будучи не дошкольником, а старшим офицером КГБ, командор и воспринимал Великого Учителя не как дедушку Ель Цина, некое подобие Деда Мороза, а как человека, с человеческими достоинствами и недостатками (о последних, впрочем, не будем); но эта прозорливость, благодаря которой сказанное и написанное им не утратило актуальности за четверста с лишним лет, всегда удивляла и восхищала командора.

Подумав с минуту, он решительно придвинул к себе клавиатуру компьютера и начал набирать необходимые для судебного процесса документы: обвинительное заключение, речи прокурора, адвоката, выступления свидетелей и обвиняемых, текст приговора — вообще полный сценарий процесса. Плюс шпаргалки для ответов на возможные каверзные вопросы западных журналистов, которых придется допустить на суд: слишком уж известными в мире личностями были Завадский и Марков.

Набирать предстояло много, но командор любил этот этап работы, потому что он подводил ей итог и оставлял после себя ощущение хорошо сделанного

дела. Он стучал по клавишам, останавливался на несколько секунд, чтобы найти наиболее выразительную фразу или убедительный аргумент, и снова набирал. И лишь одна мысль не давала ему покоя: причем здесь все-таки сахарная свекла?

7

Оказавшись снова в Новокаменске, Завадский и Марков пару дней поболтали без дела, а потом пилот заявил, что они не желают быть нахлебниками у своих далеких потомков и хотят заняться каким-нибудь общественно полезным делом. Например, выращивать сахарную свеклу.

(Сканирование памяти им делали еще в Москве. Никаких планов насчет свеклы там не было, командор Ли Си Цын был в этом уверен. Очевидно, эта мысль пришла Маркову в голову позже, может быть, уже в Новокаменске.)

Историки взвыли от восторга: они почему-то решили, что древние люди будут растить свеклу по древней же технологии. Новгородские откопали у себя в музее соху и деревянную борону и привели здорового битюга, со скандалом забрав его из зоопарка. Кемеровские подняли их на смех. На антигравитационной платформе они притащили откуда-то чудовищный гусеничный трактор, в кабине которого могло поместиться, наверное, человек двадцать. На капоте трактора красовалась непонятная марка «ЧТЗ». Никаких орудий к нему не прилагалось.

Битюга Марков потрепал по холке и оставил себе для верховых прогулок. Пахать на нем он отказался категорически.

Трактор устроил его больше. Навесных орудий, правда, не было, но Марков натащил со свалки железа, там же раскопал сварочный аппарат, точило, починил их, и вдвоем с профессором они принялись пилить, варить, клепать и затачивать, а историки ходили около них кругами, снимали на видео и ругались между собой за лучшие места.

Профессор тоже осмотрел трактор и нашел, что аккумулятор в плохом состоянии. Для его приведения в порядок он потребовал трилона Б, водного аммиака, а концентрированной серной кислоты — аж две пятидесятилитровые бочки, и предупредил еще, что этим, возможно, не ограничится, потому что аккумулятор очень старый. У Маркова глаза полезли на лоб, но он ничего не сказал сразу, только потом спросил, когда они остались вдвоем:

— Куда столько, Алексей Иванович?

— Пригодится, — коротко ответил профессор.

Подходящий участок земли нашлся с трудом — узкая шестидесятиметровая полоса вдоль проволочного ограждения городка, параллельно бывшей ВВП, давно не использовавшейся по назначению и разгороженной на небольшие площадки. И тут историки постигли жестокое разочарование: Марков категорически отказался работать по древней технологии и предпочел последнюю модификацию метода Миттлайдера.

— Но почему?! — почти рыдал доцент из Новгорода.

— Так урожайность выше, — лаконично отвечал Марков.

Сошлись на том, что наблюдать, как древние люди

будут управляться с современной техникой,— тоже интересно для науки.

Древние управились неплохо. Марков с хозяйским видом разъезжал по полю на битюге, профессор ловко командовал двумя универсальными сельскохозяйственными роботами. На концах полосы установили по смесителю для удобрений с огромными баками для растворов, по всему полю протянули трубы...

Они настолько увлеклись своим делом, что даже временами оставались ночевать в самолете, стоявшем тут же, в ста метрах от края поля.

Историкам, конечно, было интересно, почему они взялись выращивать именно сахарную свеклу.

— Будем с Алексеем Ивановичем делать петушков на палочках,— сказал Марков и от дальнейших комментариев отказался. Это и так была самая длинная фраза из всех, что он когда-либо произносил. Он вообще был скуп на слова, как Чингачгук.

Когда осенью свеклу убрали, Марков переделал один из круглых баков для удобрений в каток: положил на бок, пропустил через середину ось, внутри частично залил цементным раствором — для веса. Он таскал каток трактором по полю, старательно укатывая почву, а историки ходили с раскрытыми ртами и не понимали, зачем это.

— Под озимые,— говорил Марков.

— А пахать когда? — спрашивал кто-то из киевских. Новгородские после конфуза с битюгом и сохой больше помалкивали.

— Надо выдержку дать,— отвечал Марков.

Профессор с роботами в это время возился у огромных чанов, которые они с Марковым изготовили из деталей смесительной установки, и доносившиеся оттуда запахи напоминали отнюдь не о леденцовых петушках.

8

Закончив обвинительное заключение, командор Ли Си Цын взялся было за выступления прокурора и защитника, потом решительно отодвинул их в сторону: со свеклой все-таки следовало разобраться. Он соединился с главным компьютером территориального управления Корпуса, где хранилось содержимое памяти пилота и профессора, и запустил программу анализа ассоциативных связей. Объем работы был достаточно большой, и командор вернулся к сценарию процесса.

Компьютер пискнул, сообщая об окончании анализа. Командор открыл его с результатами.

В памяти профессора Завадского от понятия «сахарная свекла» тянулось множество ассоциативных связей, от тех другие, и возникла такая сложная сеть, что анализировать ее без дополнительных ограничений было бессмысленно, да и вообще не стоило этим заниматься: ассоциативный коэффициент нигде не превышал семи сотых. Практически ничего.

У Маркова с сахарной свеклой ассоциировалось единственное понятие — «бурачиха» с коэффициентом 0,86. Учитывая отсутствие других связей (ассоциации с коэффициентом менее одной тысячной про-

грамма отбрасывала), это почти совпадение понятий.

Термин «бурачиха» был командору неизвестен. Он подключил к анализу словарь-справочник и прочитал справку:

«Бурачиха — спирт кустарной выделки (самогон), получаемый из свеклы (бурака)».

Командор знал, что зачинщиком в этом деле был Марков. Получалось, что он собирается гнать самогон.

«Сколько же это выйдет?» — подумал Ли Си Цын и запросил дополнительные сведения: о возможной урожайности свеклы, содержании в ней сахара и выходе спирта. Расчет показал: с засеянной площади они могут получить от 10 до 25 тонн спирта, в зависимости от урожайности и сахаристости¹.

«Куда им столько?» — удивился командор. Ясно, что выпить такое количество вдвоем они не смогли бы за всю жизнь, даже если бы им дали умереть своей смертью. Командор уже тянулся к клавиатуре, чтобы снова проанализировать содержимое памяти пилота и профессора — на этот раз на предмет планов и намерений, связанных со спиртом, и тут его осенило. Он вспомнил, как, читая неделю назад историческое исследование о двадцатом веке, наткнулся на фразу, бывшую в ходу на территории СССР (так тогда называлась Конфедерация): «У них валюта твердая, у нас — жидкая».

«У них» — это в Атлантическом Союзе. Твердая валюта — металлические монеты, банкноты из плотной бумаги, наконец, пластиковые карты. «У нас» — в КНГ. «Жидкая валюта» — это любые спиртосодержащие жидкости, пригодные для питья, с концентрацией спирта не менее сорока процентов, а иногда в ход шли и более разбавленные. И даже непригодные...

Так вот зачем им столько спирта! Наверное, считают, что будут теперь обеспеченными людьми... Командор разобрал хохот. Надо же — они полагают, что спирт до сих пор сохраняет валютные свойства!

Отсмеявшись, он даже слегка посочувствовал несчастным живым ископаемым, не ориентирующимся в реалиях двадцать пятого века. Может, сказать им, подумал командор, а потом махнул рукой: кому они нужны, кандидаты в покойники? Он вернулся к документам, и тут зазвонил телефон прямой связи с начальником управления.

— Над чем это вы так смеетесь, командор Ли? — спросил начальник. — Расскажите мне, я тоже хочу посмеяться.

Ли Си Цын поморщился: ему напомнили о сплошном прослушивании кабинетов. Несколько утешало лишь то, что начальника управления тоже наверняка слушали — еще более высокие начальники.

— Да вот, разобрался, зачем им свекла,— ответил командор и несколькими фразами обрисовал ситуацию.

Смеха в трубке он не услышал. Начальник помолчал несколько секунд, а потом выдал такое, что мог сказать только он один, с его уникальным чувством юмора:

— Знаете, командор, не будем спешить с судебным процессом. Пусть гонят свой спирт, а мы посмотрим, что они станут с ним делать дальше.

¹ Командор учел только содержащийся в свекле сахар, клетчатку он совершенно упустил из вида. А зря.— Авт.

Эпилог

Самогонщики

(Все еще 2413 год)

*И я не горю желанием лезть в чужой монастырь,
Я видел эту жизнь без прикрас.
Не стоит прогибаться под изменчивый мир,
Пусть лучше он прогнется под нас.
Однажды он прогнется под нас!*

А.Макаревич

Несмотря на глобальное потепление, во второй половине ноября по утрам хорошо подмораживало, да и днем температура не поднималась выше нуля.

Завадский сидел в штурманском кресле перед пультом управления машины времени и отчаянно зевал. После каждого зевка профессора начинала колотить крупная дрожь — частью от холода, частью от недосыпа. За последние трое суток они спали от силы часа четыре, а остальное время остервенело работали: гнали спирт, делали из него эфир (тут-то и пригодились умопомрачительные количества серной кислоты, еще и мало оказалось), смешивали их, а по ночам заливали в баки. В последнюю ночь они не спали вообще. Спилили старую березу, мешавшую взлету. Перетащили самолет трактором на бывшее свекольное поле, превращенное во взлето-посадочную полосу. Юрий Михайлович, вечная ему память, проектировал ракетноносец так, чтобы он мог подниматься и с грунтовых полос тоже. А земля, укатанная катком, слегка политая осенним дождем и прихваченная морозом, подходила для этой цели не хуже бетона.

С трактора перетащили в самолет аккумулятор: его емкость была побольше, чем у снятого с бензовоза. Тот, впрочем, тоже оставили — на всякий случай. Напоследок профессор успел сделать из березовых чурок полсотни литров этилового спирта, который слили в самодельный бак на три куба, установленный в бомбовом отсеке. Туда же еще раньше перекачали остатки украденного АИ-98. В этом баке помещалась специальная топливная смесь для запуска и прогрева моторов, а дальше они должны были работать на смеси спирта и эфира.

Когда-то надо было и продуктов на дорогу заготовить...

И уже совсем напоследок перетащили из трактора в самолет весь инструмент, какой там был, не разбирая.

Солнце еще не поднялось, но до рассвета оставалось уже немного. Позади самолета Завадскому с его места была видна, насколько это позволяло остекление штурманской кабины, куча хлама: остатки смесительного узла, переделанного в гигантский самогонный аппарат, обрезки труб, куча ящиков; сбюку приткнулся трактор «ЧТЗ», в кабине — два универсальных сельскохозяйственных робота. Винты крутились на малых оборотах и ящики слегка ка-

чались — или это только казалось профессору с недосыпа.

Марков сидел на командирском месте и проверял моторы, слегка добавляя газ то одному, то другому. Моторы послушно прибавляли обороты, зажигание было выставлено безупречно.

От работы моторов самолет слегка дрожал, в баках колыхались почти шестьдесят тонн топливной смеси, и в кабине стоял густой дух колхозного медпункта: запахи эфира, медицинского спирта, и еще спирта, уже не медицинского, и сала с чесноком, которыми колхозники благодарят своего «дохтура», на самом деле чаще всего лишь фельдшера.

Завадский представил, как вся лежащая позади самолета куча повалится, когда моторы заработают в полную силу и в нее ударит воздушный поток, потом подумал: «А, неважно!» — и в памяти тут же завертелось слова песни, услышанной четыреста лет назад: «Мне уже не важно... Все не так уж важно... Вот привялзася, зараза!»

Чтобы хоть как-то отвязать заразу, он спросил Маркова:

— Володя, а умение гнать самогон — это тоже от вашей цыганской бабушки?

— Нет, это от русского дедушки. Первый самогонщик на селе был, как приехало начальство из района или из области, всегда нашей самогонкой угощали. На сколько уходить будем?

— Часов восемнадцать-двадцать продержимся в воздухе?

— С таким запасом — не меньше суток!

— Вот и хорошо. Я поднял опережение до семисот тысяч. Махнем сразу на две тысячи лет. Все-таки должно же здесь что-то когда-то измениться!

— А мы не зароемся в землю и не улетим куда-нибудь в Африку?

— Ну что вы, Володя! Я же отрегулировал электроды. Нас снесет максимум метров на триста по вертикали и на несколько километров по горизонтали. Если только какая-нибудь молния опять не вмешается. Но я пока не вижу причин для подобных опасений.

— Алексей Иванович, послушайте еще раз эфир, — напомнил Марков. Завадский принялся крутить ручку настройки радиостанции. Через пару минут он сказал:

— Пусто, Володя. Молчание.

— И на панорамном ничего... Не нравится мне это. Подозрительно. Не могли же они до такой степени потерять бдительность!

— Какая, к черту, бдительность? Они пятьсот лет ловят шпионов, которых сами придумывают. Ясно, что с таким опытом перед настоящими злоумышленниками они спасуют. — Профессор помолчал и добавил: — Даже перед такими, как мы с вами... Володя. Моторы прогреты, чего тянуть — летим?

— Летим, Алексей Иванович.

Марков посмотрел вперед, на лежащую перед ним четырехкилометровую полосу мерзлого грунта.

— Ну, родная, не подведи, — сказал он вполголоса и начал плавно добавлять газ всем шести моторам сразу.

Конец

Шкварки

ОТ ПОХОДА

Как сказал руководитель, это был какой-то гоночный поход. Весь маршрут прошли за три дня вместо пяти запланированных. За три дня с учетом дороги от дома и до дома. Во как! А начиналось так.

Ждем на вокзале, пока уполномоченные вернутся с билетами. Объявили нашу электричку, мы стоим наготове. Седьмая платформа — это ж по переходу еще бежать с железом придется. Наконец-то! Побежали, успели, закинули и даже расселись по местам. Пока не верится, что все, поехали-таки.

Вышли на станции с громким именем Бойцы. Не понравилось место. Пара скособоченных строений, кучи взъерошенной земли и мусора. Накидали им на перроне еще фантиков и пошли отсюда. Пару километров прошагали по шпалам, свыкаясь с мыслью, что поход начался. Пора с насыпи спускаться вниз, а насыпь довольно крутая, высокая, наст подтаял за день и покрылся ледяной корочкой. А рюкзаки тяжелые. Говорят, ни разу такого не было, а тут пришлось привязывать настоящую альпинистскую веревку к железной дороге, по

веревке преодолевать первое возникшее затруднение. Спустившись по очереди, метров двести по снежным зарослям пробирались до берега — как оказалось, той самой Чусовой, по которой сплавляться предстоит. Здесь была первая ночевка, поскольку стемнело.

Учились разбивать лагерь, то есть ставить палатку и готовить горячую еду в походных условиях. Пока одни искали дрова и разводили костер, другие ровняли местность, стелили тенты, вбивали колышки. Тренировались размещаться в одном шатре — бок о бок, в тесноте, да не в обиде.

Дежурных разбудили в шесть, отправили готовить завтрак. Топить в котлах снег, варить походную кашу на сгущенке с изюмом. Чай какой-то непонятный, поджаренный. Придется дежурным как следует таинственный пригораемый котел чистить. После завтрака

принялись за сборку плавучих средств. Медленно, но верно, часов до двух управились. Хотели было пообедать, да палка перегорела, на которой котлы висели, все разлилось — эх, затягивается обед. Дубль два. Набрали снега, повесили на жердь, слоняемся-ждем. Караул, горит! Но воду на сей раз поймали. Сообща сварили борщик из концентрата с добавлением сырой картошки. Дожидаться сил никаких нет, так и съели недоваренным. Отчалили.

Все-таки плохая примета — брать на сплавы купальники: обязательно погода испортится. На следующее утро, как приехали, уже наступила переменная облачность, а на третий день зарядил дождь-морось, и конкретно похолодало. В реке начали попадать под весла льдины, а руки пристывали к дюралевым рукояткам. Может быть, потому, что как-никак на

север уплыли, а может, потому, что у Жанны был топик.

Присвоили прозвища катамаранам: НПО (неопознанный плавающий объект), Косяк, Шняга и Бултых. Плыдем. Надо о чем-то поговорить.

— А вы, — спрашиваю, — знаете, откуда взялось слово шняга? Так на Руси называли всякий мелкий скарб-бижутерию и заезжих торговцев этим товаром. А мне расскажите про слово «шквара», я его только у вас в клубе услышала.

— А это сало жарят, остаются шкварки, шквара — производное от шварок. Означает остаток, выражение вне контекста, приколы. Ситуативный юмор, особенно понятный участникам произошедшего.

Вот, например, вернусь я в город, стану с друзьями впечатлениями обмениваться, кто где был в майские праздники, что делал. Один ответит:

— Я с приятелем пиво пил. А ты?

— А я греб.

— А потом на дискотеку пошел.

— А я греб.

— И с девчонкой целовался.

— А я греб...

Гребной поход! — шквара.

Что касается собственных соображений, то грести можно в байдарках, а на катамаранах сидений нет, подпорки для спины не предусмотрены, остается не спеша плыть по течению и загорать. Тем более, что на Чусовой тихо, ни порогов, ни перекатов, тишь да гладь кругом. И куда только мы так торопимся? Как результат — гоночный поход оказался вполнину короче плана.

Говорят, с других двух катов

наше плавание смотрелось следующим образом. Идут «на автопилоте», балдеют вповалку один к другому, сушат весла. И редко-редко взмах с какой-нибудь стороны. Мы даже закономерность выявили: чтобы идти как можно ровнее, надо производить как можно меньше движений, особенно веслами.

Наверное, если бы солнышко побаловало, так бы и вялились. Но в связи с наличием у Жанны топика на реке было не жарко, а сидеть скучно и холодно, поэтому сами себе устраивали проблемы, чтобы мужественно их разрешать. Отбились от группы, влетели не в ту протоку, напоролась на берег, на быстром течении прошли резкий поворот у Шайтанского камня, а мимо — ветки-коряги (вот и каски пригодились). Испытали острых ощущений, взбодрились, догнали остальных. Все, включаем автопилот, сушим весла. Не зря камень Шайтанский.

Лагерь на ночевку в лесу разбили. Настоящий лес — елки, мох. Даже филин поухал. Некая-нибудь березовая рощица. Холодом веет от снежных залежей. Девушки спешно, со свечкой, под ветвями елей сшивают спальники в «могилы», два одеяла-одиночки превращаются во вместительный мешок для двух-

трех человек. Дежурные сегодня варят суп-лапшу в большом пригораемом котле. Суп готов, разлит по чепарушкам. Как обычно, получился суп-пюре и, как обычно, пригорел. Но что ни говори, поджаристый суп лучше пригорелого чая. Это точно. Добавку можно?

Самые продуманные спать ушли, а остальные у костра песни пели под гитару. С первого дня руководитель объяснил, как в лагере по нужде ходить — мальчики отправляются в лес по течению, а девочки против течения, то есть в ту сторону, откуда приплыли. Лежим в палатке, сон караулим, а Жанна с Машей за палаткой на улице сосредоточенно определяют, в какую сторону им идти. Мы не выдержали, расхохотались

Этой ночью спали все. Проснулись под стуки-шорохи дождя. Не повезло тем, кто сегодня готовит завтрак. Не повезло тем, кто на улице раскрытые рюкзаки оставил, ботинки и другие вещи. А впрочем, лучше бы снег выпал сантиметров двадцать — сразу бы к порядку приучились. А через год на то же место приплыли бы за потерями.

Поели — повеселели. Завхоз конфеты раздал. Тронулись, так сказать. Веслом махать уже легче, привычнее, да и команды сработались, притерлись немало.

Орали на реке песни:
кто про танки, кто
про Маньку.
П р о

Маньку, кстати говоря, надо будет разучить — веселенькая и неприязательная, универсальная песенка. Переделали Бутусовскую:

Я плыл к себе домой
По скользкой Чусовой,
Веслом реку утюжил.
А серый дождь падал,
А я плыл домой.

С песнями неожиданно быстро доплыли до села Чусового. Планировали еще перекус в дороге, а вместо этого прибыли до конечной точки. Высадились-разобрались тоже в рекордные сроки, минут за сорок абсолютно упаковались и стояли на остановке, пайку грызли. Пока завхоз по кругу печенье-шоколад раздавал, руководитель удачно сговорился с местным водителем большого МАЗа. Быстро покидали в кузов железо, рюкзаки, девушки, а сверху молодых людей. Получилось достойное завершение наших приключений — поиграли в поленницу, доехали с ветерком в кузове до станции со странным названием Сабик. Каждому что-то приятно отдавило, поэтому выпрыгивали с огромным удовольствием. Станция как станция, башня водонапорная неподалеку. Неугомонные побежали

т у д а
тра

версом по кирпичам ползать. Руководитель за ними, на ходу отвязывая от кружки самостраховку — символ своего непререкаемого авторитета.

Электричка. Наша «парочка твиксов» (Жанна and Антон) медленно начала превращаться в трикс, залучив к себе Машу. Мы даже хотели продать этот слоган рекламному отделу производства шоколадок: Твикс превращается в Трикс! А что, звучит!

Поход закончился, а продовольствие осталось. По этому поводу прямо в вагоне начали объедаться изюмом, орехами, конфетами, салом, сухарями, шоколадом. А пить-то нечего. Приехали в клуб, чайник поставили и продолжили в том же духе. Да сколько можно-то? Пора и честь знать. Все по домам. В ванну — и спокойной ночи.

Встречаемся в четверг, несите фотографии — на работе для отчета, где была, требуют.

*Фотографии
предоставлены автором.*

ХРАМЫ Всеволожских

Известно, что город Александровск в Пермской области получил свое название от имени сына знаменитого уральского горнозаводчика Всеволожского. На средства Всеволода Андреевича, который заложил завод и поселок при нем, построена Богоявленская церковь при заводе. Она возведена была в 1812 году по проекту известных зодчих А.Вяткина и Л.Маркова. Внутренняя отделка производилась под руководством архитектора А.Голубева. При отделке храма использовались золото, брянский мел, свинцовые белила, уральский малахит и лазурь. Храм по богатству отделки мог соперничать с храмами больших городов, в том числе Москвы и Петербурга.

В 1930 году церковь пытались взорвать, но она, даже сильно изуродованная, выстояла. Некоторое время в ней находился аптечный склад.

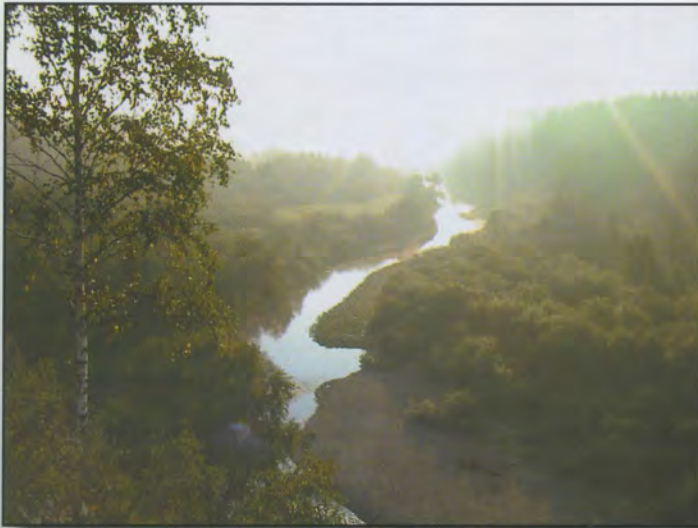
В наше время храм почти полностью восстановлен, но внутреннее его убранство гораздо беднее прежнего. В церкви идут службы, но до сих пор не слышно колокольного звона, так как колокольня пока отсутствует.

Теперь церковь называется Свято-Преображенской. Стоит она на красивейшем месте — Аникеевой горе, над заводским прудом и видна с любой точки города.

Сохранились сведения и о другой церкви, которая была обязана своим благополучием заводчикам Всеволожским. Приход Булатовской церкви обратился к Всеволожскому, чтобы он помог отремонтировать здание храма. Всеволожский послал рабочих, обеспечил их материалами для ремонта с Пожвинского завода. Ремонт был произведен быстро и качественно.

В селе Всеволодо-Благодатское Всеволожские в 1836 году также открыли деревянную церковь, но она в 1852 году сгорела. В следующем году был заложен новый каменный храм. В этом храме хранился золотой медальон с образом покровителя Всеволожских — святого князя Всеволода и с частицей его мощей. Судьба этого медальона неизвестна, а церковь была разрушена. Сохранилась лишь часовня.

Кто на Серге хозяин?

Первое упоминание о русской реке Серге можно найти в царской грамоте 1621 года, посланной «от царя и Великого Князя Михаила Федоровича всея Руси» пермскому воеводе Василию Федоровичу Бутурлину.

Страна еще зализывала раны, нанесенные ей Великой Смутой. Со смертью Грозного царя и двух его сыновей – Федора и Дмитрия – оборвалась законная династия Рюриковичей. Событие это потрясло русское общество до основания. Разгорелась борьба за власть между различными группировками бояр, в нее вмешались иностранные недруги – Речь Посполита и Швеция, что, в свою очередь, породило самозванчину и гражданскую войну. Наконец, после десятилетнего разгула анархии, осознав гибельность ее для державы, русский народ собирает в 1613 году Земский собор для избрания нового царя – шестнадцатилетнего Михаила Романова.

Но это событие стало лишь началом долгого пути возрождения российской государственности. Центральные районы страны – Москва, Тверь, Калуга, Тула – были разорены. По дорогам бродили толпы разбойничьих шаек, банд казаков, военных, не получавших платы за свою работу, а потому опустошавших целые уезды, сжигавших села, деревни, грабивших и терроризировавших

простых обывателей. Земля лежала заброшенной. Крестьяне бежали куда глаза глядят – от помещичьего произвола, от разбойников, от беспредела. Они вынуждены были продавать своих ребятишек. Разбойники не брезговали и человечинкой. Попытки властей навести порядок оказывались тщетными: не хватало сил и денег для содержания регулярных стрелецких полков.

Михаил Федорович обращается к именитым торговым людям Строгановым с требованием уплатить налоги за годы Смуты. Хлопочет перед ними и о крупном займе. Все население страны царь обложил 20-процентным налогом на имущество. А чтобы никто не мог уклониться от уплаты податей, государь приказывает составить писцовые книги, в которых регистрируются все городские и сельские поселения: посады, слободы, села с их хозяйством

На Урале.

Н.Сергеевский зав.

и населением. Позже это население будет принудительно прикреплено к своему месту жительства, к своему сословию и к своим податям.

Вот в такой-то обстановке господа Строгановы и решили «округлить» свои и без того гигантские вотчины.

В свое время Аника Строганов получил от Ивана Грозного грамоту на освоение уральских соляных месторождений за обещание оборонять восточную границу русского государства «от нагайских людей и от оных орд». Строгановы занимались не только солеварением, но и активно торговали лесом, рыбой, медом, мехами. Создав государство в государстве, они приобрели право держать собственное войско. В 1582 году отряд атамана Ермака, снаряженный Строгановыми, отправился на покорение Сибирского ханства. Выполнив поставленную перед ними задачу, Строгановы приобрели право собирать ясак в казну с населения Зауралья. (Ясак – натуральный налог пушниной или скотом, которым облагались отдельные роды или племена коренных народов Урала и Сибири). Они разослали своих людей ко всем «иногородцам» на Каме, Чусовой, Усьве, Сылве, Яйве, Обве и по другим рекам: «ясашного ради сбора по рекам в татарские и вогульские улусы людей своих посылати и ясак с них бусормен собирать и к Москве с людьми своими в Ноугородскую четь посылати». Ежегодно через руки Строгановых должно было проходить около двухсот тысяч соболей. Но Строгановы продолжают рассматривать «бусормен» как свою военную добычу и направляют ватаги

своих атаманов вновь и вновь грабить побежденных.

В 1616 году уфимские «башкирцы» переселились за Каму, пожаловавшись государю, что боятся Пермичей (читай Строгановых) «потому, что де Пермичи и наперед сего на них приходили войною». Михаил Федорович отписал воеводе уфимскому Борису Хилкову: «вы бы пермским людем уфимских башкирцов воевати не велели».

Урок первый. В своей стране можно относиться к народу, как к завоеванной добыче. Чем вам не 1921 год – когда крестьяне всей державы восстали против коммунистических экспериментов с землей. Чем вам не 1937 год – когда народ рассматривался как помеха на пути к построению Светлого будущего. Чем вам не 1962 – когда на улицах Новочеркаска стреляли в людей, попробовавших поднять свой голос против повышения цен. Чем не 1991? Время идет, а власть продолжает рассматривать народ как законную свою добычу.

Вот наконец и та грамота, с которой мы начали эту историю. Царская грамота, помеченная 15 марта 1621 года. Михаил Федорович решил порядок навести и закон восстановить на Урале, потому как били челом государю в поисках справедливости сылвинские и иренские ясашные татары Баиска Акбашев да Турсумбайко Терегулов.

А проживало тогда здесь, в междуречье Сылвы и Ирени, ни много ни мало 67 юртов остяцких и татарских, 4 юрта марийских и один юрт мордовский.

При Иване Грозном должны они были платить ясак по четыре сороков куниц (т. е. 160 шкур). При сыне его, Федоре Ивановиче, плата уже со-

ставила 200 шукрок; при царе Борисе Годунове ясак увеличился до 440 куниц.

Урок второй. Ненасытно растут аппетиты государевы. Куда идут эти налоги? – спросите вы. Да на организацию того же войска, которое отныне более организованно будет собирать налоги. Но это лишь начало организованного грабежа.

До царя Бориса ирень-сылвенские татары и остяки были приписаны ясаком к Перми Великой. При Годунове отписали их к верхотурскому воеводе. И жалуются добропорядочные налогоплательщики: «Верхотурские казаки и стрельцы, собирая государев ясак... насильственно чинили и обиду великую, сверх государева ясаку имали себе насильством рублев по сороку и велели на себя меды ставить и на воевод правили поминки великие», оттого «сылвинские остяки стали в великой продаже, и жены и дети свои позакладывали...».

Урок третий. Конечно, здесь мы имеем дело уже не с организованным, но от этого не менее хищническим, разграблением. Государством подобные формы обогащения не предусматривались. И делиться оно ни с кем не желает. Даже покарать может. А может и пожурить. Ох, уж это самоволие мелких русских чиновников! Ох, уж эти шалунишки!

Теперь мы подходим с вами к чертвертому уроку.

Документ говорит о захвате строгановскими ватагами татарских и остякских охотничьих угодий: «...и деревни де свои и жильцов на тех вотчинах устроили и медвяныя их ужожи и бобровые гоны, и звериные и рыбные ловли, с чего они ясак платили, все поотнимали; да на их же Татарской вотчине, на реке Серге, поставили деревню и пашню распахали Усолицы Русин да Федор Елисеевы с братией, и им де (татарам и остякам. – В.Т.) нигде стало ни выезду, ни входу, да у них же со 125 году мед не родиться

и

пчелы медвяные померли и они де помирают голодной смертью».

Существует несколько указаний именно на ту реку Сергу, на которой возникнет через сотню лет пара металлургических заводов.

Во-первых, если взглянуть на карту, то река Ирень впадает в Сылву близ города Кунгура. А значит, ирень-сылвенское междуречье включает в себя и современные города Ачит, Красноуфимск и Михайловск.

Во-вторых, ватага братьев Елисеевых при своем продвижении с запада на восток, вполне вероятно, могла передвигаться по такой реке, как Уфа.

В-третьих, крупному знатоку уральской топонимики А.К.Матвееву известна на Урале лишь одна река с подобным названием, а именно «правый приток реки Уфы» (А.К.Матвеев. Географические названия Свердловской области. Топонимический словарь. Екатеринбург, 2000.)

И если все указанные факты справедливы, то можно было бы попытаться найти место елисеевской деревни начала XVII века в нижнем течении реки Серги, в районе современного города Михайловска.

Возвращаясь к первоначальному документу, хотелось бы проследить его дальнейшую историю. Государь Михаил Федорович дал распоряжение пермскому воеводе В.Ф.Бутурлину разобраться в этом конфликте. И если «Русин и Федор с братиею... у них (татар.– В.Т.) вотчины завладели насильством, велети свести их долой». Копию своей грамоты велел он передать татарам Баиске Акбашеву и Турсумбайко Терегулову, что и было выполнено 29 апреля 1621 года. Наверное, долго еще показывали татарские старейшины царскую грамоту своим детям и внукам.

Но, увы, не ведал молодой царь, что вступает в конфликт с великой русской бюрократией. Воевода спустил распоряжение своему дьяку М.Кайсарову, а тот отвел спорные земли братьям Елисеевым. Попробуйте с двух раз угадать, почему? И это уже урок четвертый...

Опыт – дело нужное. Ведь недаром говорят, что за одного битого двух небитых дают. Прошло несколько лет, и в 1625 году Федор Елисеев, набив шишки на разбирательстве с сергинскими татарами, покупает у старейшины Косомбердея Кайманова – аж за 16 рублей! – часть общинной татарской вотчины по рекам Кишерти и Кошелге. Тут уже все законно. И купчая составлена. Не подкопаешься.

А отсюда пятый урок, который важно помнить в преддверии грядущей приватизации земли. Были хозяева на земле – татарские и остяцкие роды. Охотились, мед собирали. Плохо ли, хорошо, но жили. Пришли русские. Земли скупили за бесценок. Только вот где после этой сделки оказались татары и остяки?

Пашкин ток

Весна подкралась незаметно, с тёплыми ветрами, почти незаходящим солнцем, разноголосьем птиц и тёплыми ясными днями.

Огромные, расплывшиеся февральские сугробы съёжились, побурели и превратились в грязные снежные кучи. А на дорогах, разбитых гусеницами вездеходов и колёсами тяжёлых «Уралов», в колеях, появились первые лужицы.

И только в тёмных, глухих таёжных урманых снег ещё лежит плотным покрывалом, не тронутый весенним солнцем, прикрытый густыми ельниками и кедрочками.

В этом году наш разведочный профиль протянулся по границе Тюменской и Свердловской областей — в междуречье, от реки Лозьвы на западе и Лепли на востоке, между которыми всего — то сорок километров. И здесь через каждые пятьсот метров должен работать наш буровой станок.

Два жилых домика на санях — столовая, баня да буровая установка — вот и всё наше хозяйство. Хотя есть ещё старенький трактор, который и перевозит нас с точки на точку. Им командует вечно чумазый, замазученный Мишка Афиногенов или Мишка Болт. Кроме Мишки, с нами буровой мастер Гена Тихонов, шесть буровиков и я, геолог, вот и весь наш штатный состав, с кем мы и кочуем с места на место и зимой, и летом.

Правда, не очень часто нас навещает сосед — Паша Ку-

риков — хант, в родовых угодьях которого мы и работаем.

Пашка любит завалиться в своей малице в нашу столовую, присесть у стола, прихлёбывая чай, слушать байки буровиков, а когда разогреется, то скинет свою шубу и сам что-нибудь наплетет, и не знаешь — верить ему или нет. По словам, он бывалый промысловик: добывал и лося, и волков, и рысей, которым и счёта не знает.

Но как — то раз заходил я к нему в избушку, так там только самое необходимое — продукты, да немного из одежды, ни света, ни завалявшегося радиоприёмника, ни жены — никого и ничего.

Как только люди месяцами могут жить в полном одиночестве, мне не понять.

Вот и в этот раз пришёл к нам Пашка, посидел, пошвыркал чай, поговорили о том, о сём, попросил пару пачек чая, сахара да папирос, а потом и говорит:

— Однако весна пришла, Гена, птица поёт, косач, глухарь токуют, надо маленько глухаря добывать.

— Вчера, Паша, возвращался я с базы, а на большом болоте всё истоптано и крыльями исчерчено, знатный косачинный ток там, наверно.

— Нет, завтра я вас свожу на наш родовой глухаринный ток, но больше никому дорогу не показывайте, истребят всю птицу, выбьют токовище. И не будет там больше глухарей.

— Лады, договорились, а когда пойдём?

— Готовьтесь, ближе к ве-

черу двинем, там заночуем, чтоб с рассветом быть на токовище. Ну и ладно, однако, пойду в свою избушку, завтра приду.

Паша молчком вываливается из столовой в темноту, в глушь тайги, где в избушке ждут его две здоровые няк-символьские лайки, его кормильцы и опора в одинокой жизни.

— Пойду, Ген, и я собираться, патроны посмотрю, да и винтовку надо смазать маслом и протереть.

— Иди, Игорь, чай допью и тоже пойду, время уже позднее, с утра я буду на буровой, к обеду приду.

Выхожу из столовой, кругом тишина. Только где-то вдалеке шумит дизель буровой. Там кипит работа, крутится — вертится шпиндель, вращая бурильные трубы и алмазную коронку, которая вгрызается в породу. И сантиметр за сантиметром скважина, углубляясь, уходит в глубь земли. И так день за днём — круглые сутки гремит буровая, раздирая извечную тишь тайги.

Хлопая дверь, вваливаюсь в свой балок. В одной половине бригада играет в карты — гонят пульку в преферанс, в другой, укрывшись с головой одеялом, спит механик и тракторист Мишка. Подкрутив фитилёк в керосиновой лампе, устраиваюсь на своей постели, достаю винтовку, банку с маслом, ветошь и погружаюсь в чистку своей старенькой тозовки.

Винтовка и вправду старенькая, но ещё ни разу не подводила, и осечек нет, и бьёт

отменно, метров со ста в ко-сача попадаю.

Винтовка вычищена, висит на стенке, матово блестя свежим маслом, подобрал пачку новых патронов, вроде всё. Завтра подсоберу продуктов, котелок и можно трогаться.

Накидываю фуфайку, иду на улицу послушать тишину тайги, да и занести в балок дров для печки, которая пожирает их неимоверно, не успеваем готовить, гудит, поёт — зараза, день и ночь, грея нас уютным теплом.

Утро выдалось ясное, с лёгким морозцем, и наст хороший, свободно держит человека корка промёрзшего за ночь снега, свободно можно бегать по снегу без лыж, но к полудню солнышко пригреет, корка наста оттаёт и, не дай Бог, отойти далеко от дороги. Подтаявший снег, как сахарный песок, идёшь и валишься до самой земли, а снега по пояс. И на лыжах и без лыж не выберешься на накатанную дорогу. Так что без нужды с дороги лучше далеко не уходить.

Был как-то такой случай. Витёк, наш помбур, в прошлом году по насту с ружьём погнался за рябчиком, а тот, знай, перелетает с дерева на дерево и всё дальше и дальше в

глубь тайги. Витёк в азарте так увлёкся, что не заметил, что и солнце всюду припекает и наст стал валиться под ногами, всё же, с грехом пополам, добыл он этого рябчика, а возвращаться — то — никак. Снег по пояс, ползком тоже не попользёшь, так вот появился Витёк только ночью, умотался, как чёрт, еле-еле добрался. После этого случая с пол года ружьё в руки не брал. — Я, — говорит, — лучше тушёнку буду лопать, так надёжнее.

— Игорь, ты идёшь завтракать? А то всё остынет, — шумит баба Варя, — последний остался, вахта давно поела, на буровую уж ушли.

Размечтался, тоже мне, давно пора позавтракать и идти на буровую. Просмотреть керн, что набурили за ночь, и передать по рации на базу сводку. Ну, да ладно, всё успею, время ещё есть.

В столовой сидит в одиночестве Мишка, допивает, не спеша, компот.

Из кастрюли начерпал себе борща, а ложки то и нет.

— Мишка, а где чистые ложки?

— Да ты вилкой попробуй, побыстрее только маши, и всё получится.

— Ладно, юморист, ты вилкой сам компот хлебай, я лучше ложку вымою.

— Как хочешь, я же хотел как лучше.

Незаметно промелькнул день, задерживается что-то на буровой мастер и Паша не показывается. Да нет, вот вдалеке, на профиле, появились оба, идут со стороны буровой. Значит, глухариный ток не отменяется.

Рюкзак я свой упаковал, вроде ничего не забыл, да и особо ничего не нужно, завтра вернёмся.

— Мишаня, если по рации будут искать, скажи, буду вечером, и собак не спускай с поводков.

— Хорошо, передам, топайте.

А вот и Генка вваливает, уже собранный, одет по-походному: рюкзак, ружьё.

— Ну, что, Игорь, собрался? Пашка уже нас ждёт.

— Пойдём, всё вроде взял, собак только привяжу.

Паша повёл нас по профилю в противоположную сторону от буровой. Идти было легко, дорога, накатанная трактором, петляет с мандала на мандал — это кедровые гривы в приболоченных долинах. Часа через два Пашка свернул на варгу — прорубленная в тайге тропа, шириной полтора — два метра, по которой может промчаться оленья упряжка. За Пашкой идёт Генка, а я замыкаю наш маленький отряд. Варга не профиль, виляет, крутит по мелким соснякам, травянистым низинам, снег на которых уже просел, подтаял, а сейчас похолодало, так снег подмёрз плотной коркой наста, идти легко, и мы быстро наматываем километры.

— Вон там, — показывает Паша, — возле соснового урманана и ток будет, однако, километра два ещё топать.

— Слышь, Паша, а где кос-

тёр будем делать?

— Придём, увидим.

И правда, не доходя до соснового бора метров триста, в сосняке, на сухом месте расположилось кострище, видно не один год здесь охотники ожидали рассвета — начала великого таинства — глухариного тока. Глухарь считается самой древней птицей на земле, которой осталось не так уж и много.

Заполыхал костёр, повесили чайник для чая и попадали на лапник у костра. Худобно километров двенадцать отмахали, ноги гудят с непривычки, немного чувствуется усталость. Только Пашка — молотком, худой, жилистый нипочём ему эти километры, привыкший он по лесу шастать.

Над тайгой сгустились сумерки, ветер стих, угомонился. Заметно похолодало и мы, всё теснее прижимались к костру. Всё отчётливее в промерзающем воздухе слышно хлопанье крыльев, рассаживающихся глухарей, вокруг токовища. И уж совсем неожиданно над нашими головами над костром на вершину здоровенной сосны с шумом сел глухарь.

Тут—то и не выдержал Генка, торопливо достал ружьё и, не целясь, шарахнул по птице. Глухарь, беспомощно раскинув крылья, упал недалеко от костра.

— Ай — е! Ай — е! Что ты наделал, Астух! Однако всё испортил, зачем торопился? Не будет утром тока, уйдёт птица.

Как в воду смотрел Пашка, весенние ночи коротки, вскоре, зарозовело небо на востоке, и осветились первыми лучами солнца верхушки сосен. Глухая тишина «повисла» над тайгой, только где—то вдалеке одиноко чуфыркает глухарь.

— Я и сам не ожидал, — оп-

равдывается Генка, — что делать—то теперь будем?

— Да ничего, вот чаю попьём и домой потопаем.

На том и порешили, единственной добычей у нас был иссиня — чёрный, краснобровый красавец глухарь. Время летит незаметно, пока перекусили, попили чайку, собрали нехитрые вещички да затушили костёр — солнце взошло над соснами, согревая примолкшую тайгу. Не свершилось таинство, не завёл свою песню глухарь токовик, вспугнутый ночным выстрелом. Разлетелись глухари по тайге в ожидании следующего утра.

Обратная дорога показала намного короче, чем в первый раз. На полпути, Паша свернул к своей избушке, и, попрощавшись, мы разошлись. Придя в лагерь, Генка вручает бабе Варе свою добычу, а я иду в свой балок, как—никак бессонная ночь даёт себя знать и, не зажигая лампу, заваливаюсь спать.

В обед к моему столу подсаживается Генка и, хитро щурясь:

— Ну, что, Игорёха, давай сегодня вечером махнём на ток, дорогу—то мы теперь знаем.

— Да как—то неудобно перед Пашкой.

— Чё неудобно—то, мы же только вдвоём.

— Ну, если только так, — соглашаюсь я.

Опустившиеся на тайгу сумерки застали нас с Генкой, спешащих по протоптанной

дорожке к родовому Пашкиному току.

Подновили костерок на старом кострище, так, не костёр, а одна видимость, чтобы можно было согреть руки да вскипятить чайку.

Как и вчера, то здесь, то там раздаётся приглушённое хлопанье крыльев, перелетающих с дерева на дерево глухарей, слетающихся к токовищу. Но есть и любители пешей прогулки, как—то я шёл по следу глухаря километра три, и добрался прямиком к току.

Где—то недалеко, захлопав крыльями, сел глухарь, повошкался, устраиваясь поудобнее и затих. Темнотой окутало ближние ели и сосны, угомонились глухари и копылухи в ожидании рассвета. Прикорнул и Генка, чуть не обняв ещё горящий костёр, я тоже, глядя на Гену, прикрываю глаза, в надежде хоть часок вздремнуть до рассвета. Из забытья выводит — чуфыр..., чуфыр..., и в стороне ему вторит другой глухарь — чуфыр..., чуфыр..., — дон...дон..., звонко разносится в предрассветной тишине.

Наскоро хлебнув перестоявшего чая, мы с Генкой расходимся в разные стороны, где слышны первые аккорды токующих глухарей. Стараясь не шуметь, осторожно иду на звук токующего глухаря, до него ещё далековато, и я не особенно прячусь за тёмными елями и стволами сосен.

Резко и неожиданно грохнул выстрел с той стороны, где исчез Генка, вот ведь везунчик, уже и глухаря добыл, а мне ещё до своего добраться нужно. Вмиг стихли песни глухарей, всё замерло в тревожном ожидании. Застыл на месте и я, боясь вспугнуть примолкших глухарей.

Но вот в стороне раздалось торжественное — чуфыр..., чуфыр..., дон..., дон..., и полилось над тайгой пьянящее пение токующих глухарей, зываю-

щих самочек — копалух, слетающихся на зов. И уж совсем неожиданно прямо передо мной, метрах в пятидесяти, громко захлопав крыльями, на могучей сосне уселся глухарь, распутив хвост, вытянул шею, и понеслось, по округе, вливаясь в общий хор — чуфыр..., чуфыр..., дон..., дон..., всё в убыстряющемся темпе, звонкое щелканье, сливаясь, переходит как бы в бормотанье или, как говорят, в точенье, это, пожалуй, последний и самый главный куплет в глухариной песне — в этот момент глухарь ничего не слышит, да и, пожалуй, не видит. В эти секунды он и бывает беззащитный, когда охотник может сделать три — четыре шага, скрадывая глухаря.

А я, как стоял с открытым ртом, так и прозевал эти секунды, глухарь, закончив последний куплет, осторожно затаился, внимательно вслушиваясь в разноголосицу токующих собратьев. И только убедившись, что ему ничто не грозит, над тайгой вновь разнеслось — чуфыр..., чуфыр..., дон..., дон.... Спустя какой-то миг я, торопясь, выскочив из-за ели, увидел поющую птицу, почти не целясь, нажал на курок. Сухощелкнул винтовочный патрон, глухарь, наверно, не успел ничего понять, прервалась песня, обвисли крылья и сникла краснобровая головка птицы. Тяжело перекатываясь с ветки на ветку, ломая сушинки, распахнув крылья, глухарь затих в снегу.

Закинув винтовку за спину, проваливаясь в снег, понёсся к глухарю и только его поднял, шагах в десяти из густых кустов раздался возмущённый рёв медведя. Тут уж думать нечего, и я на-

угад, проваливаясь чуть не по пояс в снег, ломанул в сторону костра. Не знаю, далеко ли я был, но к костру прилетел за пять секунд, быстренько навалил кучу сушняка, раздул огонь и только тут заметил, что давно уже рассвело, вот-вот выглянет солнышко.

Костёр вовсю разгорелся, швыряя в утреннее небо снопы искр и кучи дыма, теперь — то босоногий хозяин побоится подойти к костру.

Генка появился только где-то через час в руках пусто, ничего не добыл.

— Вот чёрт, ты ж моего глухаря грохнул, — накинулся Геша на меня.

— Как твой? На нём ничего не написано и бирки не было.

— Я же промазал и не попал в глухаря, он и перелетел к тебе, я же слышал, как ты стрелял.

— Был такой грех, был. А знаешь, меня оттуда медведь шуганул. Видно он тоже скрадывал глухаря.

— А послушай, что сонной — то было. После, как

ты выстрелил, я пошёл к другому глухарю, который сидел метров сто в стороне. Иду потихоньку, прислушиваюсь, стараюсь не шуметь и, осталось — то, перейти полянку, а там, где-то в сосняке и токует, заливается глухарь. Только вышел на полянку — ба, а с той стороны навстречу вываливается медведь, Боже упаси, какая туша, век бы не встречал. Ну и я задом, задом покинул место встречи. Походил, покружил, и всё впустую, не фартит мне сегодня.

— Ну его к чёрту, этот ток, пойдём, Генка, лучше домой.

— Домой — то домой... А может, и правда перекусим да пойдём, своя шкура дороже.

Вот так не повезло нам с Генкой на Пашкинском току, больше мы не ходили на этот ток, нашли другой, и ближе к буровой, где мы частенько и встречали утренние зорьки.

Судьба учителя

документальный рассказ

В 1938 году в наш 6-а класс пришел новичок Сережа Гоголев. Его посадили на заднюю парту в первом ряду. А мы с Ленькой Кисловым сидели на задней — во втором. Так что сразу подружились. Отец у Сереги был столяром на маслозаводе. Сережка тоже «столярничал» и сделал деревянный наган. Наган был как настоящий, но вместо пружины была резинка, а вместо пуль стрелял он горохом. На перемене Ленька попросил у Сергея пострелять, но сразу получился самопроизвольный выстрел.

Горошина, «будь она проклята», скажет потом Ленька, попала в портрет Блюхера, да еще прямо в глаз. Глаз провалился, и прославленный маршал окривел. Перепуганный Серега выхватил у Леньки оружие, спрятал в парту, а приставшему еще стрелку ударил по глазу, да так, что Ленька зажал лицо рукой и сел на свое место. В классе, кроме меня, дежурных Ваньки Пильщикова и Феньки Борисовой, никого не было. Феньке, приступившей к Леньке с претензией, он ответил, что останется после уроков и с обратной стороны приклеит бумагу, и все будет хорошо.

Звонок на уроки не дал продолжить разговор и осознать тяжесть совершенного. Учитель истории, присланный из РОНО вместо арестованного «врага народа» Ивана Кузьмича, вошел в класс и, прохаживаясь между рядами парт, не проявляя необходимой бдительности, начал опрос. Вот он сел за стол — поставить оценки — и... увидел!

— А что это у вас с портретом Блюхера? — он отложил ручку и снова встал.

— Кто дежурный? — спросил наконец он, не сводя глаз с «раненого» Блюхера.

Ванька встал из-за парты...

— Кто проколол глаз на портрете?

— Это не я,— прикинулся дурачком Ванька.

— А кто?

— Не знаю...

— Ну, ладно, не знаешь — садись.

Все успокоились. Историк начал новый материал, но то и дело поглядывал на обиженного маршала.

Закончив урок, учитель пригласил в учительскую дежурных.

— А мне можно? — спросил Ленька. — Я тоже дежурный!

Учитель принял это за очередную Ленькину выходку и не обратил должного внимания. Ленька же, пристроившись к приглашенным, зашел все же в учительскую. Подошли учителя. Вошел и директор Александр Никитич.

Историк доложил о происшествии в 6-а классе и представил пришедших с ним ребят.

— А ты, Кислов, выйди! — приказал учитель Леньке.

История была единственным предметом, по кото-

рому Ленька учился хорошо, иногда получая даже и «отлично». Случалось, что Ленька втягивал учителя в дискуссии по текущему международному положению, поэтому у них были особые взаимно уважительные отношения. И Ленька настырно не выходил.

— А чего выходить-то?. Я же по делу пришел.

— По какому еще «делу»?

— Ну, вот по этому... по Блюхеру. Это я невзначай горохом... у меня сорвалось из нагана... и прямо в глаз... Я уже придумал. Мы снимем портрет и с той стороны приклеим такой же лист бумаги, разгладим, и будет незаметно.

— Из нагана? — закричал историк, — А где наган!?

— Ну, там, в парте у Гоголева Сергея...

Учитель выскочил из учительской. Через минуту он вернулся с Серегиним наганом и положил его на стол.

Директор взял игрушку, покрутил в руках, улыбнулся, взвел резинку и спустил курок — деревянный боек даже сощелкнул...

— Вот техника! — обратился он к сидящим и стоящим учителям, выражая на лице восхищение работой. — Чей это, говорите?

— Гоголева Сергея, — ответил Кислов.

— А Сережа-то где? — обратился Александр Никитич к историку.

— Его в классе нет. Это было у него в парте! — отрапортовал учитель.

— Молодец, Сережа — как чисто работает! Только вот пользоваться не умеет и хранить тоже...

— Ну что, Павел Иванович, — обратился он к историку, — может, отпустим пока ребят, а после уроков я с ними побеседую — и с Кисловым, и с Гоголевым.

Ребята вышли. Прозвенел звонок. Вышли по одному и учителя. Историк задержался и обратился к директору:

— Александр Никитич, я вас не пойму: тут, понимаете, ученики вождам в глаза стреляют, а вы улыбаетесь, любуетесь этими враждебными выходками...

— Но-но-но! Голубчик, Павел Иванович, да вы что!? Ведь это же детские шалости! Ведь они уже осознали. Кислов изложил нам, как он все это исправит, а вы?! Эко ведь куда хватили! Да полно, Павел Иванович: я прошу вас, не придавайте этой ребячьей шалости такую серьезную окраску... Тем более, что сейчас такое время!..

— Вот именно! Александр Никитич. Такое время, когда неусыпная бдительность нужна во всем, в том числе и в ребячьих шалостях, — явно недовольный позицией директора, высказался, выходя, Павел Иванович.

Директору надо было идти на урок, но он, оговоренный тирадой историка, прирос к креслу и, закрыв глаза рукой, старался прийти в себя.

* * *

После уроков Ленька с Сережкой стояли возле двери в учительскую, а мы с Ванькой переживали у выхода из школы. Вот подошел к учительской директор, и ребята зашли за ним. Прошло немного времени, и в учительскую вошли историк и «Кляйн» — так за маленький рост называли учителя по немецкому языку. Обратно, как другие учителя, они так и не вышли. Но вот вышли Ленька и Серега.

Домой надо было идти в разные стороны. Ванька пошел с Ленькой, а мы пошли с Гоголевым.

— Ну, что там было, — спросил я

— Директор достал из стола мой наган. Спросил: твоя работа? Моя, отвечаю. Молодец, говорит, а табуретку, говорит, сделаешь? Я говорю: сделаю, только сухого материала нету... «Когда будет сухой материал, сделай табуретку и носи в школу. А вот наган больше не носи». Подает он мне наган и говорит: ты уж нас извини, голубчик, мы у тебя без спроса в парте взяли. Но тебя ведь не было, а наган Павлу Ивановичу хотелось показать — больно хорош! Так вот, больше не носи — сам видишь, какие могут быть случаи с оружием. А если бы кому в глаз, кроме портрета. Тут Александр Никитич глянул, а у Леньки синяк на глазу-то... А у тебя, Кислов, спрашивает, что это за синяк?.. Чего молчишь? Ну, я ему за Леньку и ответил, что это я ему за то, что в Блюхера стрельнул. Ну вот, говорит, мы тут разбираемся, как Кислова наказать, а он уже, оказывается, примерно и справедливо наказан... И захохотал, да так громко. И тут вошли историк с немцем. А он им: посмотрите-ка, Павел Иванович, как поплатился Кислов за неосторожный выстрел, какой синяк посадил ему под глаз Гоголев! Ну, а историк говорит: мало того, что в вождей стреляют, они еще и дерутся в школе. А директор: ну какая же это драка — они же друзья! А «немец»: — обыкновенная драка, Александр Никитич.

Директор перестал смеяться и сказал нам, чтобы мы шли домой. Ну, мы пошли, а они там остались и что-то громко стали говорить, когда мы вышли.

* * *

Прошло два дня. Отремонтированный Ленькой портрет, и вместе с ним Блюхер, почему-то стал теперь мне мешать. Отвлекать, что ли на себя. Мне казалось, что теперь он смотрел на класс более серьезно и задумчиво. И вот... На последнем уроке, когда я дорисовывал с натуры стоящий на табурете горшок, в класс ворвался учитель физкультуры Александр Григорьевич. Он быстро подошел к портрету и с ходу ударил маршала ладонью по лицу. Бумага разорвалась, он скомкал ее, а потом сорвал и рамку. Уходя, уже перед дверью повернулся к классу и громко сказал:

— Блюхер — враг народа! — Чуть постоял и вышел.

Учитель рисования, пожилой человек, молча, тихо вышел за ним. Все притихли... И вдруг Ленька захохотал.

— И ничего смешного, — оглянувшись, сказала председатель пионерского отряда Катя Синицына.

— Да, скажешь!.. Блюхер — «враг народа», а вы

ничего не знали, хотя у вас отряд имени Блюхера. А я не пионер, и то знал.

— Ну уж — знал!.. Знахарь какой!

— А не знал бы, так и не стрелял бы, — опять захохотал Ленька.

Оказавшись в стане «врагов народа», Блюхер в одночасье реабилитировал Леньку и Сережку. Ребята были рады, что теперь доброму Александру Никитичу не надо будет отбиваться от наседавших на него со своей бдительностью молодых учителей.

Но «разоблачение» Блюхера, реабилитировавшее ребят, не притупило остроты отношений между преподавателями школы, и уже через неделю Ленька принес в школу районную газету «Социалистический труд».

— Ну-ка, — сунул он мне газету под партой, — посмотри, что здесь написано!

— Что?

— А вот заголовок: «Вражеское охвостье в Шемахинской НСШ». Там и про Александра Никитича, и про математика, и...

На доске как раз висели «Земные полушария», и учительница географии Милица Павловна смотрела на них вместе с Фенькой Борисовой, отвечающей урок, а я в это время читал под партой поразительные новости про своих учителей...

Оказалось, что Милица Павловна — дочь фабриканта, ну и, следовательно, ее муж — зять фабриканта... Что они собирались «удрать» за границу, но не успели, остались в Мурманске, притаились и работали там в школе. А теперь, когда здесь открылась НСШ, они вернулись и учат советских детей. А математик-то, Николай Николаевич, оказывается, сын попа. Я это знал, мать мне говорила, но чтобы «вражеское охвостье»... Директор, Александр Никитич, оказывается, тоже сын бухгалтера, служившего у фабриканта. И самое опасное — все они договорились и пригласили в школу преподавать историю «врага народа» Ивана Кузьмича, который сейчас находится под стражей по линии НКВД. Под статьей стояла подпись — «Патриот».

— Кто же этот «Патриот»? — думал я... — Может, историк, а может, «Кляйн», а может оба вместе?..

Газету решили пока никому не показывать, кроме, конечно, Сергея и Ваньки, но когда вышли на перемену, в коридоре увидели эту же газету в развернутом виде, читаемую даже вслух. Ленька отставать от людей не хотел и больше газету прятать не стал — кто хотел, брал и читал.

А учителя?.. Конечно же, каждую ночь ждали НКВД, а днем учили детей.

И вот в 1945 году я вхожу в маленький кабинет директора Араслановского линейного, то есть при железной дороге, пункта «Заготзерно»...

— Ну, ну... входи. Зовут-то... Павлик, кажется?

— Павел.

— Сколько лет-то отбыл?

— Три...

— Ох, ты!.. Справка какая-нибудь есть?

Только я расстегнул пуговицу гимнастерки и потянул справку из кармана, как с шумом откры-

лась дверь. В кабинет, не спрашивая разрешения, вошел худой пожилой солдат. Он был в потрепанной шинельке и в ботинках с обмотками. На голове выцветшая пилотка. Он положил перед директором бумажку и попросил:

— Подпишите, пожалуйста, Роман Григорьевич!

— Пожалуйста, Александр Никитич! Чем, как говорится, богаты, тем и рады!

— Вот спасибо вам, Роман Григорьевич, вы нас просто от смерти спасаете, — забирая бумажку, устремился было солдат в двери, — сейчас получу и — на поезд!

— Стоп! стоп! стоп! — крикнул хозяин кабинета вдогонку.

Солдат, обернувшись, вопросительно, даже растерянно, посмотрел на директора.

— Вернитесь, Александр Никитич! Сядьте, вот так. Дайте-ка мне ваше требование!

Солдат с неохотой выполнил просьбу.

— Распишитесь в получении — вот здесь... вот так...

Потом, передавая требование мне, директор попросил:

— Не в службу, а в дружбу: беги на склад, получишь десять бумажных мешков, принесешь ко мне на квартиру. Да поторопись!

Когда я принес мешки на квартиру, директор и солдат сидели за столом и ели молоко с хлебом.

— Молодец, Павлик, быстро у тебя получилось. Давай присаживайся. Наливай себе молоко. Узнал ли своего учителя?

— Не сразу... А когда вы его назвали — узнал, конечно...

— С кем это имею честь встретиться? — весело спросил Александр Никитич, вглядываясь в мое лицо.

— Федора Николаевича Федотова, нашего пимоката, сын. До войны вместе в артели инвалидов работали. Мы портняжили, а они с отцом — пимы катали. Во время войны и мать катала, и сестра. Старик-то так на работе и померли, а он вот из заключения вернулся. Деваться-то теперь некуда. Маня вчера в Шемаху ходила — встретила, да сегодня поутру приехала. Вот надо на работу пристроить...

— Ах ты, грех!.. так ведь это же мой отличник по литературе... Да как это вас, Павлуша, угораздило то?!

— Ну, как... — замылся было я.

— Ладно, ладно... об этом не будем... Давайте закусим дармового провианту, и проводите меня к поезду, — и уже обращаясь к директору. — С вашего разрешения, Роман Григорьевич!

Хозяин широко, любовно улыбался гостю, глаза его светились какой-то всемирной радостью, а когда на прощанье подал руку, сказал:

— Как все же хорошо, что вы живы!

— И вы тоже, Роман Григорьевич...

— А я-то что? Я не воевал...

До вокзала шли не торопясь. Я нес мешки. Учитель курил.

— А вы, Павлуша, я вижу, не курите?

— Нет.

— А отец, помню, курил. Доводилось у него са-

мосаду одалживать. А может, скромничаете?

— Нет, нет, Александр Никитич, не курю. Я ведь не то, чтобы от ума — я по несчастью.

— Интересно!.. Это не секрет?

— Просто я накурился один раз на всю жизнь и больше никогда не хотел.

— Вот бы мне так-то!..

— Опоздали Вы, Александр Никитич... Надо, чтобы коллективизация была.

Учитель громко рассмеялся:

— Да вы, мой друг, еще и с юморком... Коллективизация-то тут причем? Можете, выясним?

— Могу все по порядку... В тридцать втором году, когда все еще раскулачивали, многие уезжали в города. Уложат в телегу что понужнее, а остальное бросали вместе с домом...

— Знаю, помню...

— Ну вот... Мы, ребяташки, шарились в таких домах. Конечно, домой-то нести ничего было нельзя — отец выпорет, а так...

В одном доме увидели рубленый табак — целых полмешка! Унесли в лес. Выкопали яму. В яме костерок зажгли. А когда нагорели угли, высыпали табак. Перекрыли яму сучьями, дерном. Меж дернин трубки из былья положили. Обвалили земелькой и легли каждый к своей трубке — курить... Ну, а потом двоих унесли к фельдшеру без сознания, а других, как и меня, рвало и рвало какой-то зеленью. Вот с тех пор и не курю.

Учитель, не прерывая, выслушал до конца и протянул:

— Да-а-а... Не было бы, значит, счастья, да несчастье помогло...

Приземистое здание вокзала, замаскированное желтыми осенними красками, хорошо увиделось только уже при подходе. По перрону, присыпанному белым балластом, прогуливались парами и по трое девушки. У штакетника стояли и разговаривали старушки. Прибытие единственного пассажирского поезда на станцию Арасланово было своего рода ежедневным праздником. Все свободные от работы и домашних хлопот люди не упускали возможности встретиться и проводить этот мимолетный праздник.

А те, кому надо было ехать, находились в вокзале. Им не до праздника — им надо было уехать, а билетов продавали очень мало. Плотная толпа женщин окружала еще закрытую кассу. В молчаливых лицах невозможно было угадать ни надежды, ни безнадёжности. Каждое лицо было как бы сопровождением медленно идущего в бесконечность времени. И где уж тут было думать о приобретении билета той скромности, какая стояла рядом в солдатских обмотках на ногах, в шинели с проволочными застежками-крючками вместо пуговиц и в застиранной пилотке на голове.

— Пойдем, Павлуша, — тихо произнес учитель и пошел к выходу.

— А как же вы поедете? — спросил я, когда мы устроились на толстое короткое бревно, много лет, видимо, уже заменявшее здесь скамейку.

— Да мне ведь недалеко — два перегона. Зайду с обратной стороны, заберусь на площадку меж вагонов, а вы подадите мне мешки. Вот и все...

— А вообще-то у меня все предусмотрено, — договорил учитель и достал из-за пазухи клеенку и веревочку.

Увязывая бумагу на манер солдатского мешка, он поделился со мной своей удачей:

— Вы представляете, Павлуша, какое мне сегодня привалило богатство. Из этих десяти бумажных мешков мы сделаем сто двадцать двенадцатилистовых тетрадей! При такой удаче нельзя не быть счастливым! Да меня завтра учительки зацелуют... Ну, не уеду на пассажирском — на товарный пристроюсь: еще не холодно... Хотя в Златоусте, говорят, уже снег.

Достав из кармана часы, он отметил, что поезд вот-вот прибывает. Но тут послышался крик:

— Ну, чего тама?! — кричала старушка с перрона к вокзалу.

— Опаздывает на час! — ответил кто-то из дверей.

— Ну вот, слышали, опаздывает, — улыбнулся Александр Никитич и встал. — Давайте теперь я вас провожу, что я буду один-то сидеть... А впрочем, Роман Григорьевич обещал появиться у себя только через час. Так что посидим здесь, и вы мне расскажете, что с вами произошло... Школу, я помню, кончили чуть ли не на отлично... Правда, при посредственном поведении. После семилетки работали на изысканиях в Мосгидромете, потом собирались в ремесленное училище, но не прошли... Ну, а потом?

— А потом собирался работать в пимокатном цехе, а когда через месяц Коля Добычин удрал из ремесленного, я поехал вместо него, и меня приняли. Учился на электромонтажника. Полгода поучился — и война. Еще через полгода нас выпустили досрочно и отправили в завод на работу. Мы поработали немного и побежали по домам, в свои деревни. Я тоже удрал. А тут как раз указ вышел — за уход с военного завода до восьми лет. Мне дали пять.

— Ну, все правильно — за дезертирство, — завертывая «козью ножку» улыбнулся учитель, а зажигая и раскуривая добавил тихо: все правильно...

Немного помолчали. Учитель поправил пилотку, выдохнул и спросил:

— Ну, и как там?

— Мне понравилось, — так серьезно произнес я, что Александр Никитич громко засмеялся, а я его убеждал:

— В самом деле! Конечно, не дом отдыха... Но против того, что было последнее время в ремесленном училище или на заводе, там было лучше...

— И главное, больше не убежишь! — добавил учитель, иронизируя согласие.

— А что!? — настаивал я, повысив голос, — В ремесленном спали в одежде, вши даже в носках появились!.. А на заводе?! Поставили на квартиру к какому-то дяде... клопы, а потом чесотка... А в заключении всего этого не было. Если, скажем, в секции одну вошь нашли — всех сто пятьдесят человек в баню и с прожаркой. Если клопа в бараке

обнаружили — всех переселяют в другой, а в том серу жгут. Ну, а дрова — идем с работы, каждый полешка два-три несет. А нас больше ста в секции — такую кучу дров накидаем к печкам! Да там и кормили лучше, и хлеба больше выдавали... а последний год я без конвоя ходил, так и вовсе...

— Что, — прервал учитель, — и в армию у вас там брали?

— Брали. Но мне отказали — и срок большой, и по возрасту молод был... А потом я и не обращался.

— Что же работали?

— Сперва-то я лес рубил. Плохо было. Норму не выполнял. Значит, и хлеба шестьсот грамм. А потом создали «бригаду малолеток». Там мы в деревообделочном цехе ящики для снарядов делали. Кто станочником, кто на тачке детали возил. Тут мы все нормы перевыполняли — хлеба восемьсот грамм. А война кончилась — амнистировали и судимость сняли... Нас, «указников», всех распустили.

— А дома, значит, и отец, и мать?

— Да... сначала мать умерла в сорок третьем, а потом в сорок четвертом — и отец.

— У меня тоже Шура в сорок третьем, — вздохнул Александр Никитич, — Вася у тетушки жил, а вот вернулся я — вдвоем живем.

Учитель все переминал искуренную уже «козью ножку», смотрел куда-то вверх вокзала, а там осенело небо, привалясь к такому же серому горному хребту. Казалось, вот-вот повалится белый чистый снег и согреет его растревоженную душу. Но лишь отдельные снежинки, как бы заблудшие, медленно кружась, опускались рядом и сливались с серым балластом под ногами...

— А вы-то как, Александр Никитич?

— Я обыкновенно — сходил два раза в атаку. Первый раз удачно, а второй раз не повезло — в госпиталь попал. Ну, а потом послали математику в военном училище преподавать. Я ведь вас-то учил, и сам еще не обучившись. А тут только Казанский университет заочно окончил — и война... Теперь неожиданно вот на повышение пошел — директором Нязепетровской средней оказался... Вон, кажется, и телега моя выплывает.

Из леса показался паровоз. Он выкатывался без грохота и без дыма. Казалось, не он вез, а его катил идущие сзади вагоны.

— Перейдем на ту сторону пути, с этой стороны нам не понравится, — пошутил учитель и взял свою связку бумажных мешков.

Посадка оказалась куда проще, чем с билетом. Как только поезд остановился, мы подошли к проему между вагонами, высматривая место на площадке. Там уже стоял другой солдат, он позвал:

— Давай сюда, браток! Чего дрейфишь? Телега большая — всех увезет!

«Браток» принял у Александра Никитича клеенчатый сверток и помог взобраться по буферам на площадку.

Поезд тронулся.

— Счастливо вам! — крикнул я, уже не видя учителя.

СТРАСТИ ПО АНДРЕЮ

Во имя Отца и Сына...

1. Путь к храму

Молчали люди. Наше приближение пугало так? Гробовщику налили. Когда б не страх, нас прогоняли б в шею. Хозяин слаб, как на рассвете филин. Пугает взглядом? Это не подсудно. Пока что. Оскорбленная надежда на мир с изнанки и на свой рассудок. Прилюдно в дождь, считалось, не нарежут.

К стене припав взерошенным затылком, смотрю на приутихших скоморохов. Душа в дожди косится на бутылку, не понимая, ЧТО в бутылке плохо. Нельзя пытаться так сырых ожиданием — страх может развернуться и клыками. Дождь перестанет, и мы дружно встанем. И снова будут лес, поля и камень.

Молчание. Капель по кровле жиже. Поклон по пояс. Знаем: без ответа. Дороги дольше, ну, а небо ближе. Хватило б Силы ихватило б Света.

2.

В лето 6913... Тое же весны начаша подписывати церковь Благовещенье на великого князя дворе первую, не ту, иже ныне стоит, да того лета и кончаша. Московский свод конца XV века.

3. Феофан Грек

По России ценят Феофана — не монах и церкви не подвластен. Можно ему бабу в сарафане подбивать на дьявольские страсти.

Да старик он. Над учениками только взмах руки: «Идите к чёрту!» Лик Господень лепится мазками до тех пор, пока он не в печенках.

Вот тогда уж отбирайте кисти! А не то икону на покрывку для капусты.

Пятипалый листик опадает с дерева. Не слышу. Тишина. Монахи притомились. Нынче жарко. Рыбам не до клева.

Вроде в кельях жили без фамилий — как узнал южанин про Рублева?

4.

Человек у Рублева не приобрел еще полной самостоятельности, как у мастеров итальянского Возрождения. Он представляет себе человека существом, зависящим от высших сил. В этом русский мастер ближе к пониманию древних греков, современников Софокла. И все же искусство Рублева в основе своей глубоко человечно, отзывчиво ко всему человеческому.

М.В.Алпатов Андрей Рублев и русская культура.

5. Дух язычества

Согрешил али нет? Ночь с язычницей — страх! Это было во сне? Это было во снах. Это было: в зубах застревающий клочок светло-русых волос. А глаза, как стекло. А глаза, как вода. А слова, как песок. Я согласен на «да». Это люди лесов, это люди болот и нехоженных рек. Провалился в тепло. Приходил на заре. А теперь не помочь. Шевельнуться — предать. Разрусалочья ночь нам страшней, чем орда. Вырезают — бежи! В лиховодье нырком. Бесхристовая жизнь под чужим потолком.

6.

6916 (1408) мая в 25 почата бысть подписывати великая соборная церковь пречистая Володимирская появлением великого князя, а мастера Данило иконник да Андрей Рублев.

Летопись XV века.

7. Подписание собора во Владимире

Да как они, собаки, не поймут, что каждая икона дело Божье. Да, если я им нарисую Тьму, — Тьмы станет больше.

Ножом по векам отчеркнут предел. Гусь тянет шею над пустым корытом. Смотрю на отражения в воде — глаза закрыты.

Впустую прогрунтована доска. Проходит лето и стоит работа. И так же больно написать Христа, как вспомнить, «кто ты».

8.

Несмотря на надпись: «Второе и страшное Христово пришествие», тема росписи Успенского собора не столько страшный, сколько праведный суд, не возмездие, а торжество справедливости. Недаром тема шествия праведных играет такую существенную роль в композиции: одна процессия праведных за другой идет навстречу входящим в храм («Лик святых святителей и прееподобных», «Лик святых царей и мучеников», «Шествие праведных жен» и многолюдное «Шествие праведных в рай»). Многократно повторенная тема шествий, движущихся навстречу праздничной толпе, входящей в храм, создает торжественную обстановку.

А.Б.Матвеева.

Фрески Андрея Рублева и стенопись XII в. во Владимире.

9. Предчувствие

Не надо! Не видеть. Закройте глазёнки Серёже. Забудьте. Страшнее увидит он этим же летом. Год только в начале, а будто бы полностью прожит. И слов не найти нам ни в Ветхом, ни в Новом заветах, чтоб вылечить душу.

Такие же, как на иконах,
стоим, созерцая чужие молитвы глазами
большими,
в полнеба,
пока не нагрязнули кони,
пока всей толпою со страха во храм не влезали.

10.

Татарове же отбивше и отвориша двери церковныя и наволочише льса около церкви и в церковь, и зажгоша и издохшася от великого зноя вся суцая ту люди.

Троицкая летопись.

11. Беседа с духом Феофана

Дойти до края — говорить с помершим.
Я удивлен — мы поменяли взгляды.
Покойник. Раз приходит — значит вещей.
Так почему ж он не пугает адом?

Ему понятен смысл испытаний,
а мне мое безумие дороже.
Я помню в церкви лошадиный танец,
я видел, как зарезали Серёжу.

Я к топорищу — взялся не за обух.
Господь не дал блаженную обидеть.
Забросить кисти — и молчать до гроба.
Закрыться в келье. Ничего не видеть.

12.

В борьбе за свержение татарского ига, за укрепление мощи и единства Руси, потребовавшей неисчислимых жертв и героических подвигов, в народном сознании высоко была оценена сама способность русских людей жертвовать собой во имя общего дела. В жертвенности Андрей Рублев и его современники увидели основу творческого начала.

Н.А.Демина.

О связях Андрея Рублева и мастеров его круга с искусством и культурой Киевской и Владимиро-Суздальской Руси.

13. Яратам

«Чернецы у стен стоят».

— В поле прокачу!
Семь татарских жен моя.
Русская хочу.
Подарю тебе наряд:
соболь и парчу.
Семь татарских жен моя.
Русская хочу.

«Как глаза мои горят!
Чур, плутовка, чур!»

— Семь татарских жен моя.
Русская хочу.
Поклоняются князья
мне, как богачу.
Семь татарских жен моя.
Русская хочу.

14.

...Случайный наезд татар уже не воинственный набег, а проза хозяйственного сосуществования. И уже неизвестно, кто кого, Орда ли Русь или Русь поглощает рассеявшуюся по русским равнинам Орду. Молчание...

М. Туровская

7¹/₂ или фильмы Андрея Тарковского

15. Призыв

— Вся братия — крысиный хор —
пускай в тиши пищит.
Я знаю, будет нелегко.
Молю: пиши!

Пусть небо делит по сортам —
здесь от души паши.
Сними заклятие со рта.
Молю: пиши!

Я понимаю: ты — аскет.
Но и в глуши спешу.
Негоже прозябать в тоске.
Молю: пиши!

16.

*Снидемся братья и друзи, сынове русские, со-
ставим слово к слову, возвеселим Русскую землю...
Задонщина*

17. Строительство. Рождение голоса собора

Две сотни рук сваять в единый мускул,
а после в грязь, каленым страхом сыт.
Как это примечательно для русских:
смотреть на возраст и на «чей ты сын».

Как это примечательно: поверить
тому, что мог покойник проболтать,
и, вышибая головою двери,
знать в одиночку: истина проста.

Жить сердцем. Махом. Не любить монахов.
Вести работы на правах птенца.
Создать шедевр, ожидая плаху,
и разрыдаться в рясу чернеца.

18.

*И тако же другому старцу его, именем Андрею,
иконописцу предызрядну, всех превосходящу в
премудрости зелне и седины честны имея и про-
чие мнози, сима добре строящима обитель благо-
датию христовою и богу помогающе, создаста во
обители церковь камену зело красну. И подписа-
нием чюдным своима рукама украсивша в память
отец своих, еже и до ныне всеми зрится в славу
Христу богу...да сподобит их обещником быти па-
мяти их и небеснаго царствия. Сия же до зде.*

*Лицевое «Житие Сергия Радонежского»
Пахомия Серба.*

19. Продолжение пути

Где мне найти себе такую пару,
чтоб был не ученик, а полубог?
Чтобы в тебе полнеба было, парень,
чтобы во мне? полнеба. Я с тобой.

Чтоб не в молитве, а теперь — в гореньи
соединить две разности в одно.
Мы весь свой век проводим на коленях.
Вставай, сынок. Пожалуйста, сынок.

Ты слышишь радость — я же вижу радость.
Нам надо еще многое отдать.
Не плачь, сынок. Теперь не плакать надо.
Теперь пребудет с нами благодать.

20.

Последние слова Андрея Рублева:

*«От всяки узы разреши и от всяки клятвы ос-
вободи, остави ему и прости...».*

21. Эпилог

*Свести к библейской резкости белил.
А.Тарковский.*

Шаг третий к постижению себя:
земля и дом, росток и снова семья.
Я соразмерен с головы до пят,
но я лишь ветвь, сплетенная со всеми
иными в этом призрачном лесу;
я только нота в музыке природы.
И я свое значение несу
как символ рода, продолженье рода.

Шаг третий к постижению пути.
От вечности шаг обращенья с малым.
Бессчётно повторившийся мотив
листа, звезды, ракушки пятипалой.

Кто станет живописцем, взяв цвета,
и скульптором (Взыскующая форма!):
когда есть твердь — желанна высота,
открыта высота, когда есть корни.

И шум лесов, и пустота полей,
открывшиеся ангелу в дороге,
намного ему космоса милей:
он видит явь и вырастает в Боге.

Он прорастает в тишину травы.
Шаг третий к постижению закона,
когда земля и небо таковы,
что воздух отражается в иконах.

Лота, которым

десять тысяч лет

«Сарапул, окружной город Уральской области, представляет одно из красивейших мест на Каме. Город расположен амфитеатром на террасе, с севера отделенной узкой и глубокой долиной речки Юрманки от высокого, поднимающегося на 30–50 метров над уровнем реки правого берега Камы (Старцевой Горы.- Л.Б.). С юга город уступами спускается к широкой и живописной долине речки Сарапулки... На востоке он ограничен Камой, а на западе упирается в великолепный хвойный лес с удивительно живописным лабиринтом оврагов (здесь их зовут «логами»).

Так сказано о Сарапуле в большом и подробном «Путеводителе по Волге, Оке, Каме, Вятке и Белой», изданном в Ленинграде в 1926 году под редакцией профессора В.П.Семенова-Тян-Шанского.

«Великолепный хвойный лес» охватывает город с запада, прикрывая его, как меховым воротом, от холодных сквозняков Сарапульской возвышенности. Лес сохранился здесь с древнейших времен. Вместе с его уникальным рельефом и многочисленными источниками подземных вод, родниками и ключиками, дающими начало ручьям и речкам на дне оврагов, он является еще одной, после Старцевой Горы, достопримечательностью города, уникальным уголком природы, хранящим много тайн и загадок, интересным объектом исследования для краеведов.

В Сарапуле этот лес издавна именуют «городским» и по принадлежности, и в отличие от леса на противоположном берегу Камы — «закамского». Существует любопытный документ — «Межевая книга по владениям города Сарапула». 29 июня 1804 года указом Александра I учинилась межа, то есть городская черта, граница владений города. Затем она была обозначена на местности межевными столбами и ориентирами и подробно описана в Межевой книге*.

Уникальность городского леса — в его древо-

*) В числе должностных лиц, подписавших Межевую книгу, был и городничий г. Сарапула Дуров. Тот самый Дуров, который явился родоначальником династии знаменитых цирковых артистов-дрессировщиков Дуровых, отцом Надежды Дуровой, легендарной героини войны с Наполеоном 1806-1815 гг., автора «Записок кавалерист-девицы», изданных при активном участии А.С.Пушкина.

стое. Здесь соседствуют ствол к стволу, не угнетая друг друга, такие лесные антиподы, как светолюбивая, жаркая, шумная сосна и теневыносливая, предпочитающая прохладу и влагу, тихая и задумчивая ель. А рядом стоят еще и пихты. Все как на подбор, великаны ростом до 30-40 метров. Бывало, гляну на вершину дерева и шапку рукой придерживаю, чтобы не свалилась. Обхвачу теплый, корявый ствол сосны — ладони далеко не сходятся: окружность более двух метров. По определению лесоводов, соснам не менее 160 лет. Подобный по сочетанию древесных пород лес существует на Волге, о чем сказано в «Путеводителе»: «Еще до сих пор сохранились на Мологе (приток Волги у Рыбинска.— Л.Б.) в Тверской губернии старые леса, в которых лесной полог образован мощным, в два обхвата толщиной, в 36–40 м вышины ставосьмидесятилетними соснами, не обнаруживающими ни малейших признаков старости... Под ними растут группами ели тоже почтенного возраста, но достигающие всего 30 м высоты. Леса эти... являются пережитком былых климатических условий. Этот пример — прекрасное доказательство того, что в известных условиях, как это можно наблюдать и по Каме в Сарапульском округе, сосна и ель могут ужиться друг с другом.

Уникален городской лес и взаимосвязью с рельефом — живописным лабиринтом оврагов. Лес сохранил овраги, овраги берегут лес. Лесоводы именуют эти овраги балками. Склоны задернованы и покрыты зеленью, а население — как везде в Прикамье и на Урале — логам, от «ложбины» Некоторым логам даны собственные имена. Например, есть Плоский лог, Каменный лог, Крутинский лог, Чугунков (Пашкин) лог, Шайтан-лог, Стрелковый лог...

Сколько логов в городском лесу, никто не считал. Нет ни крупномасштабной карты, ни плана, что были бы доступны населению. Выберешься из одного лога и тут же оказываешься в другом. Порой так и заблудишься. Люди обходят их стороной, а если и спускаются в лог, то разве что за малиной, шиповником или грибами.

Двухэтажный деревянный дом, в котором мы жили в Сарапуле в 30-е годы, стоял на склоне крутого лога, по дну которого бежала с запада через весь город в Каму неширокая, но строптивая безымянная речушка, не замерзающая даже зимой. На склонах огорожены: картошка да капуста, малина, бузина, лопухи да крапива, отдельные пихты и сосны, остатки бывшего леса, а сам лес начинается от следующей улицы вверх по речушке. Там на Широком дне лога, в мочажине, бьет из глинистой ямки горбатый родничок — источник нашей безымянной речушки. Узеньким ручейком бежит меж травой под уклон, набирает с каждым метром силы, и вот уже извилистое руслице пробил.

Этот лог мы обследовали, так сказать, вдоль. А с другими знакомились как бы поперек, пересекая их по пути на свой участок коллективного сада в поле за городским лесом. Их направление: север—юг, к живописной долине Сарапулки.

Лог появляется за деревьями внезапно зеленой бровкой откоса, о приближении к другому предупреждает постепенное понижение местности. Лога поражают воображение глубиной пади, крутизной склонов — до 40 и более градусов, и непролазной чащобой.

Травы в рост человека. Влаги предостаточно, а серые лесные почвы богаты перегноем и очень плодородны, вот и буйствуют травы. Более полусотни видов. Тут и ядовитый борец-волнобойник с крупными темно-сине-фиолетовыми цветками, гигантские зонтичные, раскидистые папоротники; облачком медового аромата растекается кремневый лабазник; тут и белая душистая сныть, и осоки, и вейник-тростник... Цепкие кустарники: малина, шиповник, боярка, лещина, бересклет с красными ягодами-серьгами. Густой подлесок: липа, рябина, черемуха, ива, бузина... Взрослые деревья стоят и на дне, и на склонах, и наверху. Сомкнулись зеленым сводом над падью, а внизу — туннель.

Стволы, поваленные ветром, перекинуты над падью фантастическими мостами. Обросли мхом, сизые лишайники свисают длинными бородами. Ручей бурлит в траве, говорит о чем-то, голос словно из-под земли доносится. Вдали гулкое, зовущее: ду-ду! ду-ду! — глухой кукушки. Вдруг вонзается в лесную тишину дикий, пугающий визг ронжи. Пейзаж первобытной природы. Таинственно и жутко, как в сказке.

Загадка логов в их происхождении, в их причудливой извилистости. Отец намеревался зарисовать хотя бы один лог, да так и не успел. Позже я выкроил все-таки время, сделал глазомерную съемку большого лога и на листе бумаги увидел любопытную картину: дерево со стволом и ветвистой кроной, как бы наклоненной по ветру.

В.П.Семенов-Тянь-Шанский пишет в «Путеводителе» так: «Речная сеть состоит из ручьев, речек и рек, сливающихся в отдельные большие стволы. Такие стволы со всеми своими ветвями и называются речным бассейном. Они похожи на деревья и кусты».

Каждый лог в городском лесу — это ни что иное, как живая природная модель речного бассейна в миниатюре. Вернее сказать: бассейна временных водных потоков, которые некогда протекали и здесь. Они выгравировали ветвистые «деревья» оврагов и исчезли. У каждого бассейна свой рисунок «деревя».

Профессор Ю.А.Поленов так описывает деятельность временных водотоков: «Не менее часто поверхностный сток атмосферных осадков осуществляется в форме линейно направленных потоков... Из-за неровности склонов отдельные тонкие струйки сливаются друг с другом, образуя более мощные струи... Такие струи быстро разрушают склон, в результате чего образуются промоины или рытвины. Во время дождя или таяния снега в таких рытвинах накапливаются атмосферные осадки, под действием которых промоины начинают углубляться, расти в ширину и вверх по уклону... Со временем рытвины превращаются

в овраги. Если дно оврага достигает уровня грунтовых вод, то в русле возникает постоянный водоток — ручей, что приводит к дальнейшему углублению, расширению и удлинению оврага и превращению его в речную долину».

Так произошло в свое время в логах городского леса. Они углубились до горизонта подземных

Рисунки Леонида Осинкина.

вод, залегающих в недрах Сарапульской возвышенности, и открыли им выход наружу родниками и ключиками, от которых побежали по дну логов ручьи и речки, подобные нашей безымянной речке или Юрманке, упомянутой в Путеводителе, или Черноголовке, бегущей мимо нашего сада в Сарапулку. Но образовали лога не атмосферные осадки и не снеговые воды, а талые воды ледников, покрывавших от 12 до 600 тысяч лет назад Русскую равнину.

До широты Сарапула ледник не опускался. Его остановила в 200 км к северу Верхне-Камская возвышенность. Мутные же потоки талых вод последнего ледника 10–12 тысяч лет назад, а возможно, и в межледниковье, устремились на юг по долинам рек и по понижениям на поверхности суши, врезаясь в грунт и образуя овраги и овражки. Вот они-то и вырезали причудливые узоры логов в городском лесу. За какой срок – сегодня сказать невозможно. Надо полагать, не за одну тысячу лет. Лес же сохранял узоры логов.

А узоры логов городского леса – реликтовый рельеф, и как реликт его надо беречь, а с ним беречь и лес, хранящий этот реликт.

Существовал лес в плейстоцене, при леднике, или вырос здесь позже, на уже появившихся логах – ответа пока нет. Его надо искать.

Моя съемка лога показала, что родники Старцевой Горы и логов городского леса находятся на одном горизонте, истекают из одного месторождения подземных вод, которые залегают в трещиноватых песчаниках и приурочены к поймам, террасам и долинам Камы, Белой, Быстрого Таныча, Буя,

Тулвы, Сарапулки... Они образовались тогда, когда слагались пермские толщи, и с тех пор непрерывно обновляются инфильтрацией, то есть процеживанием атмосферных осадков, как через сито, сквозь почву и капилляры грунта в глубину, а затем изливаясь оттуда наружу родниками.

Обследуя городской лес и лога возле сада, мы с моим любознательным внуком обнаружили и тот самый Стрелковый лог. Он прямоугольной формы, с плоским дном и вертикальной стеной оползня впереди, из-под которой сочится вода и сбегает ручейком в долину Черноголовки, к которой и выходит Стрелковый лог.

Действительно, здесь было воинское стрельбище и в XIX, и в XX столетиях. В полутрухлявых, очень толстых пнях и в стволах деревьев у дна лога мы обнаружили много пуль от разных образцов винтовок и ружей русской армии.

Здесь все было так, как описано в Межевой книге: «...перешед ручей, боровой овраг, Стрелковый лог и два отвершка безымянные – направо лес, градской, города Сарапула». Мы как будто бы оказались в XIX столетии. Лес сохранил нам и Стрелковый лог.

Схема ветвистости лога в городском лесу, выходящего в долину р. Сарапулки в р-не стоянки древнего человека «Кладовая веретя».

ПАТЕФОН

— Станешь артистом и будешь петь в театре, — объявил мне Сергей Николаевич, сосед по коммунальной квартире.

Он сказал эту фразу тоном, не терпящим возражений, как дело решенное. Сергей Николаевич — единственный из многочисленных взрослых, кого я помню по имени и отчеству, поскольку мы с ним двойные тезки: я тоже Сергей Николаевич. Он обращался ко мне, маленькому ребенку, по имени и отчеству. Другие взрослые, которых в нашей квартире было еще человек 20, частенько смеялись над таким ко мне обращением, и я не понимал, что здесь смешного.

Сергей Николаевич был, как мне казалось, самым главным в нашей квартире. Он вернулся с войны, где командовал ротой пехоты и дослужился до звания лейтенанта. Начав рядовым, он «прошел по всем фронтам ногами» (так он выражался). Воевал под Москвой, на Волховском фронте, брал Кёнигсберг, получил несколько контузий и ранений и совсем немного, как мне казалось, боевых наград для человека, прошедшего всю войну. Должность командира роты и звание лейтенанта он получил после взятия Кёнигсберга. Почти каждый вечер он крепко выпивал, вызывал меня на кухню командирским голосом и, усадив напротив, рассказывал о своих подвигах.

Никто, кроме меня, его рассказы о войне уже давно не слушал: не потому, что это было никому неинтересно, а потому, что, вспоминая войну, он почти всегда сильно напивался и с ним случались приступы (последствие контузий) — он свирепел, становился страшным, и все его боялись. Он был единственным мужчиной в нашей коммуналке, не считая меня, а я был единственным, кто мог его успокоить. Каждый раз происходило одно и то же: он начинал сильно кричать и ругаться, и моя мама выносила на кухню патефон. Я ставил пластинку и начинал петь в унисон, подражая интонациям звучащих голосов. Он очень любил мое пение, называл своим лучшим другом и никогда меня не обижал. Мое пение под патефон его быстро успокаивало, и он начинал тихо, по-детски плакать. Приходила его жена, Дина, и уводила его. После этого на кухне постепенно собирались остальные соседи, и начинался мой обычный вечерний «концерт». (Говоря «концерт», я сильно преувеличиваю).

Очень странно, что кроме меня в нашей квартире не было других детей, и я, в этом смысле, был всегда центром внимания. Потом, в других коммуналках, где нам довелось жить в разные годы, кроме меня были и другие дети. Истинным же центром внимания был, пожалуй, патефон. Больше ни у кого во всем доме не было патефона. В нашу квартиру часто приходили соседи из других квартир, захватив с собой выпивку и закуску, и получалась маленькая вечеринка — совершенно без всякого повода, просто так. И все же я был «центром» внимания по той простой причине, что патефон был мой. Не наш вообще, т. е. мамин или бабушкин, а именно мой. Я был единственным пол-

ноправным и безраздельным хозяином этого патефона и никто без моего позволения им не распоряжался.

Патефон купил мой отец на мое рождение в апреле 1949 года. Он купил его не себе или маме, не просто нам, а в честь моего рождения и мне в подарок. С этим патефоном он пришел за мной и мамой в роддом. У отца была с собой единственная пластинка с очень симпатичной мелодией, которая называлась РИО-РИТА — любимая пластинка мамы с тех пор. Это был танец в стиле пасодобль в исполнении оркестра под управлением М.Вебера (так было написано на темно-синей этикетке в центре пластинки). Впрочем, почему было? Эта пластинка, в отличие от патефона, до сих пор цела и невредима. Название на пластинке созвучно с именем моей мамы, которую звали Маргарита, или просто Рита, как называл ее отец.

Когда мама спустилась в вестибюль вместе с медсестрой, несущей меня, отец не сразу взял меня на руки. Он поставил патефон на пол, открыл его, завел пружину, поставил пластинку и только после этого взял меня. На звуки патефона сбежался весь роддом! Отец стоял со мной над патефоном, и я внимал этой первой в моей жизни музыке. Вряд ли я что-то слышал и уж тем более понимал, но это неважно. С этого момента я стал владельцем патефона! Можно сказать, что я в буквальном смысле с ним родился! Этот эпизод мама вспоминала много раз, пересказывая мне все подробности. Знали эту историю и многочисленные соседи. Патефон — это единственное, что много лет оставалось для меня как память об отце и вместо отца, который ушел от нас через два месяца после моего рождения. Нет, он не бросил нас, как это обычно говорят. Но это совсем другая история.

Патефон был моим первым учителем музыки и пения, любимой игрушкой, другом, братом и вообще самым-самым... после мамы и бабушки! Он говорил и пел мне разными голосами о какой-то другой жизни, которая была только внутри него. Эта его внутренняя жизнь очень отличалась от той, которая была вокруг меня в реальности, и та, патефонная, мне нравилась больше, потому что была красивее. Взрослые вечеринки и женские посиделки, на которых мы с ним были центром внимания, тоже были частью той красивой жизни. К патефону я никого не подпускал, кроме мамы и бабушки, и был постоянным, можно сказать, штатным диск-жокеем.

Однажды по радио — по этой большой черной тарелке, которая в те годы висела на стене каждой комнаты и практически никогда не выключалась — передали объявление, что оперный театр начинает набор детей в хоровую студию. Тогда Сергей Николаевич заявил во всеуслышанье, обращаясь ко мне:

— Ну вот, Сергей Николаевич, теперь ты будешь петь не только на кухне, а еще и в оперном театре!

— Его пока не возьмут, — ответила мама.

— Что ты такое говоришь, Маргарита! — воскликнул сосед. — Почему?

— Сереже только шесть лет, а принимают с семи, — пояснила мама.

— Чепуха какая! Я сам его отведу в театр! Пусть попробуют не взять... Я им устрою!

Сосед распаялся все больше и больше, начал кричать, что он фронтовик и его послушают, что он пойдет прямо к директору, и что-то еще. Он был абсолютно трезвый. Соседи стали постепенно выходить на кухню, не понимая, почему это наш «командир» так расшумелся, поскольку для трезвого Сергея Николаевича это было совсем не характерно. Он, пока не выпьет свой «шкалик», был обычно тихим и немногословным. Выкрикивая какие-то угрозы, он выбежал из квартиры. Вернулся он с двумя бутылками водки и с порога громко и торжественно произнес:

— Ему шесть лет и шесть месяцев!

На словах «шесть месяцев» он сделал такой акцент, будто сказал: «Герой Советского Союза!»

— Сережа, успокойся! Что ты расшумелся? Его возмут в эту студию на будущий год! — вмешалась в разговор его жена Дина.

Но сосед не хотел ничего слушать. Он уже успел налить себе стакан водки, медленно выпил, как бы цедя сквозь зубы (он всегда так пил), закурил папиросу и изрек:

— Целый год терять!? Завтра же пойдем! — обратился он ко мне таким тоном, что, мол, приговор окончательный и обжалованию не подлежит.

Последнюю реплику вставила мама:

— Завтра только среда, а прослушивание в субботу.

— Значит, в субботу! — поставил точку сосед, снова налил себе водки и добавил. — Тащи патефон, будешь репетировать!

Все стали обсуждать: что лучше петь на прослушивании? Обсуждение было бурным и очень заинтересованным. Своим пением под патефон и без него, по причине и без всякого повода, с утра и до вечера, в любой день и в любом состоянии я так «достал» всех соседей, что они ухватились за эту студию, как за единственное спасение от моей меломании. При этом никто и никогда не выражал никакого недовольства и тем более не ругался из-за того, что ребенок, поющий с утра до вечера, кому-то мешает. Под «пением» я подразумеваю не только выступления на общей кухне, когда меня об этом просили взрослые. Я постоянно «мурлыкал» себе под нос какую-нибудь мелодию, и совсем необязательно с пластинки или звучащую по радио.

Во мне просто сидела какая-то музыка. Она была как бы отдельно от меня, где-то внутри моей головы, и я этому никак не сопротивлялся. Это было моим естественным состоянием. Я пел во время еды, дома, на улице, в магазине, в трамвае, в детском саду во время занятий, за что получал замечания от нянечек и воспитателей, и т. п. В детсаде меня постоянно наказывали за это: ставили в угол или лишали прогулки. Одна из нянек при каждом удобном случае отпускала мне подзатыльники, называя меня чокнутым... Но все было бесполезно. Я ничего не мог с собой поделать — это происходило помимо моей воли и сознания. На первом же уроке, первого сентября, меня выгнали из класса. Наша классная дама так меня невзлюбила, что в коридоре я проводил времени больше, чем в классе. После второго класса мы переехали на другую квартиру,

и я перешел в другую школу. Так продолжалось до самой армии. В армии меня от этой привычки отучили окончательно. Когда я во время развода в строю, в абсолютной тишине, вдруг незаметно для себя стал что-то «мурлыкать», мне объявили три наряда вне очереди на кухню. Три ночи подряд (днем было мытье грязной посуды), я чистил картошку и к утру с трудом держал нож. Пальцы буквально немели. Когда я прикуривал, они едва удерживали спичку. Я стал постоянно контролировать себя и больше не пел, где не положено. Но все это было потом, а пока...

Наступила суббота. Прослушивание начиналось в 11.00. Мама надела на меня все самое лучшее, что у меня было. Лучшее — это шаровары, которые она сшила сама, новая белая рубашка, купленная по этому случаю, и... новые зимние ботинки. Стоял октябрь 55-го. Осень была теплая, еще было полно зелени и плюсовая температура. В зимних ботинках было очень жарко, и ноги моментально взмокли. Кроме того, ботинки были куплены навыворот, чтобы зимой можно было надевать на толстые вязаные носки, поэтому ноги сильно натирало высоким, грубым полотенцем, но я был счастлив и ничего не замечал.

Когда мы добрались до театра и нашли нужную комнату, там было полно народу. Взрослых было вдвое больше, чем детей. Мамы, бабушки, тетки и прочие родственники пришли вместе со своими чадами. Такое скопление народа я наблюдал только в трамваях в «часы пик». Сосед с нами не смог поехать (и слава богу!), он рано утром ушел дежурить на сутки.

Прослушивание проходило в два тура. Первый тур (если это можно назвать туром) заключался в проверке детей на общительность. Каждый из нас должен был сам назвать свое имя, фамилию и домашний адрес женщины, которая составляла список. Если ребенок стеснялся, а мама или бабушка начинали его уговаривать, но он упорно молчал, утыкался в мамину юбку или (не дай бог!) начинал хныкать, — таких просто не записывали и предлагали прийти на следующий год. После составления списка нас стали вызывать в хоровой класс без всяких сопровождающих. Если в этом случае ребенок также упирался и его приходилось буквально тащить силой, с ним тоже прощались и вызывали следующего. Хоровой класс представлял собой довольно большую, почти пустую комнату. Вдоль стены стояло несколько рядов длинных скамеек разной высоты, а в центре класса — рояль, за которым сидела какая-то женщина. Дверь была открыта настежь, и мы могли, если не наблюдать за происходящим, то, по крайней мере, все слышать.

Здесь уже было все по-настоящему, как в музыкальной школе. Сначала нужно было что-нибудь спеть; потом заставляли, отвернувшись от рояля, на слух определить, сколько звучит нот. Женщина, сидя за роялем, брала какое-нибудь простенькое трезвучие, и эти ноты надо было спеть. Последнее испытание — простучать карандашом определенный ритмический рисунок, который перед этим женщина выстукивала сама и предлагала повторить то же самое. Прошедших прослушивание оставляли в классе, и они рассаживались на скамейки.

Некоторых забраковали сразу из-за отсутствия хорошего музыкального слуха. Тут же начинались уговоры родителей, слезы и прочее. Я никогда в жизни не подвергался таким испытаниям и немного боялся,

но, прислушиваясь к тому, что происходило у рояля, успокоился. Сначала каждый пел что-нибудь на свой выбор, но спустя полчаса всем стали предлагать спеть «В лесу родилась ёлочка». Пели не больше одного куплета, после чего их останавливали и предлагали проделать все остальное. Чем ближе подходила моя очередь, тем больше я ненавидал эту «ёлочку» — так она мне надоела. Я, дернув маму за руку, заявил, что не буду петь эту дурацкую песенку, но она никак не отреагировала. Наконец я вдруг решил, что вообще не буду петь, и стал звать маму домой, но был поздно — я услышал свою фамилию и прошел в класс.

Женщина за роялем уже явно притомилась. Ей наверняка тоже надоела эта «ёлочка», но так было проще и, главное, быстрее. Когда подходил очередной ребенок, она почти машинально начинала играть короткое вступление и, не глядя на него, кивком головы подавала знак начинать.

Сыграв вступление, она мне кивнула... Но я молчал. Посмотрев на меня, она спросила:

— Ты не знаешь этой песенки?

— Знаю.

— Ну, так пой! — и она снова начала вступление, уже глядя на меня.

Я по-прежнему молчал.

— Чей ребенок? — спросила она в никуда. Вошла мама.

— Сколько лет мальчику?

Этого вопроса мы ждали, но надеялись, что проскочим. Во всяком случае, пока. Но вместо того, чтобы петь, как все, «ёлочку», я промолчал, чем вызвал сомнение, тем более что я был меньше всех ростом. Мама наклонилась к ней и что-то прошептала на ухо. Реакция этой женщины была предсказуема.

— Вы напрасно пришли, мы принимаем с семи лет. Придете на следующий год, — равнодушно сказала женщина, убирая руки с клавиатуры.

— Может, вы его послушаете? Вдруг мы вам не подходим. Зачем нам тогда ждать целый год? — попросила мама.

— Сколько человек осталось? — выкрикнула женщина опять куда-то, ни к кому не обращаясь.

Оказалось, что я последний. Это ее явно обрадовало, и она снисходительно сказала:

— Хорошо, послушаю, раз уж вы здесь. Но, если даже мальчик нам подходит, я все равно в этом году его не возьму. Мы уже набрали больше, чем нужно. Дети будут иногда участвовать в спектаклях и для них придется заказывать костюмы. Костюмы — это деньги, — продолжала она. — А у нас лимит.

Все это она говорила маме. Я не знал, что или что такое «лимит», но я понял, что это что-то очень скверное. Зато я понял другое: дети, принятые в студию, будут участвовать в спектаклях. Я хорошо знал, что означает слово спектакль. И вот тут-то я вдруг неожиданно для себя, а уж тем более для мамы и этой женщины, которая была хормейстером в театре, произнес тоном нашего соседа:

— Мне уже шесть лет и шесть месяцев! — и добавил для убедительности. — Я знаю много песен и каждый день пою под патефон! У вас есть патефон?

Я был первым из детей, кто открыл рот не только для того, чтобы спеть «ёлочку».

— Под что ты поешь? — переспросила женщина, явно развеселившись.

— Под патефон! — громко и внятно повторил я, удивляясь ее непонятливости.

После моих слов все стали смеяться, а она больше всех. Когда все стихло, она, все еще смеясь, выдавила из себя:

— А без патефона можешь?

— Могу! — коротко ответил я, немного раздосадованный всеобщим смехом.

Я не сказал ничего смешного, но почувствовал, что сказал что-то лишнее.

— Пой! — в тон мне коротко отрезала она и, положив руки на клавиатуру, немного язвительно добавила. — Патефона здесь нет, но я попробую тебе подыграть.

Я живо представил свой патефон, одну из своих любимых пластинок — «Танго Магнолия» Александра Вертинского, вдохнул и запел:

— В бананово-лимонном Сингапуре...

После первого куплета меня не остановили. Впрочем, я даже не думал, остановят меня или нет. Я просто пел, как обычно дома на кухне, где у меня всегда были слушатели во главе с соседом — моим тезкой. Я спел всю песню до конца. Была абсолютная тишина. Для меня это было непривычно и как-то неприятно настроило. Женщина молча сидела у рояля и сверлила меня глазами. Пауза затягивалась. В этот момент кто-то из взрослых, стоящих в дверях, начал тихонько аплодировать.

За робкими хлопками послышались еще, а затем, глядя на взрослых, начали аплодировать дети. Не думаю, что им понравилось. Скорее всего, они просто решили делать как взрослые. Мне было неважно, подражают они взрослым или нет. Главное, что они мне хлопали. Первый раз в жизни мне хлопали не только взрослые, к чему я привык, но и дети! Конечно, аплодисменты были на самом деле совсем не дружные и довольно жидкие, но мне они показались овациями. Хлопки стихли, и женщина, встав со своего крутящегося стула, подошла ко мне вплотную и, положив руку мне на голову, сказала к моей неожиданной радости:

— Ну что ж, «патефонный мальчик», ты нам подождишь. Я беру тебя, но учти: здесь не будет патефона и мы будем петь совсем другую музыку!

Мог ли я тогда представить, что через десяток лет я буду сам сочинять песни, и самая первая из тех, что я решусь петь публично, будет посвящена Александру Николаевичу Вертинскому.

Спустя почти двадцать лет, будучи артистом хора Академического театра оперы и балета, я собирался поступать в консерваторию на вокальное отделение. Во время гастролей в Калининграде (бывшем Кёнигсберге!) я заболел ангиной, не долечился, вышел на работу, сорвал голос и через месяц после открытия нового театрального сезона ушел из театра. На этом моя театральная «карьеря» закончилась.

Жизнь моего патефона оборвалась десятью годами раньше, чем театральная. Случилось это в первые часы нового 1964 года. Новый год мы отмечали на квартире одного из моих одноклассников. Точнее, это была не квартира, а комната в бараке. Накануне, договариваясь о встрече нового года, мы обсуждали праздничное меню, а главное — под что будем танцевать? У двоих ребят были проигрыватели, а у одной девочки даже был магнитофон — большая редкость по тем временам. Но родители этих ребят запретили уно-

сильно «музыку» из дома. Взрослым она тоже нужна. Оставался единственный вариант — мой патефон.

Это был первый новый год, который я встречал вне дома, без мамы и бабушки, и вообще первый праздник без взрослых. Мама испекла пирог с капустой (моя доля на праздничный стол) и помогла мне донести патефон, сетку с пластинками и пирог до места. Мы все жили неподалеку друг от друга, и нас отпустили в гости до двух часов ночи, потому что в два часа обещали вернуться Валеркины родители, у которого мы собирались. На вечеринку я пригласил девочку из параллельного 7-го «Б», в которую был жутко влюблен с шестого класса. Звали ее Веру. У нее была шикарная коса ниже пояса, зеленые глаза, пышная для ее возраста грудь, и она замечательно пела. Хоровое пение было в нашей школе спецпредметом наравне с русским, физикой или математикой. Занятия с хором проводили старшекурсники консерватории, у которых в нашей школе была практика. Вера была одним из лучших голосов в нашем хоре.

Всю новогоднюю ночь я по привычке дежурил у патефона, не доверяя его никому (впрочем, к нему никто не рвался). Ребята посмеивались надо мной и отпускали разные шуточки по поводу того, что патефон я люблю больше, чем Веру. Когда я в очередной раз убежал от нее, чтобы поменять пластинку, Вера обиженно фыркнула и перестала со мной танцевать. Я чувствовал себя очень неловко перед ней, но доверить патефон никому не решался. Ребята нашли у валеркиных родителей бутылку с брагой, и предложили выпить. Валерка пытался возражать, но его пристыдили, назвав жмотом, и он сдался. Я брагу пить не стал. На внешний вид она была подозрительная: в ней что-то плавало, и она противно пахла. Девчонки тоже не стали пить брагу, и только Вера выпила стакан вместе с мальчишками. Не знаю, сколько могло быть градусов в этом пойле, но все они быстро захмелели. В третьем часу ночи вернулись валеркины родители и выпроводили нас по домам. Отец Валерки обещал моей маме провезти нас и помочь мне донести патефон, но был такой пьяный, что тут же повалился на кровать и отключился. Мы успокоили Валеркину мать, что все нормально, мы пройдем без провожатых (благо не далеко), и поспешили уйти, пока не обнаружена распечатанная бутылка с брагой.

Я быстро выдохся после обильной еды и танцев. В одной руке я нес патефон, а в другой сетку с пластинками, которая была еще тяжелее патефона и сильно резала пальцы. В конце концов, кто-то из ребят решил мне помочь и забрал у меня патефон. Мы с Верой оказались впереди всех, а остальные почему-то отстали. Я чувствовал себя виноватым перед ней, и нужно было что-то сказать, как-то извиниться, но я не находил нужных слов, и мы шли молча. Отставшая компания что-то кричала нам. Поначалу мы не поняли, что они кричат, но потом сообразили, что нас зовут кататься на горке. У меня не было желания кататься на горке, и я предложил Vere постоять и подождать. Мы по-прежнему молчали. Пауза явно затянулась, и тут Вера, нарушив молчание, спросила:

— На чем это они катаются? Какой-то странный звук.

Я прислушался, и меня будто током пронзило. ПАТЕФОН!.. Они катаются на моем патефоне! Я пытался

крикнуть что-то, но звук застрял в глотке, и я лишь захрипел. Рванувшись в сторону горки, я бросил сетку с пластинками. Ноги казались тяжелыми гириями, и я с трудом передвигался. Меня словно разбил паралич. Я что-то кричал, размахивал руками, но меня никто не слышал. Я видел, как ребята в очередной раз забираются наверх; как они всей гурьбой усаживаются на патефон, цепляясь друг за друга, и с криками и визгом съезжают с горки. Я был уже в метрах десяти от горки, когда раздался этот убийственный звук. Сначала был глухой треск, потом скрежет металла по льду, и затем какой-то странный звон.

Сколько раз они съехали на патефоне, я не знаю. Все могло бы обойтись более или менее благополучно, если бы они не перевернули патефон крышкой вниз. Горка была из досок, ровная и хорошо раскатанная, но внизу, где кончается наклон, была выбоина. Это бывает у всех горок на стыке досок и земли. Крышка патефона уткнулась в эту выбоину. На скорости, под большим весом патефон уткнулся в эту яму, и крышку сорвало с петель. Крышкой, в свою очередь, сорвало диск и хромированный расступ. В считанные секунды все было смято и исковеркано, а изнутри торчала и жалобно позвякивала пружина. Когда я увидел свой искореженный патефон, подойдя к горке на «чугунных» ногах, мой временный паралич тут же исчез. Внутри меня поднималась ярость. Не говоря ни слова, я схватил крышку от патефона и начал молотить ею всех подряд, не разбирая, где рука, где голова. Я метался, как зверь, смертельно раненый, но способный еще убить ненавистного врага. Через минуту у горки никого не было — все разбежалось. Подошла Вера и опустила на снег сетку с пластинками. Она помолчала с минуту, оглядывая «поле боя», и спросила:

— Тебе помочь?

В ее голосе звучал не столько вопрос, сколько открытое раздражение. Новогодняя ночь была испорчена.

Я сидел на льду перед разбитым патефоном и меня пронзила мысль, что если бы не эта девочка, патефон был бы цел! Я бы без всяких приключений дошел до дома со своей драгоценностью, а потом вернулся бы к ребятам. Разве я мог объяснить ей, что значил для меня этот старый патефон, который был со мной с самого рождения? Вряд ли бы она поняла. Во мне закипала злоба на эту ни в чем не повинную Веру. Эта была моя первая наивная любовь! Я целый год мечтал провести с ней вот такой тихий, или наоборот, веселый вечер, день, месяц... К новому году я написал ей стихок, который так и не прочел. И тут я вспомнил, как она презрительно фыркнула, когда я пошел менять пластинку; как не стала больше танцевать со мной; как пила с мальчишками брагу, хотя девчонки из нашего класса пить не стали, да и я тоже. Вся эта невольная цепочка мыслей вдруг затянута петлей на моей шее и задушила все мои чувства в одну минуту.

— Убирайся! — прохрипел я чужим голосом.

Она отошла от горки метров на сто, обернулась и крикнула на всю улицу:

— Придурок!

Так разбилась вдребезги моя первая любовь, мое детство вместе с патефоном, и еще что-то очень важное. До сих пор не знаю, что?

Добыча и очистка ВОДЫ в походных условиях

Источниками воды могут служить водоразборные колонки, родники, ключи, колодцы, а после кипячения пригодна вода из лесных ручьев, если в их верховьях нет населенных пунктов, ферм и полей. В ненаселенной горной и таежной местности можно пить воду из ручьев и рек. Мутную, молочного цвета воду горных рек, содержащую частички каолина (белой глины), можно пить без очистки. Каолин — хороший сорбент, в прошлом он применялся в медицине наравне с активированным углем.

Воду из всех остальных источников необходимо обеззараживать длительным кипячением, добавками марганцевокислого калия, йодом или препаратами типа пантоцида, йодина, холазона. Воду, содержащую взвеси, перед кипячением нужно профильтровать через ткань. Воду торфяных болот, несмотря на буроватый цвет, после кипячения можно пить, так как мох сфагнум, из которого образуется торф, выделяет бактерицидные вещества.

Нельзя брать воду из рек в Средней полосе и в других густонаселенных местах. Как правило, в ней растворены химические удобрения, стоки промышленных предприятий и животноводческих ферм, не придающие воде вкуса и запаха, но не обеззараживающиеся ни кипячением, ни перечисленными ранее добавками. В большинстве случаев безопаснее брать воду из чистых луж и стариц, не соединяющихся с рекой.

В некоторых горных реках содержатся соли тяжелых металлов (ртуть, сурьма, свинец и др.), если на их пути встречаются породы, содержащие руды этих металлов или отвалы горнодобывающих предприятий. Выявлять такие реки надо при подготовке маршрута.

В высокогорье воду можно собирать хлорвиниловыми трубками с краев снежников или брать из ручейков на поверхности ледников. Можно собрать воду с прогретого солнцем камня, набросав на него снег. Топить снег на полиэтилене и лавинных лопатах малоэффективно. Имеющиеся источники воды к утру могут замерзнуть, поэтому лучше запастись водой с вечера. Пить или не пить на маршруте, а если пить, то когда и сколько — вот проблема номер один во всех летних походах в жаркую пору. Еще острее в зимних походах стоит вопрос, где взять воду для питья.

1. На поддержание обмена веществ и испарение через кожу и легкие нам в обычных условиях требуется всего лишь 2–2,5 л. воды в сутки. Часть необходимой воды образуется в организме в результате окислительных процессов, часть содер-

жится в пище, но этого мало.

До 1,5 л воды должно поступать в организм с питьем и горячими блюдами.

2. Вода нужна не только для обмена веществ, но и для стабилизации температуры тела. При интенсивной работе и в жаркую погоду организм охлаждается, испаряя часть влаги.

Поэтому, в зависимости от интенсивности нагрузок, физической подготовки и климата, туристу необходимо от 3 до 10 и более литров воды в день.

3. Выпитая вода не вся испаряется через кожу. Часть ее выводится с мочой. Причем, если выпить сразу литр воды, только 60 % ее пойдет на обеспечение терморегуляции, остальные 40 % будут выведены с мочой. Но если выпивать по 100–150 мл каждый час, то до 90% воды превратится в пот. Другими словами, в жару и при тяжелой работе выгоднее пить часто, но помалу.

Пить в течение дня, как это рекомендуется в некоторых изданиях, не менее вредно, чем пить в неограниченных количествах, поскольку это может вызвать обезвоживание организма и сопутствующие ему снижение работоспособности и тепловые удары.

Удобнее всего пить на малых привалах, которые обычно делают у источников воды. При этом лучше пить маленькими глотками или через трубочку, добавляя в кружку лимонную кислоту, различные экстракты и сухие соки, спортивные напитки типа «Олимпия» и фруктовые сиропы. Хорошо зарекомендовали себя шипучки. Их легко приготовить из лимонной кислоты и соды с различными добавками. Хорошо утоляет жажду холодный чай, лучше зеленый, а также раствор концентрированного томатного сока или томатной пасты. В крайнем случае можно пить воду с конфетами, сахаром или заедая ее сухофруктами.

Даже на больших привалах и на биваке не пейте до исчезновения чувства жажды. Вода всасывается в кровь через 10–15 минут после питья, и только тогда исчезает жажда. Слишком обильное питье не

утоляет жажду, а наоборот, нередко провоцирует ее усиление. Причина тут вот в чем.

В литре крови содержится 9,45 г. поваренной соли. Соль выводится из организма вместе с потом, но в меньших количествах — около 5 г. на литр. Соответственно, при обильном потении содержание соли в крови растёт. Чувство жажды — реакция на нарушение солевого баланса: организм стремится уменьшить концентрацию соли. Но если выпито слишком много, концентрация соли в крови падает столь значительно, что для ее восстановления лишняя влага удаляется с мочой и обильным потом, а с ними уходит дополнительное количество соли. Наши солевые запасы ограничены, и при их истощении содержание соли в крови не восполняется.

Поэтому вновь следует дополнительное выведение влаги и вместе с ней соли. Потеря воды вызывает жажду. Круг замыкается.

Определенный эффект в борьбе с жаждой дает подсаливание воды, но при тяжелой физической работе в жару злоупотребление солью снижает потоотделение, нарушая терморегуляцию и провоцируя тепловые удары и сердечную недостаточность.

А как быть, если источников воды на пути мало? В несложных походах по средней полосе в нежаркий период обычно хватает обильного питья за завтраком и ужином и некоторого количества воды в обед (перекус). В жаркие дни придется нести воду во флягах из расчета 0,7–1 л на человека. Жажда может вызвать пересыхание слизистой оболочки рта (ложная жажда). Чтобы избавиться от этого, можно сосать кислые конфеты и сухофрукты.

В зимних походах во время движения взять воду негде, но если пить только два раза в день — утром и вечером, — неизбежно обезвоживание. Поэтому запас воды в термосах в зимних походах просто необходим.

В горах, особенно в районах с жарким климатом, потери влаги достигают 7–10 л., в основном за счет испарения через легкие из-за увеличения объема легочной вентиляции. При этом приходится предусматривать в рационе до 5 л. различных напитков.

Приготовление пищи в походных условиях

В большинстве походов, основная цель которых — пройти по определенному маршруту, нет времени готовить сложные блюда. Уделять внимание кулинарным тонкостям можно только в несложных походах, основная цель которых — пассивный отдых и созерцание природы, при условии, что в группе есть опытный повар-турист. Если повар полон энтузиазма, но опыта у него мало, все старания могут кончиться конфузом. Не надо забывать, что костер или примус — не газовая плита, а поляна — не кухня. Даже опытная хозяйка может оказаться в походе в трудном положении. Поэтому отошлем гурманов к туристской литературе, где есть рецепты

многих походных блюд, и поговорим о самых общих принципах походной кулинарии.

Основные блюда в туристском меню — суп, густой суп, или кондер, и каша. Большинство неудач походных поваров связано с водой. Если воды много, даже при скудном рационе часть супа или каши останется несъеденной, а если воды мало, то каша или недоварится, или пригорит, или получится такой густой, что есть ее будет неприятно. Кроме того, надо учитывать, что в обычной кастрюле вода испаряется тем больше, чем дольше варится блюдо, а в автоклаве испарения практически нет. Поэтому воду надо строго дозировать. При варке на костре гречки или риса соотношение крупы и воды должно составлять 1: 3 или 1: 5. Несколько меньше воды, около 3 объемов, пойдет на пшено и рожки. При использовании автоклава для всех этих продуктов потребуется не более 2 объемов воды.

3–4 объема воды требуется для манной каши и овсяных хлопьев «Геркулес». Эти крупы, а также картофельные хлопья нельзя готовить в автоклаве. Супы варятся быстро, поэтому выкипание воды здесь большой роли не играет. Для супов необходимо около 400 г. воды на человека. Рекомендации на упаковке супов для туристов непригодны.

Очень чувствительны к количеству воды картофельные хлопья или порошок (вместо них можно использовать сухие картофельные оладьи, выпускаемые в пакетах). Чтобы не портить этот вкусный и питательный продукт, надо придерживаться рекомендаций, данных на упаковке. Если воды окажется мало, хлопья быстро загустеют и станут малопригодными. Если воды достаточно, хлопья, приготовленные на молоке, внесут приятное разнообразие в меню.

Завхоз еще до выхода на маршрут должен знать, сколько воды необходимо для приготовления того или иного блюда, и обязательно напоминать об этом дежурным. Обычно воду отмеряют кружками или определяют ее количество по отметкам на ручке половника.

Практически на человека должно приходиться 4–5 половников (0,5 л.) готового супа и 2–3 половника (0,3 л.) каши, а чая или компота — от 0,5 до 1 л. Объем варочной посуды (с учетом выпаривания воды) должен составлять не менее 0,5–0,7 л. на человека,

Обычный вопрос, возникающий у дежурных, — в холодную или горячую воду закладывать продукты. Если продукты развариваются плохо (сухое мясо, сухофрукты, гречка, рис, горох, фасоль), их надо закладывать в холодную воду. Если готовить предстоит утром, можно замочить их с вечера. Все остальные блюда готовятся в кипящей воде, чтобы содержимое котла не слиплось, не разварилось и не пригорело. Сухое молоко разводят теплой водой в отдельной миске и заливают в котел перед засыпкой крупы.

Поход на Пелым

Пелым по уральским меркам река довольно большая. В устье, там, где он впадает в Тавду, Пелым можно даже назвать судоходным, если, конечно, небольшой плоскодонный катер считать судном. Но в старые времена, когда пелымские земли принадлежали Сибирскому ханству и местные князьки исправно платили дань в казну потомков великого Чингизхана, значимость Пелыма как важной водной артерии у русских первопроходцев не вызвала сомнения. Про реку Пелым знали многие вольные люди, привыкшие поправлять свои дела походами за Урал, где, хоть и с большим риском, но за один сезон можно было добыть столько пушного зверя, что хватит на всю оставшуюся жизнь, тем более, что в те времена жизнь вольного русского человека была полна опасностей, приключений и надолго не затягивалась. Значимость Пелыма оценил и последний из рюриковичей, российский государь Феодор Иоаннович, повелевший в 1593 году поставить в устье Пелыма острог и тем самым окончательно закрепить дикие зауральские земли за Россией. Государь не посчитал зазорным прибавить к десяткам своих титулов и звание князя Пелымского.

Долгие годы Пелым оставался самым безопасным путем в бескрайние сибирские просторы, поскольку южнее, на Чусовой и Исети, безобразничали башкирцы, проходили набегами татары, да и местные вогулы с остяками пришлых не жаловали. Пелымский городок в эти годы процветал. Наполняли его служилые государевы люди, авантюристы без роду и племени и многочисленные

инородцы, принявшие для вида христианство, но не забывшие языческие обряды, многочисленных божков и духов. Каждую весну и лето у деревянных стен Пелымского острога появлялись новые искатели приключений и удачи. До того, как попасть к берегам Тавды, они проделывали долгий и тяжелый путь. По Каме и Вишере поднимались к перевалу через Камень, так тогда называли Уральские горы, здесь перетаскивали свое снаряжение и лодки в верховья Пелыма, и вниз по Пелыму, через огромное озеро Пелымский Туман, добирались до острога. Ниже устья Пелыма начинался путь в Сибирь. К осени все повторялось в обратном порядке, только возвращались к родным очагам далеко не все: кто-то оставался служить при Тобольском и Сургутском острогах, а кто-то, сраженный вогульской стрелой или порубанный татарской саблей, навсегда обретал покой в сибирской земле. Упадок Пелымского городка наступил после открытия Артемием Бабиновым сухопутной дороги от Соликамска до Верхотурья. Водный путь в Сибирь сместился на юг, на реку Туру, сюда же устремились казачьи дружины, купеческие караваны, а вслед за ними — русские поселенцы, монахи и работные люди. Пелым остался не у дел, укрепленного городка не стало, а берега реки затихли, оставшись во владении кочующих вогулов да русских промысловиков.

До наших дней в этих краях мало что изменилось. За четыреста лет, прошедшие с момента основания Пелымского острога, Урал превратился в «опорный край державы» с многочисленными заводами, рудниками, городами и дорогами. Людей

на Урале живет больше, чем во всей России XVI века. А на Пельме как стояла девственная тайга, так и стоит до сих пор. Немного стало меньше дичи, чуть поубавилось рыбы, медведи стали пугливее и осторожнее, но все это есть, и увидеть пельмские богатства можно собственными глазами.

Не далее как в конце июля этого года нам удалось добраться до места, где некогда стоял Пельмский острог, и подняться вверх по Пельму до уникального, самого большого на Урале озера Пельмский Туман. Мы — это сборная экспедиционная команда, куда вошли: сотрудник Свердловского областного краеведческого музея, корреспондент журнала «Уральский следопыт», бывалые путешественники из туристической группы «Тайга» и главные идейные вдохновители и спонсоры похода — представители торгового дома «Спорт». Всего десять человек. Перед всеми стояла одна общая задача — подняться по Пельму до Пельмского Тумана и без потерь вернуться обратно; но в рамках этой глобальной цели у каждого было свое важное дело, за которым он оставил городские дела и удобства и отправился в недельный поход «за туманом». Для краеведческого музея представляли интерес археологические памятники, расположенные на берегах Тавды и Пельма. Судьба открытых десятки лет назад памятников на протяжении последних лет оставалась неизвестной, поскольку екатеринбургские археологи не имели возможности регулярно посещать эти малодоступные места. Уральскому следопыту интересно все — и археологические исследования, и природа, и, конечно, походные приключения, поэтому поход на Пельм органично вошел в список экспедиций, организуемых журналом в 2004 году. Туристической группе «Тайга» был интересен новый маршрут в настоящую сибирскую тайгу, поскольку прежние их походы проходили в основном по горной части Урала. Для торгового дома «Спорт» главный интерес представляли испытания резиновых лодок «Фрегат» и лодочных моторов «Mercury», поскольку торговый дом является главным поставщиком этих товаров на уральский рынок. С всех также интересовала рыбалка, охота и интересная компания.

После недолгих сборов, за один день экспедиция на машинах добралась до заброшенной деревни Линты, что стоит на правом берегу Тавды в двадцати километрах от районного центра Гари. Дальше дороги нет, единственный путь — по Тав-

де к устью Пельма. До него от Линтов около 90 километров. Сама деревня Линты — сейчас место весьма примечательное. Когда-то это был обыкновенный поселок рыбаков, охотников и лесорубов, каких множество разбросано по всему Северному Уралу. Но настали новые времена, и деревня совсем опустела. В последние годы Линты ожили вновь благодаря одному человеку — Василию Дмитриевичу Долгову. Уже в годах, но крепкий и умный, этот мужик построил здесь несколько домиков, баню, организовал пристань, и жизнь закипела. Сейчас Линты уже не деревня, а небольшой туристический комплекс, где можно найти ночлег, попариться в бане, отдохнуть как следует, а наутро, если позволит здоровье, отправиться на рыбаку. С уловом проблем нет — река рядом и рыба клюет всегда.

Только здесь, оказавшись на берегу реки, в краю тайги и бездорожья, начинаешь понимать, каково было русским первопроходцам, открывшим для себя эти места еще в XVI веке. А если еще добавить враждебность местных вогульских племен и татарские набеги, поневоле начинаешь гордиться нашими предками, сумевшими оставить нам в наследство этот огромный и до сих пор еще почти дикий край. В отличие от наших предков, технические возможности XXI века позволяют нам не только облегчить тяготы путешествия, но и получить истинное удовольствие от некогда опасного и утомительного маршрута. Прежде всего это, конечно, лодки. Выпускаемые в большом ассортименте легкие резиновые лодки «Фрегат» и лодочные двигатели «Mercury» имеют массу преимуществ по сравнению с нашими традиционными «казанками» на «Вихрях» и «Ветерках». Главное — это легкость и скорость. Грузная лодка идет со скоростью до 45 км в час, расход топлива минимален, что позволяет в считанные часы забраться в самые глухие места, но при этом благополучно вернуться на базу.

За один день на четырех лодках по Тавде мы добрались до устья Пельма. По пути была сдела-

на одна остановка в устье реки Вагиль. Здесь в начале 60-х годов прошлого века археологами был обнаружен памятник, относящийся ко второму тысячелетию до нашей эры. Это так называемый Усть-Вагильский холм. Что это было такое, до сих пор никто не знает, но холм имеет искусственное происхождение, а большое количество керамики свидетельствует о его бурном прошлом. Следов древних поселений и захоронений поблизости обнаружено не было, поэтому принято считать, что Усть-Вагильский холм является свидетелем каких-то магических обрядов, совершавшихся еще во времена строительства египетских пирамид. Осмотрев холм и убедившись в том, что враги науки — черные археологи — сюда дорожки не протоптали, мы со спокойной совестью двинулись дальше, к устью Пелыма.

Сейчас в устье Пелыма стоит поселок с одноименным названием. Живут здесь люди подневольные, отбывающие свои сроки, в расконвоированном состоянии, под присмотром бдительного прапорщика. Местный страж отнесся к нам доброжелательно, но про свой долг не забывал и следовал за нами по пятам, пока мы осматривали всю здешнюю разруху. До революции поселок Пелым жил неплохо. В 1915 году здесь была построена каменная Михаило-Архангельская церковь, работала пристань, и жители не бедствовали. О прошлом благосостоянии пелымцев свидетельствует старинное кладбище, где можно еще увидеть мраморные памятники, привезенные издалека и купленные за приличные деньги. В советское время гражданское население в Пелыме сильно

поубавилось, церковь превратили в склад, а поселок прочно вошел в систему ГУЛАГа. Сейчас по своей воле здесь никто не селится.

Осмотр археологических объектов сразу же дал результаты. На обрыве левого берега реки Тавды были обнаружены следы древнего Пелымского городка, а по берегу Пелыма — фрагменты керамики и каменный скребок, относящиеся ко II тысячелетию до нашей эры. Археологическая разведка проводилась здесь и раньше. Мы вели свои поиски по схеме, составленной археологами в незапамятные времена. Но систематические раскопки из-за режимности поселка не проводились. Открытия в устье Пелыма предстоят в будущем. Тогда и приоткроется завеса тайны над древней историей этой земли, начавшейся задолго до появления здесь русских первопроходцев.

После поселка Пелым наш путь повернул строго на север к озеру Пелымский Туман. До озера от устья Пелыма около 90 километров. На наших лодках пройти это расстояние не составило никакого труда. По дороге останавливались, охотились, праздновали день рождения и при этом благополучно добрались до озера, где и начались приключения.

Озеро Пелымский Туман — водоем необычный. Фактически это не озеро, а естественное водохранилище на реке Пелым. В древние времена русло Пелыма было запружено речными наносами, и за образовавшейся плотиной разлилось огромное водное пространство длиной более двадцати километров. Это и есть Пелымский Туман. Само название свидетельствует о происхождении

озера, поскольку слово «туман» в мансийском языке обозначает широкий разлив реки и к русскому «туману» отношения не имеет, хотя в дождливую пору озеро действительно окутывает плотная пелена тумана. Став озером, Пелым сохранил все особенности водного режима, свойственные реке, поэтому сезонные изменения уровня воды здесь особенно заметны. В весеннее половодье вода поднимается на 4 – 5 метров, заливая прибрежные болота и леса. В это время на озере бывают шторма с высотой волн до двух метров, и горе тому рыбаку или туристу, кого занесет в это время сюда «нелегкая». Летом ситуация резко меняется. Мелеет Пелым – мелеет и озеро. Насколько сильно оно мелеет, нам пришлось убедиться на собственном опыте. Влетев на полной скорости из Пелы-

«Добрые полуплутники «Уральского следопыта»»

ма в озеро, мы поняли, что легкий путь закончился, поскольку глубина здесь не доходила и до колена. Тащить лодки по мелководью на ночь глядя мы не решились и, возвратившись на несколько километров вниз по реке, заночевали у заброшенной рыбацкой избы на окраине вымершей деревеньки Ошмарья. Наутро, на свежую голову, было решено прорваться в озеро на двух самых легких лодках, поскольку оставалась еще надежда, что мелководна только та её часть, где вытекает Пелым. На большой скорости резиновые лодки имеют осадку всего несколько сантиметров, и поэтому минимально необходимая глубина определяется размером и величиной погружения винта. Наши двигатели позволяли идти на полной скорости при глубине не более тридцати сантиметров, и только благодаря этому мы вошли в озеро и двинулись к относительно высокому берегу в надежде отыскать следы неизвестных археологических объектов. Неожиданно выяснилось, что глубина озера по мере удаления от берегов и не думает увеличиваться. Гигантский водоем оказался настолько мелководен, что от одного берега до другого, расстояние между которыми не менее пяти километров, можно пройти пешком по колено в воде. Стоять посреди водного пространства, да так, что берега со всех сторон вид-

ны только узкой полоской на самом горизонте – ощущение незабываемое. В конце концов, даже наши легкие лодки сели на мель, и далее «по воде аки посуху», ведя за собой плавсредства, мы двинулись к берегу на поиски следов древних обитателей здешних мест. Небольшая разведка на холме, поросшем огромными осинами, археологических находок не принесла. Были только обнаружены следы пребывания хозяина пелымских берегов – медведя и странные белые полосы на стволах деревьев на высоте до полутора метров от земли. После недолгих размышлений стало ясно, что белые полосы – это следы весеннего уровня воды в озере, а учитывая, что мы находились в километре от берега и на несколько метров выше современного озерного зеркала, можно сделать вывод, что масштабы весенней стихии на Пелымском Тумане поистине грандиозны. Обратный путь оказался прост и короткий. Самым сложным оказалось найти выход из озера. Но, не надеясь на систему спутниковой навигации, мы запомнили ориентир – группу высоких деревьев, и это спасло нас, поскольку аккумулятор у прибора благополучно разрядился, и если бы не приметные деревья и хорошая видимость, блуждать бы нам по Пелымскому Туману до скончания века.

Путь до базы в Линтах занял всего один день. Особо не напрягаясь, мы прошли 90 километров вниз до устья Пельма и столько же вверх по Тавде – за девять часов. При этом – никаких проблем ни с лодками, ни с моторами. По дороге останавливались передохнуть, посетили поселок Пуксинку, знаменитый тем, что практически все население его составляют обитатели исправительных колоний и поселенцы. В десятом часу вечера вся «флотилия» благополучно добралась до долговских владений.

Далеко за полночь затаились баня, ужин и краткое подведение итогов похода. Главная задача – добраться до озера Пелымский Туман и благополучно вернуться обратно – выполнена. Все участники экспедиции довольны, поскольку каждый получил то, что хотел. Археологические памятники оказались на месте и в достаточно сносном состоянии; лодки и моторы не подвели, за эти дни мы лишний раз убедились, что, отправляясь в далекий водный путь, лучше всего приобрести лодку «Фрегат» и поставить на нее двигатель «Mercury», а какую конкретно модель – лучше подскажут специалисты торгового дома «Спорт». Всех порадовала охота и рыбалка. Но главное – это удивило уникальное озеро Пелымский Туман – одно из крупнейших озер Урала и Западной Сибири.

Наутро сборы – и домой, где жизнь без нас остановилась ровно на неделю. А дома – мыть лодки, проверять двигатели, заряжать аккумуляторы спутниковой навигации и готовиться к новым походам, к новым приключениям и открытиям.

Фото Е.Тамплона

ЛЕСА УРАЛЬСКОЙ ГОРНОЙ СТРАНЫ

СЕВЕРНЫЙ УРАЛ

Границы Северного Урала проходят от Конжаковского камня на юге до северного склона массива Тэл-Поз-Из.

В отличие от Среднего Урала, Северный Урал полностью покрыт лесами и с запада, и с востока. Растительный покров с обеих сторон приближен к горам, доходя до высотных поясов. Спускаясь с вершин горных хребтов на западный и восточный склоны, можно выявить различие в составе их лесов, которые доходят до гольцовых зон и горных тундр на высоте 900 – 1000 м. Состав лесов здесь почти такой же, как на Среднем Урале. Исключение составляют не дошедшие до севера липа, ильм (вяз), клен и дуб.

Из хвойных лесов преобладают ель, лиственница, сосна, кедр.

Западные предгорья, сложенные кряжами и пармами высотой до 500м, покрыты в основном таежно-еловыми лесами.

Восточные предгорья, заполненные низкогорными увалами и кряжами высотой от 300 до 500 метров, покрыты сосновыми и лиственничными лесами, причем на севере этого горного района количество лиственницы начинает преобладать над сосной. Пихта и кедр встречаются реже. На горных склонах кедр приближается к более высотным горным поясам.

В среднем, горная тайга доходит здесь до высоты 650-900 м. В нижних подгольцовых поясах появляются криволесные березы и низкорослые лиственницы, кедры, ели и пихты. Горно-луговая растительность, состоящая в основном из трав, преобладает на более увлажненном западном склоне, между лесной и гольцовой зонами.

Евгений Савенко. Фото автора.

Начало серии заметок «Леса Уральской горной страны» в №2 за 2004год.

Березки и кедр в предгорьях Конжака

Леса у западных предгорий

Подгольцовая и гольцовая зоны на Чистопе

Полюдов кряж на западных предгорьях

Кедры и ели на склоне Конжака

Хочешь двигаться – ищи попутчика!

Свердловский областной
клинический психо-
неврологический госпиталь
для ветеранов войн

УРАЛЬСКИЙ
МЕБЕЛЬНЫЙ ЦЕНТР

СМУ-9